

ПИСЬМА Е. М. ФЕОКТИСТОВА К И. С. ТУРГЕНЕВУ (1851—1861)

Часть I
(21 февр. 1851—29 марта 1852)

Публикация Э. Г. Гайнцевой

Публикуемые письма принадлежат Евгению Михайловичу Феоктистову (1828 или 1829—1898) — крупному чиновнику, журналисту, историку, автору известных мемуаров.

Наиболее значительные вехи в карьере Феоктистова связаны с Петербургом, куда он переехал в 1862 г. Многие годы он служил в Министерстве народного просвещения, вначале чиновником особых поручений при министре А. В. Головнине, одновременно читая курс всеобщей истории в Николаевской академии генерального штаба, позже, с 1871 г., по распоряжению министра народного просвещения Д. А. Толстого, в течение почти двенадцати лет исполнял обязанности редактора «Журнала Министерства народного просвещения», при участии своего ближайшего помощника Л. Н. Майкова. С 1 января 1883 г., по рекомендации возглавившего Министерство внутренних дел Толстого, он стал начальником Главного управления по делам печати, сменив на этом посту П. П. Вяземского, а затем с весны 1896 г., назначен сенатором по Гражданскому кассационному департаменту. Все эти годы — с момента приезда в Петербург — Феоктистов продолжал начавшееся еще в Москве сотрудничество с М. Н. Катковым, печатая на страницах «Московских ведомостей», «Русского вестника» фрагменты задуманной им книги «Материалы для истории просвещения России» и статьи, посвященные по преимуществу политической истории России, Западной Европы и восточному вопросу.¹

Получив в конце 1882 г. известие о переменах в России, в частности, о грядущем перемещении Феоктистова на пост начальника Главного управления по делам печати, Тургенев за несколько месяцев до смерти занес в дневник (запись от 12 января 1883 / 31 декабря 1882 г.) едкие строки, сгущенные предчувствием

---

¹ См: Д. Я<зиков>. Памяти Е. М. Феоктистова // Московские ведомости. 1898. 18 июня, № 165. С. 4; Майков Л. Е. М. Феоктистов (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. № 8. С. 37—40 (отд. «Современная летопись»).

собственной кончины и надвигающейся на страну катастрофы: «У нас в России всё мрачней и мрачней. Феоктистова (этого архимерзавца!) сделали начальником над печатью. — Михайловского и Шелгунова выслали... Кавелин опять занемог, Гончаров окривел».² Отвечая на парижское письмо Тургенева от 29 декабря 1882 г. (10 января 1883), в котором рассказывалось о полученных из России тяжелых известиях,³ П. В. Анненков на страницах письма от 3(15) января 1883 г. набросал памфлетный образ нового «шефа цензуры»: «Я его видел летом в Петербурге: он уже приготовился к посту, окормленный кровавым мясом, скрежеща зубами, свирепый и выдержанный, как собака-волкодав. Вяземский совсем и не был болен, а притворился больным, чтобы уйти от новых цензурных уставов».⁴ В свою очередь Феоктистов, несколькими годами позже, в 1887 г., в «тургеневской» главе своих воспоминаний создал остро критические портреты Тургенева и В. П. Боткина.⁵ Между этими оценками и публикуемыми письмами, подводившими черту под многолетними отношениями, пролегло более двух десятилетий, резко разделивших русское общество.

Письма Феоктистова относятся к московскому периоду его жизни (позже он скажет: «я был истый москвич...») и охватывают ранний период его знакомства с Тургеневым: первое письмо датировано 21 февраля 1851 г., авторская помета на последнем, написанном в канун переезда в Петербург — 24 декабря 1861 г. В эту пору Феоктистов кандидатом закончил Московский университет (1847—1851), где на юридическом факультете с особым увлечением слушал лекции Т. Н. Грановского и П. Н. Кудрявцева. По воспоминаниям К. Н. Бестужева-Рюмина (однокашника Феоктистова), на втором курсе государственного права «мы не слушали по случаю выхода в отставку Редкина, а логики — по болезни Каткова. Зато слушали Грановского, который читал среднюю историю, и Кудрявцева, читавшего новую. Курс Грановского отличался изяществом построения, сжатою картинностью изложения. Это были очерки, но до того мастерские, что трудно приблизить к ним чье-либо изложение. Высокое благородное чувство всегда отличало Грановского и много способствовало развитию слушателей. Изложение Кудрявцева значительно отличалось от изложения Грановского: оно было фактичнее, а главное — изобиловало психологическим анализом...».⁶ Уже студентом Феоктистов вошел в кружок Грановского, сбли-

² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1983. Т. 11. С. 207. Далее: *Т. Сочинения (2-е изд.)*; *Т. Письма (2-е изд.)*. О новых событиях в России, по мнению И. С. Зильберштейна, оповестил Тургенева в недошедшем до нас письме М. Е. Салтыков-Щедрин. См.: Из Парижского архива И. С. Тургенева. Кн. 1. Незвестные произведения И. С. Тургенева. М., 1964. С. 409 (Лит. наследство; Т. 73, кн. 1). Далее: *ЛН*. Т. 73, кн. 1.

³ Тургенев сообщал: «А у нас-то — экая тишь и благодать! Михайловского и Шелгунова выслают из столицы, Феоктистова сажат владычествовать печатью, Кавелин опять опасно заболевает, Гончаров окривел на один глаз, Победоносцев не идет в монастырь, хотя жена его сделала рогносцем...» (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1968. Т. 13, кн. 2. С. 144*). Далее: *Т. Письма (1-е изд.)*.

⁴ См.: *ЛН*. Т. 73, кн. 1. С. 409.

⁵ См.: Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848—1896 / Редакция и примечания Ю. Г. Оксмана; Вводные статьи А. Е. Преснякова и Ю. Г. Оксмана. Л.: Прибой, 1929. С. 1—35. Далее: *Феоктистов*.

⁶ Воспоминания К. Н. Бестужева-Рюмина (до 1860) / Изданы академиком Л. Н. Майковым. СПб.: тип. имп. Академии наук, 1900. С. 23. Далее: *Бестужев-Рюмин*; также см.: *Шмулло Е. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829—1897*. Юрьев, 1899. Гл. III («Университет»). С. 29—49.

зился с Кудрявцевым, а через него с М. Н. Катковым.⁷ Вскоре по выходе из университета в «Современнике» появились его первые работы.⁸

В доме Грановского в 1849 г. Феокистов познакомился с графиней Елизаветой Васильевной Салиас де Турнемир, урожденной Сухово-Кобылиной (Евгения Тур), и получил приглашение на место гувернера ее детей. Отношение Феокистова к Салиас в эти годы отличала та же несколько экзальтированная восторженность, которая определяла и общий тон его общения с Тургеневым. В феврале 1852 г. он делился с Бестужевым-Рюминым: «Я ее ужасно люблю, <...> — я скажу более, она для меня необходима, как воздух необходим для существования человека. Если когда-нибудь судьба разлучит нас, то жизнь моя — если не кончится в нравственном смысле, то все-таки перенесет эту разлуку с большими ущербами. Но не дай Бог, чтобы это случилось, тем более, что в последнее время отношения наши стоят твердо и даже мелкие неприятности и ссоры редко случаются».⁹ 12 сентября 1852 г. он писал Тургеневу из Крыма: «Служба будет мне приятна, потому что она здесь не отлучает меня от графини. Видя ее теперь постоянно больною, я еще сильнее привязываюсь к ней и все более понимаю, сколько истинно отличного и благородного лежит в ее натуре». (Письма после 29 марта 1852 г. составят вторую часть нашей публикации.) Позже Феокистов, сохраняя к Салиас и ее семейству дружеское расположение, тем не менее будет более сдержан и критичен в суждениях о своей покровительнице.¹⁰ Но если в воспоминаниях Феокистов сквозь многолетний и горький опыт пережитого создал образ Салиас, объективно в чем-то смыкающийся с тургеневскими памфлетными персонажами Суханчиковой и Хавроньей Прышовой, то публикуемые письма, сохраняя непосредственность переживаний, позволяют постичь реальный характер и эволюцию их отношений.

⁷ См.: *Феокистов*. С. 84.

⁸ См.: <Без подписи>. Речи и отчет, произнесенные на торжественном собрании Императорского Московского Университета 12 января 1852 года. Москва // *Современник*. 1852. № 2. Отд. IV. Библиография. С. 54—66; <Без подписи>. Публичные лекции профессором: Геймана, Рулье, Соловьева, Грановского и Шевырева. Москва. 1852 // Там же. 1852. № 3. Отд. III. Критика. С. 10—16; <Без подписи>. Мария Стюарт. Статья первая // Там же. 1852. № 6. Отд. II. Наука и искусство. С. 113—139. См. также в нашей публикации примечания: 3-е к письму Феокистова к Тургеневу от 24 дек. 1851 г. и 10—11-е к письму от 14 янв. 1852 г.

⁹ Рукописный отдел Института русской литературы. № 25156, л. 13—13 об. В цитируемом письме год не указан. Датируется по содержанию 29 февраля 1852 г. Далее: РО ИРЛИ.

¹⁰ Ср.: «женщина <...> исполненная больших странностей»; «В таланте ее не было и признака художественной жилки»; «Она вся была пыл, экстаз, восторженность, но условливалось это не сердцем, а невероятною какою-то болезненною ее нервозностью. <...> нет, она имела полное право считать себя женщиной положительно доброю; только доброта эта как бы ступшеывалась, оставалась незамеченною по сравнению с ее бесперывными нервными порывами. <...> беседа с ней представляла нередко очень много интересного, но гораздо чаще действовала утомительно. И, боже мой, как любила она говорить!»; «Под влиянием обычного своего возбуждения она постоянно создавала себе миражи, видела людей не такими, какими они были в действительности, а какими создавало их ее воображение; эта женщина, по натуре своей в высшей степени искренняя, извращала факты, выдавала за достоверное то, чего никогда не было и не могло быть...»; «в доме ее царил порядочный хаос...» (*Феокистов*. С. 362, 366—367, 371). Н. Ф. Буданова, автор статьи о прототипе Хавроньи Прышовой в романе «Новь», справедливо поставила в связь созданный Феокистовым поздний психологический портрет Салиас с Хавроньей Прышовой. См.: Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3. С. 154. О генеалогии этого комического персонажа из «Нови» см.: *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 9. С. 511.

Дом Салиас, хотя хозяйка его к этому времени была отнюдь не богата, стал для Феоктистова теплым пристанищем, заменив ему собственную семью. Бестужев-Рюмин, также охотно посещавший в эту пору небольшой особняк на окраине Москвы близ Сухаревской башни, на третьей Мещанской улице, к концу жизни вспоминал: «В те годы в ее доме открылся для меня новый мир: постоянное общение с женщиной, много видевшей, много читавшей и всем интересующейся, — тогда она только начинала свою литературную деятельность — было чрезвычайно полезно. В ее доме в эту зиму я встречал Грановского, Кудрявцева и особенно часто Максимова, который тогда нам, молодым людям, казался только чудачком по своей малороссийской наивности, в своем старомодном плаще с трубкою».¹¹ Несколько позже Евгений Салиас, сын Елизаветы Васильевны, набросал сходную картину: «Первое произведение, замеченное публикой и расхваленное критикой, конечно, ввело мою мать сразу в тогдашний литературный круг, и в доме нашем стали бывать такие личности, как Грановский, Шевырев, Сушков, Станкевич... Но вместе с ними снова появились и старые друзья, Раич (переводчик „Энеиды“) и М. А. Максимович, прежние наставники матери по русскому языку и литературе».¹²

Своим человеком в доме Салиас стал земляк и соученик Бестужева-Рюмина, деливший с ним полугодное студенческое существование, — в будущем известный историк С. В. Ешевский. В очерке о своем друге Бестужев-Рюмин оставил проникновенное описание отношений, сложившихся в кружке Салиас в начале пятидесятых годов: «Вообще он <Ешевский> был любим и родными, и теми семьями, где он давал уроки, и литературным кружком, к которому примкнул. Центром этого кружка, в котором постоянно жил Кудрявцев, куда часто являлся Грановский, и где бывали все, кроме славянофилов, была в то время умная женщина, отличавшаяся большою начитанностью, много видевшая. В ее приятном обществе можно было не всегда играть в карты, что в то время составляло поневоле развлечение многих умных людей. Правда, были в этом кружке некоторые крайности западного направления, но тогда они не так резко поражали, как поразили бы теперь. Но зато в этом кружке строго осуждались легкость, пустозвонство, выражалось уважение к науке и серьезной литературе, употреблялись все усилия не пасть нравственно; словом, в нем жил тот дух московского университета, о котором я уже говорил».¹³

Менее идиллические сцены из жизни дома Салиас пятидесятых годов принадлежат А. Д. Галахову: «Ходили слухи, — верные или неверные, не знаю, — что подкупленная прислуга доносила кому следует о разговорах и суждениях своих господ. Что делать? — необходимо было сдерживать язык или прибегать к иностранному языку при выражении мнений. Собираясь в назначенные дни преимущественно у графини Салиас (Евгении Тур), вместо разговора о „важных материях“ стали предаваться карточной игре. Но это было сносно умевшим играть (самой графине, Грановскому, Тургеневу, Кетчеру, Е. М. Феоктистову); другие же, не любившие карточной игры или вовсе не знавшие ее, как, например, Соловьев, Кудрявцев, Ешевский, Бестужев-Рюмин, должны были пробавляться рассказами каких-нибудь анекдотов, возбуждавших общий смех. В числе постоянных посетителей графини были Катков и Леонтьев».¹⁴

¹¹ *Бестужев-Рюмин*. С. 28.

¹² *Салиас Е. А.* Семь арестов (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1898. № 1. С. 90—91. Е. А. Салиас имеет в виду первую повесть своей матери «Ошибка» (1849 г.).

¹³ *Бестужев-Рюмин К. Н.* Биографии и характеристики. СПб., 1882. С. 306.

¹⁴ *Галахов А. Д.* Записки человека / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. В. М. Боковой. М., 1999. С. 253.

Этот свод непроверенных, но во многом созвучных свидетельств, дает представление о той среде, которая формировала Феокистова, определяла его интересы и связи.

В салоне Салиас в 1850 г. Феокистов встретился с Тургеневым, недавно приехавшим из Европы. В его воспоминаниях этим эпизодом открывается «тургеневская» глава: «Он только что вернулся из-за границы, где был свидетелем Февральской революции и последовавших за нею событий. Можно себе представить, как были интересны его рассказы, особенно для людей, примыкавших к кружку Грановского, — для людей, которые с горячим участием относились ко всему, что происходило тогда во Франции и отражалось в Европе. А Тургенев умел рассказывать как никто. Недаром П. В. Анненков называл его „сиреной“; блестящее остроумие, умение делать меткие характеристики лиц, юмор — всем этим обладал он в высшей степени, а если присоединить сюда обширное образование и оригинальность суждений, то конечно Тургенев был самым очаровательным собеседником, какого мне когда-либо приходилось встретить».¹⁵

Встреча («...я увидел И. С. Тургенева»), как видно, произошла в июле, в те дни, когда по возвращении 20 июня из-за границы, Тургенев 2 июля прибыл к своим родным в Москву, но вскоре, поссорившись с матерью, уехал, вместе с братом и его женой, в деревню.¹⁶ Образ его этой поры, разительно совпадающий с портретом, набросанным Феокистовым, запечатлен В. П. Боткиным в письме к Анненкову от 27 июля 1850 г.: «А вот вам сладкая душе вашей новость: Иван Сергеевич приехал. Он прожил в Москве дней десять; дела его с матерью пошли было хорошо, но потом он не выдержал, рассорился с нею решительно, переехал от нее в гостиницу и на другой день уехал в деревню. <...> Воротился он самым милым, лобезным и самым добродушнейшим человеком в мире. Это — сама простота. Я обрадовался ему, как родному брату».¹⁷ 27 сентября Тургенев вернулся в Москву, где пробыл недолго (6 октября — он уже в Петербурге). В этот промежуток летопись не фиксирует ни одной встречи Тургенева с Салиас и ее кругом. Но во время третьего приезда в Москву, поводом к которому послужила смертельная болезнь матери (прибыл 21 ноября 1850 — выехал в Петербург между 2 и 6 февраля 1851 г.), он, как следует из переписки этой поры, неоднократно посещал дом Салиас, читал ей и М. С. Щепкину комедию «Провинциалка».¹⁸

Сближение Тургенева с Феокистовым, давшее толчок их переписке, произошло скорее всего во время его третьего, в течение 1850 г., приезда в Москву. Позже Феокистов вспоминал: «Счастливым было время, о котором я вспоминаю. И Тургенев всегда останавливался на нем с удовольствием. „Помните ли, — говорил он мне в своих письмах, — наши вечера на Остоженке?“ Видались мы с ним тогда почти ежедневно, и я имел возможность хорошо изучить его характер, но это был период моего крайнего увлечения Тургеневым...».¹⁹ Беседы эти отзываются в письмах.

30—31 марта 1851 г., убеждая своего корреспондента, «переменить род», отойти от жанра короткого рассказа, Феокистов напоминает ему об этих разговорах: «Мне чувствуется, я уверен, — что, кроме этих отрывочных, хотя и превосходных рассказов, Вы можете сделать что-нибудь прекрасное, цельное, Вы понимаете, в каком смысле употребляю я последнее слово. В бытность свою в Москве Вы рассказывали

¹⁵ Феокистов. С. 1.

¹⁶ См.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858) / Сост. Н. С. Никитина. СПб., 1995. С. 164—166. Далее: *Летопись (1818—1858)*.

¹⁷ П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 годов. СПб., 1892. Т. 1. С. 559. Далее: *Анненков и его друзья*.

¹⁸ См.: *Летопись (1818—1858)*. С. 173, 175.

¹⁹ Феокистов. С. 12.

столько отличных планов, идей для романа и для повести, что напрасно Вы держите их так долго в голове. Впрочем, и Вы сами имели, кажется, мысль оставить на время „рассказы“» (письмо 5). «Остоженские» встречи резонируют и в строках сентябрьского письма 1851 г.: «Ну а Вы? — Неужели ничего не написали. Стыдно будет показаться Вам с пустыми руками. Особенно желал бы я видеть статью по поводу Гамлета и Дон-Кихота, о которой мы так долго рассуждали в Москве» (письмо 10).²⁰

Письма Феокистова представляют собою своего рода хронику творческой жизни Тургенева пятидесятих годов: последовательно на их страницах обсуждаются выходящие из-под его пера произведения, критические отзывы о них, театральные постановки его пьес, актерские интерпретации тех или иных ролей в просмотренных спектаклях.

К началу переписки Феокистову немногим более двадцати лет. Он смотрит на Тургенева снизу вверх, пытается попасть с ним в ногу: читает все, что публикуется им, ревниво прислушивается к каждой оценке или суждению о его произведениях, пороку, повторяя или педалируя оценки, формирующиеся в среде Грановского, В. П. Боткина (ср., к примеру, его суждения о диссертационной книге Кудрявцева, сборнике «Пропаи», публичных лекциях Грановского — с высказываниями по этим поводам Боткина в письмах к Анненкову).²¹ Он включает в круг своего чтения то, что увлекает или увлекало Тургенева, соразмеряя с его интересами и критериями свои читательские, театральные-музыкальные и литературные вкусы. Эротические мотивы, словесная брутальность писем передают характерные оттенки фривольного общения Феокистова и Тургенева, не чуждавшегося в эту пору «чертовского срамословия» и «чернокнижной словесности».²²

Феокистов был тем человеком, которому 26 февраля 1852 г. Тургенев переслал свою запрещенную петербургской цензурой статью о смерти Н. В. Гоголя для «Санкт-Петербургских ведомостей», послужившую поводом к его аресту и ссылке. Нет необходимости вновь воспроизводить эту историю, тем более, что она неоднократно освещалась.²³ Обратим внимание лишь на один аспект, раскрывающийся в публикуемых письмах.

В воспоминаниях Феокистов писал: «История эта отразилась и на мне неприятными последствиями. Дело в том, что статью Тургенев прислал Боткину для по-

---

²⁰ См.: Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851—1853) // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л., 1958. С. 164; также: 7-е примечание к цитируемому письму Феокистова от 17 сентября 1851 г.

²¹ См.: Аппенков и его друзья. С. 562—564, 566—568.

²² См.: Т. Сочинения (2-е изд.). Т. 12. С. 658—659 (автор комментария — Е. А. Гитлиц); Стихи не для дам. Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века / Изд. подгот. А. Ранчин и Н. Сапов. М., 1997. С. 7, 8—9 и последующие.

²³ См.: Лемке М. К. Арест и высылка Тургенева в 1852 году // Русская мысль. 1906. № 2. С. 16—26 (вторая пагинация); Душин А. Ссылка И. С. Тургенева в Орловскую губ. // Минувшие годы. 1906. № 8. С. 29—39; Архив III Отделения собственной е. и. в. канцелярии. 1-ая экспедиция. № 92. По письмам: от Никольского к Ивану Сергеевичу Аксакову, от Ивана Тургенева к нему же Аксакову, и от Тургенева к Василию Боткину насчет смерти литератора Гоголя. Начато: 15 марта 1852 г. // Всемирный вестник. 1907. № 1 (Приложение). С. 1—32; № 3 (Приложение). С. 33—48; № 12 (Приложение). С. 49—87; Дризен Н. В. Арест и ссылка И. С. Тургенева // Исторический вестник. 1907. № 2. С. 559—569; Измайлов Н. В. Тургенев и С. И. Мещерская // Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. М.; Л., 1966. Вып. 2. С. 226—248; Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. № 196, 197, 198, 199, 202, 210, 214; Офиц. письма и дел. бумаги — № 16—20 и примечания к ним.

мещения в „Московских Ведомостях“, но Боткин попросил меня доставить ее М. Н. Каткову, редактору этой газеты, потому что был в ссоре и не видался с ним. Я тем охотнее исполнил это, что и сам получил от Ивана Сергеевича маленькое письмо, в котором он упоминал о своей статье». ²⁴ Феокистов, таким образом, отрицал сам факт получения им статьи о Гоголе и утверждал, что статья была получена Боткиным.

Ю. Г. Оксман в комментариях к воспоминаниям Феокистова привел два фрагмента из тургеневских писем, выявляющих их несоответствие приведенным выше строкам: от 26 февраля 1852 года — Феокистову (к этому письму была приложена статья о Гоголе) и от 3 марта этого же года — В. П. Боткину. В письме Феокистову, в частности, сказано: «Я послал Боткину стихи, внушенные Некрасову вестью о смерти Гоголя; под впечатлением их, написал я несколько слов о ней для „С.-Петербургских ведомостей“, которые посылаю Вам при сем письме, в неизвестности — пропустит ли их и не исказит ли их цензура. Я не знаю, как они вышли, — но я плакал навзрыд, когда писал их». ²⁵ Из письма Боткину (в составе документов III отделения сохранился лишь фрагмент в копии) также явствует, что статья о Гоголе была получена Феокистовым: «Нельзя ли попробовать напечатать то, что я написал о Гоголе (разумеется, без подписи) в „Московских ведомостях“, как отрывок из письма отсюда? <...> Неужели это так пройдет, и мы ни слова не сказали тебе. ²⁶ Показывал ли Феокистов мою статейку о нем? В „Петербургских ведомостях“ Мусин-Пушкин ее запретил и даже удивился дерзости так говорить о Гоголе — лакейском писателе...». ²⁷ От каких-либо выводов Оксман, цитируя эти противоречащие воспоминания Феокистова письма, воздержался.

Однако в показаниях московскому генерал-губернатору А. А. Закревскому от 20 апреля 1852 г. Феокистов не скрывал факта получения статьи, что удостоверилось и приложенным им тургеневским письмом от 26 февраля того же года, но при этом стремился оправдать и вывести из-под удара и Тургенева, и Боткина, передавшего ему просьбу отдать статью в «Московские ведомости»: «Вследствие приказания Вашего Сиятельства, честь имею доложить: 29-го февраля настоящего года получил я от г. Тургенева из С.-Петербурга письмо, в котором он извещал, что написал статью для „С.-Петербургских ведомостей“ о смерти Гоголя и присылает мне ее для рассмотрения. Хотя сам г. Тургенев, тем самым, никоьлко не поручал мне, как это видно из прилагаемого мною, при сей записке, подлинного письма его, печатать его статью в Москве, но я, по знакомству, показал ее редактору „Московских ведомостей“ г. Каткову и спросил его, не годна ли она будет для печатания. По дружеским отношениям моим с г. Тургеневым, я знал, что он не рассердится, если его статья явится в одно и то же время в „Московских“ и „С.-Петербургских ведомостях“, для которых она предназначалась. Московская цензура одобрила статью к напечатанию, и она вскоре явилась в „Московских ведомостях“. На третий же или на четвертый день после ее на-

²⁴ Феокистов. С. 17.

²⁵ См.: Феокистов. С. 39—40. Письмо цитируются по изданию: Т. Письма (2-е изд.), Т. 2. С. 124.

²⁶ Строку «...и мы ни слова не сказали тебе» публикаторы письма объяснили следующим образом: «Фраза эта, отрывочно включенная в полицейскую выписку, очевидно, обращена Тургеневым к умершему Гоголю» (Т. Письма (2-е изд.), Т. 2. С. 465).

²⁷ См.: Феокистов. С. 39. Письмо цитируется по изданию: Т. Письма (2-е изд.), Т. 2. С. 126.

печатания получил я уведомление от г. Тургенева, что статья его о смерти Гоголя была запрещена С.-Петербургскою цензурою».²⁸

Публикуемые письма, восстанавливая хронику развития событий, уточняют их и непреложно подтверждают факт получения Феокистовым (но не Боткиным!) тургеневской статьи о Гоголе. 3 марта 1852 г., в ответ на письмо Тургенева от 26 февраля, Феокистов сообщил: «Стихи Некрасова очень хороши и Ваша статейка тоже. Благородно и прилично. Что же она не печатается» (письмо 16).²⁹ Из следующего письма, от 7 марта этого же года: «Статьку Вашу отдал Каткову. Он покажет ее Назимову и напечатает ее, если будет позволение» (письмо 17). И, наконец, 29 марта 1852 г., за две недели до завершения «Дела» об опубликовании в «Московских ведомостях» тургеневского «Письма из Петербурга» о смерти Гоголя,³⁰ корреспондент Тургенева весьма осторожно намекал: «У меня тут была маленькая неприятность по поводу Вашей статейки о Гоголе, помещенной в „Мос<ковских> Вед<омостях>“, но об этом при свидании» (письмо 19).

Письма Феокистова, соотнесенные с тургеневскими, открывают возможность еще раз взглянуть на другой эпизод, предшествовавший аресту Тургенева и расправе над его корреспондентами.

26 февраля 1852 г. Тургенев отвечал Феокистову: «Вы мне пишете о статье, которую я должен написать в „Современник“ — не знаю, удастся ли мне... В этом случае нельзя есть и писать, не обдумавши — надо попасть в тон — а уж думать о необходимости попасть в тон, когда говоришь о смерти Гоголя, тяжело и даже жестоко».³¹ В конце шестидесятих годов, в своих воспоминаниях (очерк «Гоголь», 1869) он рассказал об этом факте более определенно, связав упрек в молчании по поводу смерти Гоголя именно с Феокистовым: «Вскоре потом я получил от одного приятеля из Москвы письмо, наполненное упреками: „Как! — восклицал он, — Гоголь умер, и хоть бы один журнал у вас в Петербурге отозвался! Это молчание постыдно!“ В ответе моем я объяснил — сознаюсь, в довольно резких выражениях — моему приятелю причину этого молчания и в доказательство как документ приложил мою запрещенную статью. Он ее представил немедленно на рассмотрение тогдашнего попечителя Московского округа — генерала Назимова — и получил от него

²⁸ Архив III Отделения собственной е. и. в канцелярии // Всемирный вестник. 1907. № 3 (Приложение). С. 47. Ср. из объяснительной записки Боткина московскому военному генерал-губернатору Закревскому: «Я получил от г. Тургенева письмо, в котором он писал, чтоб я передал г. Феокистову, что он желает, чтобы присланная им г. Феокистову статья о Гоголе была напечатана в „Московских ведомостях“». Когда я сказал это поручение г-ну Феокистову, он отвечал мне, что уже сам вздумал ее напечатать и отдал несколько дней назад в редакцию „Московских ведомостей“. Впоследствии я узнал, когда статья была напечатана, что она не дозволена г. Мусиным-Пушкиным к напечатанию в „С.-Петербургских ведомостях“» (Всемирный вестник. 1907. № 3 (Приложение). С. 46). Ср. с письмом Боткина Тургеневу от 5 марта 1852 г. (к этому моменту Феокистов уже ознакомил Боткина с тургеневской статьей о Гоголе) в ответ на письмо Тургенева от 3 марта «Спешу отвечать тебе потому, что хочется сказать, что статейка твоя (прекрасная), — здесь непременно будет напечатана в Моск. Ведомостях, об этом завтра же извещу Феокистова, чтобы он отдал ее Каткову» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851—1869. По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея / Пригот. к печати Н. Л. Бродский. М.; Л., 1930. С. 26). Далее: *Боткин и Тургенев*.

²⁹ Полученное И. С. Аксаковым письмо от 3 марта 1852 г. удостоверяет, что накануне Тургенев направил Феокистову статью о Гоголе: «...г. Мусин-Пушкин не устыдился назвать Гоголя публично писателем лакейским. Это случилось на днях по поводу нескольких слов, написанных мною для „СПб. ведомостей“ о смерти Гоголя (я их послал Феокистову в Москву)» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 125).

³⁰ Дата закрытия дела — 14 апреля 1852 г.

³¹ *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 124.

разрешение напечатать ее в „Московских ведомостях“. Это происходило в половине марта...». ³² Письма, в котором Феокистов убеждал Тургенева выступить со статьей о Гоголе на страницах «Современника», среди публикуемых — нет. ³³

Сведенные в систему письма, ранее публиковавшиеся лишь фрагментарно, выявляют странное четырехдневное молчание в пору напряженного развития событий, связанных с Гоголем (первые «подробности» о его смерти, перенос тела в университетскую церковь, панихида), и нарастания волны слухов вокруг этих событий. «Странность» молчания тем более бросается в глаза, что Феокистов чаще всего писал Тургеневу вслед интересующим их событиями и как бы спешил довести до его сведения то, что только что увидел, пережил или услышал. Очевидно, что между 21 (день смерти Гоголя) и 25 февраля (днем, когда было написано письмо о его похоронах, см. № 15) — скорее всего, 21—22 февраля Феокистов, подобно Боткину, выслал Тургеневу письмо с «подробностями» о смерти Гоголя (и, может быть, не одно: он мог написать и 24 февраля). Возможно, в эти дни он обратил Тургеневу «упрек» в молчании о смерти Гоголя и предложил написать о нем статью в «Современник». Но это письмо (или письма), как и письмо Тургенева к Боткину (в ответ на его рассказ о «подробностях» смерти Гоголя ³⁴), до нас не дошло. ³⁵

16 апреля по высочайшему повелению Тургенев был арестован. Через месяц (18 мая) ему предстояло выехать «на жительство» в Спаское-Лутовиново («под приглядом»). За Боткиным — человеком, не занятым в торговых делах своего отца и отличающимся свободным образом мыслей, по решению московской администрации, ранее установленное секретное наблюдение было обращено в полицейский надзор,

³² Т. *Сочинения* (2-е изд.). Т. 11. С. 66.

³³ Строки из тургеневского очерка «Гоголь» ... из Москвы ~ письмо, наполненное упреками... в академическом собрании комментируются следующим образом: «В дошедших до нас письмах Е. М. Феокистова и В. П. Боткина, с которыми Тургенев делился своими чувствами и размышлениями, вызванными смертью Гоголя, никаких обращений к Тургеневу с просьбой написать статью о Гоголе не содержится» (Т. *Сочинения* (2-е изд.). Т. 11. С. 360. См. также комментарий к письму Тургенева к Е. М. Феокистову от 26 февраля 1852 г. (Т. *Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 463).

³⁴ Ср.: «Вы не можете себе представить, друзья мои, как я вам благодарен за сообщение подробностей о смерти Гоголя — я уже писал об этом Боткину» (там же. С. 123). Из примечания к последним словам приведенных строк: «Это письмо Тургенева к Боткину неизвестно» (см.: там же. С. 463).

³⁵ Н. В. Измайлов, комментируя письмо Тургенева к Полине Виардо от 21 февраля (4 марта) 1852 г. высказал предположение, что еще до утреннего заседания Общества посещения бедных в Дворянском собрании (24 февраля) Тургенев уже получил письма из Москвы, «очевидно, от В. П. Боткина и Е. М. Феокистова», с сообщением о смерти Гоголя. См.: Т. *Письма* (1-е изд.). Т. 2. С. 431 (в этом издании напечатан лишь фрагмент из письма); также: Т. *Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 462 (комментарий — при участии Е. В. Свьясова). Основанием к предположению послужило, в частности, свидетельство А. В. Никитенко, который 24 февраля, то есть в день похорон Гоголя, записал в дневнике: «Сегодня получено известие о смерти Гоголя. Я был в зале Дворянского собрания на розыгрыше лотереи в пользу „Общества посещения бедных“; встретился там с <И. И.> Папаевым, и он первый сообщил мне эту в высшей степени печальную новость. Затем <И. С.> Тургенев, получивший письма из Москвы, рассказал мне некоторые подробности. Они довольно странны» (Никитенко А. В. Дневник: В 3-х т. Л., 1955. Т. 1. С. 345—346. Далее: Никитенко). И далее см. по тексту дневника Никитенко перечисленные им подробности о смерти Гоголя — их нет в письме Боткина к Тургеневу от 21 февраля 1852 г. (Боткин и Тургенев. С. 18—21) и Феокистова от 25 февраля 1852 г., но которые могли быть в предшествующем письме последнего, к примеру, о реакции Гоголя на смерть жены А. С. Хомякова, об увещаниях Филарета («Он не послушался даже Филарета, который его решимость не принимать лекарств называл грехом, самоубийством») (Никитенко, 1. С. 346).

а Феоктистову, по учреждении за ним подобного же надзора, приказывалось немедленно поступить на государственную службу.³⁶

Осенью 1852 г. Феоктистов покинул Москву и вместе с семейством Салиас выехал через Малороссию в Крым (мысль об этой поездке у графини возникла еще до истории с тургеневской статьей). Они поселились в местечке Кучук-Ламбат в доме на берегу моря, где жизнь текла размеренно и без особых забот (см. в последующей публикации письма из Кучук-Ламбата, затем Симферополя и снова Кучук-Ламбата — от 12 сентября 1852 г. по 26 июля 1853 г.). Следуя распоряжению администрации, Феоктистов поступил на службу в Таврическую палату государственных имуществ в Симферополе, которою управлял давнишний приятель его семейства И. И. Брадке. Однако по возвращении в Москву поздним летом 1853 г. Феоктистов остро ощутил тяжесть своего нового положения: «...я много, много виноват пред Вами, не писавши до сих пор, но, без сомнения, Вы простили бы мне это, если бы знали, в какую пучину зол и бедствий повергнут я с самого моего приезда из Крыма. До сих пор я ишу ответа, но все безуспешно. Вы сами знаете, что служить я *должен*, а места не могу получить именно потому, почему я должен служить. Всюду, куда не обращусь, мне говорят, что не могут исполнить моей просьбы, ибо не желают иметь дел с такими господами, как я. Вы поймете затруднительность этого положения, — право, и хочется иногда написать Вам, но мысли не идут в голову, ибо только и думается, что вечером должен ехать сюда, а завтра туда, и все с разными прошениями и молениями» (письмо от 2 ноября 1853 г.). Когда же ему было обещано место в канцелярии гражданского губернатора — сверх штата и без жалованья, он в отчаянии пожаловался Тургеневу: «Вы говорите мне, что удивляетесь, как могло случиться, что я не получил место, тогда как все говорили во время известной истории, что именно вследствие ее я должен непременно получить его? Что делать, Иван Сергеевич, — *обещают-то* всегда много, да ничего из обещаний не выходит. Так вот и теперь обещают мне чрез год или полтора дать штатное место, а сбудется ли это?..» (письмо от 16 ноября 1853 г.). В конечном счете ему удалось получить место преподавателя истории в Александровском сиротском кадетском корпусе. В 1854—1855 годах снова стали появляться его небольшие публикации в «Московских ведомостях», «Отечественных записках», «Современнике».³⁷ С 1856 г. начинается его сотрудничество в только что основанном Катковым «Русском вестнике».³⁸

Свод сохранившихся писем Феоктистова к Тургеневу, хронологически связанных между собой (в данном случае имеется в виду последовательность общения), завершается концом 1853 г. (последнее письмо помечено 30 ноября). Далее их корреспонденция представлена письмом Феоктистова от 3 апреля 1855 г., а также двумя группами его писем: периода сотрудничества в «Русском вестнике» (1858, 1859 гг.) и в газете Салиас «Русская речь» (1860—1861 гг.).

Вернувшись в конце лета 1858 г. в Москву из-за границы, где он провел полтора года (выехал в конце 1856 г.),³⁹ Феоктистов связал свое будущее прежде всего

³⁶ См.: *Дризен Н. В.* Арест и ссылка И. С. Тургенева. С. 569; *Всемирный вестник.* 1907. № 1. С. 25—26 (письмо Закревского — А. Ф. Орлову от 5 апреля 1852 г.); там же. 1907. № 3 (Приложение). С. 40—41 (письмо Закревского — А. Ф. Орлову от 24 апреля 1852 г.).

³⁷ См.: *Майков Л. Е. М.* Феоктистов (Некролог). С. 34.

³⁸ Публикации Феоктистова за 1856 г. см. в кн.: «Русский вестник». Указатель авторов (1856—1862): В 2-х кн. / Ленингр. гос. университет; Сост. В. С. Маслов, Г. П. Талашов. Л., 1990. Кн. 2 (Л—Я). С. 39—40.

³⁹ Полтора года, проведенные Феоктистовым в Италии и Франции, отчасти отразились в его корреспонденциях из-за рубежа в «Московских ведомостях» (ред.

с «Русским вестником». «По возвращении из-за границы, — писал он Тургеневу 26 сентября 1858 г., — многие молодые люди — я, Капустин, Вызинский, Лохвицкий, Рачинский и др., хотим посвятить все свои силы „Русскому вестнику“. Конечно, Вам уже известно, что журнал этот идет теперь как ни один из русских журналов, но мы убеждены, что ему можно придать еще более достоинства».⁴⁰ От имени М. Н. Каткова он просит Тургенева о встрече и пытается добиться от него согласия предоставить «Русскому вестнику» (но не «Современнику») какое-либо из его произведений: «...Катков сказал мне, что он не остановится ни пред какими жертвованиями, если бы он мог получить какое-нибудь Ваше произведение. Мысль эта особенно заманчива теперь, после того, как обязательное соглашение Ваше с „Современником“, кажется, рушилось. Вопрос в том, согласитесь ли Вы на это после различных недоразумений, происшедших между Вами и „Русским вестником“? Я думаю, что едва ли Вы будете помнить так долго эту размовку; — что касается до Каткова, то он просит меня сказать Вам от его имени, что он будет в отчаянии, если это помешает ему снова сойтись с Вами». С этими строками согласуется письмо Тургенева к Каткову от 10 декабря 1858 г. с обещанием отдать в его журнал «Накануне»: «Повторяю Вам то, что я сказал Феокистову: будущую мою повесть пишу для „Русского вестника“; должно надеяться, что она будет готова к осени».⁴¹ Обеспоконенный анонсами «Современника» на будущий год, Феокистов вновь, 28 октября 1859 г., обратился с просьбой: «Вы знаете, как дорожит редакция произведением, которое обещали Вы поместить в ее журнале. Можно сказать без преувеличения, что одна из главных надежд ее на успех в будущем году опирается на Ваш роман. <...> Каткова еще нет, может быть, по приезде, он решился бы отступить от этого правила ради того, чтобы объявить о Вашем произведении, но для этого нужно знать его название и, хотя приблизительно, когда Вы думаете его окончить. После зазывов „Современника“ нельзя уже довольствоваться глупим извещением, что „Ив. С. Тургенев обещал нам повесть“, а сказать что-нибудь определенное».

Но уже 9 июля 1860 г. Феокистов сообщил Тургеневу о разрыве группы сотрудников «Русского вестника» с редакцией: «...в последнее наше свидание в Москве я уже говорил Вам о тех стеснениях, которым подвергает редакция „Русского вестника“ своих сотрудников. Как бы то ни было, графиня, Вызинский, Утин, Благовещенский и я отделились от Каткова и К^о. Мы думаем основать теперь свою собственную газету: предвижу, что слова эти будут встречены недоверчивостью с Вашей стороны, ибо история „Атеня“ и множества других изданий прежде всего являются Вам теперь на память. <...> мы надеемся повести дело лучше, чем вел его Евг^{ений} Корш, и придать интерес нашему изданию: у нас есть деньги, есть сотрудники и — главное — есть ясный и определенный план для издания».⁴²

В. Ф. Корш) и «Русском вестнике» (отд. «Современная летопись»), см. вышеуказ. указатель В. С. Маслова и Г. П. Талашова. С. 40. Впечатления от поездки освещены также во второй главе воспоминаний Феокистова.

⁴⁰ В течение 1858 и 1859 гг., по свидетельству Л. Майкова, в «Русском вестнике» появилось не менее девяти статей Феокистова, посвященных «...новейшей истории и политике, как, например: „Пьемонт и Австрия с исхода XVIII века“ (по итальянским источникам), извлечения из записок Гизо, из книги Э. Абу о современном (папском) Риме, этюды о Токвиле, о стачках рабочих в Лондоне и проч.»; кроме статей, «явившихся за подписью автора, Евгений Михайлович давал тому же журналу небольшие анонимные заметки и участвовал в составлении ежемесячного политического обозрения» (Майков Л. Е. М. Феокистов (Некролог). С. 36). Ср. с вышеуказ. указателем В. С. Маслова и Г. П. Талашова. С. 40.

⁴¹ Т. Письма (2-е изд.). Т. 3. С. 30, 615.

⁴² О сути конфликта и его развитии, в интерпретации Феокистова, см. в его воспоминаниях (с. 368—370), а также в статье Н. Ф. Будановой «„Новь“». О прото-

Письма 1860—1861 гг. документально восполняют не только историю возникновения созданной Салиас газеты «Русская речь» (начала выходить с 1 января 1861 г.),⁴³ но и ход переговоров, которые велись по поводу участия Тургенева в новом издании. Так, сообщение о создании газеты Феокистов сопровождал просьбами: «Не можете ли <...> отдать нам „Кольцова и Бернса“? Если Вы, к нашему несчастью, распорядились уже иначе этою статьею, то, вероятно, будете читать что-нибудь новое в обществе литературного фонда? Быть может, Вы напишете что-либо по поводу Вашего пребывания теперь за границею?» Письма от 20 октября и 28 ноября 1860 г. посвящены тургеневской статье «Русские в Париже» (замысел не осуществлен).

Письма Феокистова начала шестидесятых годов носят по преимуществу деловой характер, хотя и сохраняют еще тепло прежних отношений. Однако в них уже нет былой эмоциональной напряженности. Все реже встречаются имена прежних общих знакомых, так часто поминавшиеся в корреспонденции начала пятидесятых годов. Кружок, центр которого составлял Грановский, угас. К концу пятидесятых— началу шестидесятых годов дом Салиас становится пристанищем людей иного толка. Здесь бывают Г. В. Вызинский и его соратники, сотрудники «Русской речи» (писатели и журналисты разночинского круга — А. И. Левитов, В. А. Слепцов, Н. С. Лесков, приглашенный из Воронежа секретарь редакции А. С. Суворин), радикально настроенные студенты (товарищи сына хозяйки дома — студента юридического факультета университета) и пр.⁴⁴ «Дом ее сделался мало-помалу сборищем, Бог знает, какого лода, — вспомнил Феокистов, — все это ораторствовало о свободе, равенстве, о необходимости борьбы с правительством и т. п.»⁴⁵ Этим людям Феокистов — чужой. «Графиня — взбалмошная женщина, корчившая из себя во время студенческой истории какого-то римского полководца <...>, — писал к М. Ф. Де-Пуле Суворин, на которого осенью этого года свалились все заботы о газете. — Феокистов — совершеннейшая баба, скверная, апатичная, дряхлая, несмотря на свою молодость, баба, никуда не годная. Он жаждет спасения от политики и заводит себе корреспондентов в Париже, Вене, Лондоне, вместо того, чтобы завести их в Киеве, Воронеже, Саратове и проч. Ни та, ни другой ни к шуту, как видите, не годятся; при такой редакции газета идти не может. При новом цензурном уставе она также не пойдет, потому что Феокистов, поверьте мне, будет хуже всякого цензора. Это протухлый консерватор» (письмо от 27 октября 1861 г.). И через

типе Хавроньи Прышовой в романе Тургенева» (Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3. С. 156—157).

⁴³ С 14 мая 1861 года (с № 39) газета «Русская речь. Обзорение литературы, истории, искусства и общественной жизни на Западе и в России» (издатель-редактор Евгения Тур) стала выходить под названием: «Русская речь и Московский вестник. Литература, политика, история, искусство и общественная жизнь на Западе и в России» (издатель Евгения Тур, редактор Е. М. Феокистов). Газета продержалась недолго — до 4 января 1862 г. (см.: *Лисовский Н. М.* Библиография русской периодической печати. Пг., 1915. С. 174, № 701). Об этих изданиях: *Субботин Н.* Из воспоминаний. Графиня Е. В. Салиас и ее письма // *Русский вестник*. 1903. Кн. 10. С. 489—505; справку Оксмана в кн.: *Феокистов*. С. 406; *Семанова М. Л.* А. С. Суворин. Письма к М. Ф. Де-Пуле // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год*. Л., 1981. С. 113—187; *Назарова Л. Н.* И. С. Тургенев и Е. В. Салиас-де-Турнемир в начале 60-х годов // *Теория и история литературы*. Киев, 1985. С. 117—123.

⁴⁴ Об эволюции салона Е. В. Салиас и его составе на рубеже 50—60-х годов см.: *Козьмин Б.* Письма Огарева к Е. В. Салиас де Турнемир // *Герцен и Огарев*. М., 1953. С. 797—806 (Лит. наследство; Т. 61, кн. 2).

⁴⁵ *Феокистов*. С. 368.

месяц, — в дни, когда Салиас занята предстоящим бракосочетанием ее дочери: «На прошлой неделе и Феокт<истов> уехал в Петербург на сговор, и я больше недели заправлял редакцией <...>. Вчера Феоктистов приехал, и мною овладело прежнее равнодушие. Этот человек, при всей своей доброте, имеет странное свойство отталкивать от себя всех своим доктринерством — человек он 40-х годов. Такого возмущительного поклонения Англии я не видал еще, таких аристократических тенденций нет даже и в графине».⁴⁶

В ноябре 1861 г., соответственно распоряжению Александра II, за Салиас, сочувственно освещавшей на страницах своей газеты студенческие волнения, было установлено наблюдение. Сын ее, один из участников студенческого движения, также попал в поле внимания полиции. Начальник III отделения получил предложение решить вопрос о необходимости удалить издательницу «Русской речи...» из Москвы.⁴⁷ 25 ноября 1861 г. Салиас выехала в Париж.⁴⁸ Феоктистов — в Петербург.

Процесс издания писем Тургенева к Феоктистову начался почти одновременно с публикацией книги «За кулисами политики и литературы». Тринадцать тургеневских писем, охватывающих десятилетие с 1851 по 1861 гг., были опубликованы Н. В. Измайловым в 1930 г.⁴⁹ Позднее свод писем Тургенева к Феоктистову вошел в тургеневское полное академическое собрание сочинений и писем.⁵⁰ Письма же Феоктистова к Тургеневу многие годы были доступны лишь их хранителю — Л. Н. Майкову,⁵¹ затем — ограниченному кругу читателей архива.⁵² Многократно и по разным поводам обращались к ним прежде всего исследователи творчества Тургенева, особенно в процессе работы над его академическим полным собранием сочинений и писем. Нет необходимости перечислять все случаи упоминания или цитации писем, тем более, что они зафиксированы в этом издании в указанной справке.

Письма Феоктистова открыли путь к весьма плодотворным выводам, побудившим пересмотреть, дополнить или уточнить ранее сложившиеся представления о судьбе и творческой истории ряда тургеневских произведений («Записки охотника», не дошедшая до нас и, вероятно, незавершенная комедия «Шарф», статья «Гамлет

⁴⁶ Семанова М. Л. А. С. Суворин. Письма к М. Ф. Де-Пуле // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 154, 158 (письмо от 29 ноября 1861 г.).

⁴⁷ См.: Политические процессы 60-х гг. / Под ред. Б. П. Козьмина. М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 93—97.

⁴⁸ Из комментария Оксмана: «Возможно, что выезд гр. Е. В. Салиас 25.XI.1861 г. за границу был связан с дошедшими до нее сведениями о грозящей ей ссылке; под надзором полиции оставалась она до 1882 г.» (Феоктистов. С. 406).

⁴⁹ См.: Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847—1861 / Составлено по материалам Пушкинского Дома АН СССР. М.; Л.: Academia, 1930. С. 136—167. Далее: *Тургенев и круг Современника*.

⁵⁰ Справку о письмах Тургенева — Феоктистову см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 612 (см. также: *Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1871—1875)* / Авт.-сост. Н. Н. Мостовская. СПб., 1998. С. 77. Далее: *Летопись (1871—1875)*; *Рейсер С. А. Материалы для библиографии писем Тургенева и к Тургеневу* // Из Парижского архива И. С. Тургенева. М., 1964. Кн. 2. С. 396 (Лит. наследство; Т. 73, кн. 2).

⁵¹ Несколько цитат из писем Леонид Майков привел в некрологе Феоктистову. Письма же составили его фактическую основу (см.: *Майков Л. Е. М. Феоктистов (Некролог)*. С. 31, 34, 36).

⁵² Отметим наиболее значительную публикацию начала пятидесятых годов: фрагмент (до слов: *Писать теперь более не могу...*) из письма Феоктистова от 25 февраля 1852 г., также строки из его письма от 3 марта 1852 г. (до слов: *Шушколому вчера передал Ваше желание*) (см.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833—1853) / Публикация и комментарий Л. Ланского; Предисловие И. Сергиевского // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952. С. 743, 744 (Лит. наследство; Т. 58)).

и Дон-Кихот»). Они также определили новые аспекты в решении такой темы, как литературно-критическая деятельность Тургенева.⁵³ Естественно, что факты из жизни Тургенева, источником которых стали письма Феоктистова, а также выдержки из них, вошли в летопись жизни и творчества писателя.⁵⁴

Значение публикуемых писем, однако, измеряется не только масштабами жизни и творчества Тургенева. В них — общественный и частный быт Москвы 1850-х — начала 1860-х гг. Особенно любопытны письма, характеризующие московские кружки, их психологию, нравы и эволюцию. Феоктистов формировался в атмосфере западнических кружков Грановского, Салиас, но соприкасаясь и со славянофильским «лагерем», был неплохо осведомлен о творческих начинаниях группировавшихся вокруг «Москвитянина» литераторов, актеров.

Письма Феоктистова отражают университетскую, литературно-журнальную и театральную-музыкальную жизнь московской интеллигенции. В них по свежим следам воссозданы события, значительность которых буквально расширяет границы жанра письма. Это ощущение охватывает, когда речь идет о последних публичных лекциях Грановского и об их атмосфере, о выступлении историка на торжественном университетском акте, о похоронах Гоголя, участником которых был Феоктистов (чрезвычайно важна вся канва гоголевской темы — будь то слухи или реальные факты). В поле внимания Феоктистова почти каждый номер «Современника», «Москвитянина» или сколько-нибудь заметное печатное издание — альманах «Комета», издаваемый П. М. Леонтьевым сборник «Прописи».

Перед читателем проходят, иногда в неожиданных ракурсах субъективного восприятия (портретные зарисовки или сведения даны порою опосредованно, через рассказ или оценку других людей), профессора Московского университета — Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, совсем еще молодые (им в эту пору чуть более тридцати лет) С. М. Соловьев, И. Е. Забелин, М. Н. Катков в первые годы издания «Русского вестника»; писатели и литераторы — В. П. Боткин, Н. Х. Кетчер, А. В. Станкевич, Н. Г. Фролов, А. Н. Островский, А. А. Григорьев и др.; актеры — С. В. Шумский, М. С. Щепкин, его сын, литератор и издатель Николай Щепкин, и др.

Публикация полного корпуса писем Феоктистова из собрания Л. Майкова, как и общие задачи изучения право-консервативного крыла русской культуры, объективно определяют необходимость нового издания его воспоминаний.

В 1921 г. Б. Л. Модзалевский опубликовал первый отрывок из книги воспоминаний Феоктистова — о Тургеневе, исключив при этом несколько мест, по его сло-

---

⁵³ Опираясь на письма Феоктистова, Л. Н. Назарова связала замысел статьи «Гамлет и Дон Кихот» (1860 г.) с началом пятидесятых годов, а также ввела в научный оборот материал об утраченном предисловии к отдельному изданию «Записок охотника», которое подготавливал Кетчер. См. ее статью: К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851—1853 годы) // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л., 1958. С. 164, 166. Подробнее вопрос освещен в примечаниях к письмам Феоктистова от 17 сентября 1851 г. (7-е примечание) и 24 марта 1852 (1-е примечание). См. также в этом аспекте работы Назаровой: Тургенев-критик // История русской критики. М.; Л., 1958. Т. 1; «Постоялый двор» И. С. Тургенева // Из истории русских литературных отношений XVIII—XIX веков. М.; Л., 1959; К истории творчества И. С. Тургенева 50—60-х годов // И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Статьи и материалы. Орел, 1960.

⁵⁴ Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858) / Сост. Н. С. Никитина. СПб., 1995; Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1867—1870) / Сост. Н. М. Мостовская. СПб., 1997; *Летопись (1871—1875)*.

вам, особенно неприятных и несправедливых.⁵⁵ Через пять лет он напечатал вторую главу мемуаров (в рукописи — «вторая тетрадь») в издаваемом Пушкинским Домом историко-литературном временнике «Атеней»,⁵⁶ опустив, однако, страницы, посвященные университетскому товарищу Феокистова, позже известному юристу Александру Владимировичу Лохвицкому (1830—1884).⁵⁷ Эти страницы до сих пор доступны лишь читателям архива. Предваряя свою публикацию в «Атенее», Модзалевский вновь обосновал необходимость издания мемуаров и дальнейшего изучения общественно-политической, журнально-публицистической деятельности их автора. Процитировав весьма злые эпиграммы на Феокистова, он комментировал их следующим образом: «...что же касается Феокистова, то за 13 слишком лет его управления цензурным ведомством Русская литература вовсе уж не так сильно страдала от цензурных гонений, как при его преемниках: Феокистов был человек очень образованный и просвещенный и не отличался изуверством». И далее: «Возвращаясь к самим Воспоминаниям Феокистова, повторим здесь то, что мы сказали о них раньше, в „Тургеневском Сборнике“, — а именно, что они представляют несомненный интерес и историко-литературную и историко-бытовую ценность и значение, хотя, скажем вновь, к ним и следует подходить с известною долею осторожности и критики: в той или иной степени они носят на себе отпечаток личности автора и, отдаленные большим пространством времени от эпохи, которую описывают и о которой повествуют, отражают ту перемену, — если не взглядов, то настроений, — какую пережил Феокистов, как и каждый мыслящий человек...».⁵⁸

Книга мемуаров Феокистова, названная издателями «За кулисами политики и литературы», вышла в свет уже после смерти Модзалевского. Подготовил и опубликовал ее Ю. Г. Оксман, снабдив обширными комментариями (при участии Л. Б. Модзалевского). Вступительные статьи А. Е. Преснякова и Оксмана к этому изданию,⁵⁹ материалы комментария до сих пор в той или иной мере восполняют свод сведений, который ложится в основу биографических справок о Феокистове и его окружении.

Сравнительно недавно вышедшее переиздание мемуаров Феокистова воспроизводит не только подготовленный Оксманом текст, но и вступительные статьи к его книге.⁶⁰ Однако с титула сняты строки: «Редакция и примечания Ю. Г. Оксмана. Вводные статьи А. Е. Преснякова и Ю. Г. Оксмана».⁶¹ Представленный в этом из-

⁵⁵ См.: Тургеневский сборник / Под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921. С. 161—195.

⁵⁶ Глава из воспоминаний Е. М. Феокистова / С предисл. и примеч. Б. Л. Модзалевского // Атеней. Историко-литературный временник. Труды Пушкинского Дома Академии Наук СССР / Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Л., 1926. Кн. 3. С. 83—114. Составленный публикатором «тематический реестр» этой главы дает представление о значительности ее содержания: «С. В. Шумский. — А. Н. Островский. — Кружок „Молодого Москвитянина“. — Аполлон Григорьев. — Семейства Баташевых и Шепелевых. — В. А. Сухово-Кобылин и его сын А. В. Сухово-Кобылин» (там же. С. 83). Далее: *Атеней*.

⁵⁷ Из справки Оксмана о Лохвицком: «...известный юрист, доктор государственного права, профессор Ришельевского лицея (1856—1861), Александровского лицея и Военно-юридической академии (1861—1867), редактор „Судебного Вестника“, впоследствии адвокат» (*Феокистов*. С. 37—38).

⁵⁸ *Атеней*. С. 85.

⁵⁹ См.: Пресняков А. Е. Воспоминания Е. М. Феокистова и их значение; Оксман Ю. Г. Е. М. Феокистов и его воспоминания // *Феокистов*. С. V—XV; XVI—XXIX.

⁶⁰ См.: *Феокистов Е. За кулисами политики и литературы (1848—1896)*. М.: Новосты, 1991.

⁶¹ Лишь на обороте титульного листа сказано: «Тексты воспоминаний и предисловия печатаются по: Ленинград, Прибой, 1929 г.».

дании комментарий усечен, без всяких к тому объяснений и указаний на конкретные случаи коррекции.

Необходимость научного переиздания записок Феокистова обусловлена не только тем, что подготовленные еще в конце двадцатых годов, но до сих пор не утратившие интереса, они стали своего рода раритетом. К тому есть и другие причины. Рукопись записок состоит из девяти частей (девять «тетрадей»), композиционно расположенных не в соответствии с хронологической канвой запечатленных в них событий, но сообразно внутренней авторской логике. Так, первая тетрадь рукописи (в публикации Оксмана — глава четвертая) открывается началом шестидесятих годов и вводит в петербургскую жизнь автора воспоминаний: «В 1862 году семейные обстоятельства заставили меня искать службы в Петербурге».⁶² Оправдывая свободное расположение материала в своих записках, Феокистов счел необходимым сообщить, что они представляют собою серию «эссе». Оксман же, произвольно разбив текст на главы, расположил их в соответствии с хронологическим принципом. В его вступительной статье говорится: «Тетради эти, перенумерованные самим Е. М. Феокистовым в порядке, не отвечающем ни времени их написания, ни датировке охваченного в них материала, нами расположены были в некоторой хронологической последовательности и снабжены, как заголовками, краткими тематическими реестрами. Каждая тетрадь рассматривалась при этом как особая глава воспоминаний, и лишь обширность размеров одной из них заставила нас разбить ее на три части (гл. V, VI и VII). Таким образом, материал девяти тетрадей оказался разделенным на одиннадцать глав».⁶³

Автограф воспроизведен в книге Оксмана не полностью. В книгу, к примеру, не вошла «вторая тетрадь» записок, большая часть которой в свое время была опубликована в «Атенее». Издательство отложило ее публикацию.⁶⁴ В тексте был допущен ряд других извлечений и смещений: «Печатаю текст прочих глав полностью, мы, с соответственными разъяснениями в примечаниях, переместили один из эпизодов главы III в главу VII и в нескольких строках глав VI, VII и X воздержались от передачи слишком резких эмоциональных эпитетов и сентенций мемуариста».⁶⁵ Записки Феокистова, таким образом, были не только произвольно структурированы, но и сокращены.

Сличение книги с автографом выявляет необходимость более последовательной характеристики самого процесса работы автора над текстом записок — зачеркнутых или замененных мемуаристом слов, строк, фрагментов.⁶⁶ Весьма основательный и до сих пор плодотворно работающий комментарий Оксмана тем не менее требует восполнения.

В данном выпуске «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома» печатаются первые девятнадцать из сорока трех писем Феокистова. Последнее из этой — первой серии писем к Тургеневу (от 29 марта 1852 г.) заканчивается строка-

⁶² РО ИРЛИ, № 9123, л. 2.

⁶³ См.: *Феокистов*. С. XXVIII—XXIX.

⁶⁴ Об этом сказано так: из материалов девяти тетрадей «временно отложена издательством публикация главы второй, большая часть которой напечатана была в сборнике „Атеней“ кн. III, стр. 86—114» (там же. С. XXIX).

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ К примеру, первая глава в издании Оксмана открывается фразой: «В 1850 году впервые я увидел И. С. Тургенева...» (*Феокистов*. С. 1). В рукописи «седьмой тетради» читаем: «В [канун] 1850 году впервые я увидел И. С. Тургенева...» (РО ИРЛИ, № 9123, л. 115).

ми: «У меня тут была маленькая неприятность по поводу Вашей статейки о Гоголе, помещенной в „Мос<ковских> Вед<омостях>“, но об этом при свидании. Когда же оно будет? Жду с нетерпением». Смерть и похороны Н. В. Гоголя, ярко отразившиеся в публикуемых письмах, арест Тургенева, поводом к которому послужил его некролог Гоголю, следствие по делу Боткина и автора писем, — события, проложившие своего рода границу в жизни Феоктистова и его корреспондента, объективно определяют рубеж между публикуемой в этом выпуске частью писем и письмами, предназначенными для последующей публикации.

Письма Феоктистова хранятся в РО ИРЛИ, ф. 166 (Л. Н. Майков), оп. 5, № 239 (42 письма). Письмо (с припиской Салиас), написанное по приезде в Орел (с карандашной пометой рукой неизвестного лица: 1853. 27 августа), — № 5850 (письма Е. В. Салиас к И. С. Тургеневу).

Тексты писем печатаются с сохранением авторской орфографии и пунктуации, за исключением отдельных случаев, приведенных в соответствие с современными нормами орфографии и синтаксиса. Подчеркнутые автором слова и фразы выделены курсивом.

Условные сокращения

- Ашеников и его друзья* — П. В. Анненков и его друзья: Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 годов. СПб., 1892. Т. 1.
- Атений* — Глава из воспоминаний Е. М. Феоктистова / С предисл. и примеч. Б. Л. Модзалевского // Атений. Историко-литературный временник. Труды Пушкинского Дома Академии Наук СССР / Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Л., 1926. Кн. 3. С. 83—114.
- Белинский* — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959.
- Бестужев-Рюмин* — Воспоминания К. Н. Бестужева-Рюмина (до 1860) / Изданы академиком Л. Н. Майковым. СПб.: тип. имп. Академии наук, 1900.
- Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики* — *Бестужев-Рюмин К. Н.* Биографии и характеристики. (Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг). СПб., 1882.
- Боткин и Тургенев* — В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Незданная переписка. 1851—1869. По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея / Пригот. к печати Н. Л. Бродский. М.; Л.: Academia, 1930 (Памятники литературного быта).
- Вольф* (с указанием тома и части) — *Вольф А. И.* Хроника Петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. СПб., 1877. Т. 1. Ч. 1 и 2; *оп. же.* Хроника Петербургских театров с конца 1855 до начала 1881 года. СПб., 1884. Т. 2. Ч. 3.
- Гоголь* — *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Русская книга, 1994.
- Летопись* (с указанием годов) — Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858) / Сост. Н. С. Никитина. СПб.: Наука, 1995; Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1861—1870) / Сост. Н. Н. Мостовская. СПб.: Наука, 1997; Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1871—1875) / Автор-сост. Н. Н. Мостовская. СПб.: Наука, 1998.
- Майков Л.* — *Майков Л. Е. М.* Феоктистов (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. № 8. С. 26—44 (разд. «Современная летопись»).
- Назарова* — *Назарова Л. Н.* К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851—1853 годы) // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.
- Некрасов* — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1981—1997. Т. 1—13. Издание продолжается.
- Никитенко* — *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. Л.: ГИХЛ, 1955—1956.
- Островский* — *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: ГИХЛ, 1949—1953.

- Тургенев и круг Современника* — Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы, 1847—1861. М.; Л.: Academia, 1930.
- Т. Письма (1-е изд.)* — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР (с 1964 г. — «Наука»), 1961—1968.
- Т. Письма (2-е изд.)* — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М.: Наука, 1982—2000. Издание продолжается.
- Т. Сочинения (2-е изд.)* — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М.: Наука, 1978—1986.
- Феоктистов* — Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848—1896 / Редакция и примечания Ю. Г. Оксмана; Вводные статьи А. Е. Преснякова и Ю. Г. Оксмана. Л.: Прибой, 1929.
- Чичерин* — Чичерин Б. Н. Воспоминания / Сост., общ. ред. и предисловие С. Л. Чернова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991 (Сер. «Русское общество 40-х—50-х годов XIX в.»; Ч. 2).

1

21 февраля (5 марта) 1851 г. Москва

Москва. 21 февраля. 51.

Против всякого чаяния, почтеннейший Иван Сергеевич, — Драшусов заблагорассудил отдать мне деньги,¹ — хоть половину по крайней мере (100 р<ублей> с<еребром>). Успех так ободрил меня, что я не намерен отказываться от другой половины, и давши ему немножко отдохнуть, обращусь к нему опять. Впрочем, должно сказать правду, вытребование этих денег не стоило мне больших хлопот. Благодарность Вам и шампанское, когда увидимся в Москве!²

По отъезде Вашем все идет по-прежнему.³ Однажды Вам случилось быть героем вечера у гр. Ростопчиной.⁴ Я читал у нее Ваш «Дневник лишнего человека», — было человек 5 или 6, не более, в том числе Островский и Писемский (автор «Тюфяка» — существо дикое, необтесанное, но все-таки очень замечательное). — Повесть очень понравилась, но, разумеется, тотчас же подверглась критике со всевозможных сторон. — Без сомнения, при этом благоприятном случае, упрекали ее в недостатке художественности, — именно говорили, что за остротами г. Чулкатурина беспрестанно видны Вы сами, — что вообще господин, вроде лишнего человека, не может так говорить и острить в некоторых случаях, как Вы его представляете. Посреди многого весьма дикого, — как, например, Островский уверял, что в Вашей повести видно — «неуважение к искусству», — было сказано, однако, довольно много верных и ловких замечаний. Но все-таки повесть всем ужасно понравилась, и даже Островский хвалил сквозь зубы.

Вчера получен тут 2 № «Современника». Когда это Вы успели кончить и напечатать Вашу повесть⁵ — удивительное дело! Я прочел ее вчера графине — и она и я в совершенном от нее восторге. Решительно, это одна из лучших вещей, Вами написанных. Нельзя и рассказать, сколько поэтического в Вашем рассказе; описание природы и того местечка, где сидят мальчики, — превосходно. Не понимаю я, отчего «От<ечественные> зап<иски>» и «Совр<емен-

ник>» находят, что Ваша «Провинциалка» ниже «Холостяка»⁶ и т. д. По мысли — так, но мне кажется, надобно было бы обратить внимание на выполнение, которое, по моему мнению, несравненно выше всего, что Вы написали в драматическом роде. А прoros, после Вашего отъезда мы видели «Провинциалку» на Малом театре. Она идет несравненно лучше, — даже Рыкалова была очень удовлетворительна, и говорила тише; но Щепкин все так же плох и портит роль.⁷ Напишите, кто Вам более нравится в роли Любиа — Шумский или Самойлов.⁸

По случаю театра вот Вам еще новость: Писемский написал комедию под заглавием «Ипохондрик» — и она будет скоро напечатана в «Москвитянине».⁹ Кто не читал — говорят, что комедия превосходная. Он хочет хлопотать, чтоб ее дали на театре. «Москвитянин», между прочим, с марта переходит совершенно в заведование Островского и К^о.¹⁰

Вот Вам почти все, что есть в Москве нового. Теперь начались занятия, — близок экзамен, дурное время! Графиня все эти дни больна, никуда не выезжает, а я сижу дома и читаю. Мы часто с Боткиным вспоминаем наши беседы с Вами, и особенно я вспоминаю с ужасом Ваши суждения о ноге Дианы и т. д., где Вы таким блестящим образом показали совершенное отсутствие и даже грубость эстетического вкуса.

Прощайте, Иван Сергеевич! Слышал я, что Вы небольшой охотник писать письма. Однако соберитесь с духом и напишите несколько строк. Доставите этим большое удовольствие преданному Вам

Е. Феоктистову.

Притиска Е. В. Салиас:

И я, Тургенев, хочу приписать к Вам несколько строк, хотя едва жива осталась от Масляницы, в продолжении которой постоянно простужалась в театре. Что Вы подельваете? Уехал, и был таков, ни слуху, ни духу. J'arrive en chantant et je pars en giant^a — вот девиз Ваш. А что Дарья Ивановна¹¹ влюблена все еще? Ну, пусть страдает!! А мы живем по-прежнему — совершенно так, как и при Вас. Только очень мне хочется на Святой или после сыграть провинциалку!* Увидев Рыкалову, я убедилась, что сыграю ее лучше, чем она, и летом непременно устрою это, к своей и Вашей славе, — надеюсь. Прощайте, будьте веселы, счастливы, здоровы, и не забывайте нас грешных. — Жму Вам дружески руку.

¹ Драшусов Александр Николаевич (1816—1890) — астроном, журналист. Закончил в 1833 г. физико-математический факультет Московского университета со степенью кандидата и золотой медалью (см: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. М., 1974. Т. 1. С. 50—51; также: упоминания Герцена об университетском для себя соперничестве с Драшусовым в седьмой главе «Былого и дум», в письмах от 5 и 6 июля 1833 г. к Н. П. Огареву и Н. А. Захарьиной). По распоряжению министра народного просвещения С. С. Уварова оставлен при обсерватории и позже с

^a Я прихожу, распевая песни, я ухожу, смеясь (франц.).

* Так в автографе.

научными целями направлен за границу. За рубежом (около двух с половиной лет) занимался астрономией и физикой в Вене, Мюнхене, Милане, Женеве, Геттингене, Берлине и Кенигсберге. По возвращении в 1840 г. занял должность адъюнкта по кафедре астрономии Московского университета, в 1850 г. — защитил магистерскую диссертацию (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета / Под ред. С. Шевырева. М., 1855. Ч. 1. С. 311, 315). В Германии, где Тургенев жил с мая 1838 г. по конец августа 1839 г., мог встречаться с ним и занять у него деньги. 4 декабря 1839 г., жалуясь Т. Н. Грановскому на безденежье, Тургенев спрашивал о Драшусове и интересовался, нельзя ли получить от него долг (см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 1. С. 145, 456). Во время своей поездки в Москву в 1842 г. получил от Драшусова записку о должных ему 191 талерах. Разыскав записку среди своих бумаг, 16 февраля 1851 г. пообещал Феоктистову в случае нужды переслать ее (там же. Т. 2. С. 92). 12 марта 1851 г., видимо, побуждаемый просьбой Феоктистова, послал ему свою записку, обращенную к Драшусову, в которой назвал общую сумму долга в переводе на русские деньги (там же. С. 95).

² Тургенев позволил Феоктистову истратить полученные им от Драшусова деньги на свои нужды (расплатиться с долгами), что побудило его корреспондента выразить признательность в письме от 1 марта 1851 г. Воля Тургенева достаточно прозрачно выражена в строках, написанных им 12 марта 1851 г. (входит в состав письма Феоктистову от 4—13 марта): «Прилагаю записку к Драшусову — из которой сделать можете надлежащее употребление» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 95).

³ Имеется в виду третий за 1850 г. приезд Тургенева в Москву (прибыл 21 ноября 1850 г.). Здесь неоднократно посещал дом Е. В. Салиас де Турнемир. В частности, летопись фиксирует его визит между 21 и 28 ноября (*Летопись (1818—1858)*. С. 173). Под впечатлением встреч он писал 3 (15) декабря 1850 г. Полине Виардо: «Вижусь с немногими: прежде всего — с графиней Салиас, с Щепкиным и его сыном. Эта графиня — русская, замужем за французом, который после одной дуэли вынужден был вернуться к себе на родину. Она остроумна, добра, искренна; в ее манерах есть что-то напоминающее вас. Мы с ней большие друзья. Она вращалась в светском обществе, но потом отдалась от него. Она немолода, нехороша собой, но располагает к себе, так как с нею сразу почувствуешь себя непринужденно. Это, как вы знаете, очень хороший признак; а к тому же у нее и вправду настоящий талант» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 75, 373; письмо начато 1 (13) декабря 1850 г.). До 5 (17) декабря, если следовать письму Тургенева к Виардо, он прочитал свою «Провинциалку» М. С. Щепкину и Салиас. Вечер 5 декабря, после чтения «Провинциалки» гостям графини М. Ф. Соллогуб, также провел у Салиас (см.: там же. С. 78, также: *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 2. С. 375). О частых посещениях Тургеневым ее дома зимой 1850—1851 годов свидетельствует и Бестужев-Рюмин: «У графини Сальяс я также часто бывал в эту зиму, как и в предыдущую. <...> Бывал тогда часто у графини Тургенев. С ним я не разговаривал, но прислушивался к нему, а дома у него был только раз. Мы взаимно не нравились друг другу...» (*Бестужев-Рюмин*. С. 32—33). Встретив в Москве новый, 1851 год, Тургенев уехал в Петербург между 2 и 6 февраля (*Летопись (1818—1858)*. С. 179).

⁴ Чтение «Дневника лишнего человека» у Ростопчиной состоялось предположительно между 6 и 21 февраля 1851 г. (см.: *Летопись (1818—1858)*. С. 179, 181). *Ростопчина (урожд. Суикова) Евдокия Петровна*, графиня (1811—1858) — поэтесса, прозаик, драматург. С 1847 г. вынуждена была жить в Москве (о мотивах ее опалы см.: *Киселев В. С.* Поэтесса и царь. Страница истории русской поэзии 40-х годов // *Русская литература*. 1965. № 1. С. 144—156). Субботы Ростопчиной в доме на Садово-Кудринской собирали людей разных убеждений, в том числе членов молодой редакции «Москвитянина» во главе с А. Н. Островским — А. А. Григорьева, Е. Н. Эдельсона, Л. А. Мея, Т. И. Филиппова и пр. (см.: Из воспоминаний Д. М. Погодина // *Исторический вестник*. 1892. № 4. С. 52—55). Тургеневские оценки ее поэзии, как правило, окрашены иронией (см. 6-е примечание к письму от 17 марта 1851 г.). Он признавался С. Т. Аксакову (в письме от 22 января 1853 г.), что стихи К. К. Павловой и Ростопчиной ему еще менее по вкусу, чем стихи Н. Ф. Щербины, представляющие «какой-то любовственный писк, который нам хотят выдать за античность!» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 190). Для Ростопчиной отношение Тургенева не было тайной: «...вот вы меня полюбили и воображаете, что другим я тоже по душе: нет! ни Боткин, ни Тургенев не были у меня и не кланялись мне от вас; да их ко мне и не пустят! — писала она А. В. Дружинину 23 апреля 1854 г. — Они в кругу Грановского, Корша etc., где меня считают самую пустою

из светских писательниц и самым плохим поэтом между графинь». И далее по-французски: «...для этих людей я человек совсем не вдумчивый и неглубокий, а ваши друзья находятся под их влиянием, к моему величайшему сожалению, ведь мне очень нравится Боткин, я глубоко уважаю Тургенева, которого, думаю, можно любить более, чем искренно» (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948. С. 271, 272. См. в том же духе строки из ее письма к Дружинину от 24 ноября 1854 г. Там же. С. 279). По мнению А. Б. Ранчина, ее женскую и писательскую ревность могли питать положительные отклики Тургенева и Островского на повести и романы Е. В. Салиас де Турнема (Ходасевич В. Собр. соч. В 4-х т. М., 1996. Т. 2. С. 472).

Речь идет о «Бежином луге» (вышел в свет в составе второго, февральского, номера «Современника» за 1851 г., подпись Ив. Тургенев). Рассказ был задуман в августе—сентябре 1850 г., написан в Петербурге в начале 1851 г. (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 3. С. 464). Сообщение Тургенева о работе над журнальной публикацией «Бежина луга» Феоктистов получил позже, чем отправил свое письмо от 21 февраля 1851 г. (ср. с письмом от 24 февраля). Предваряя появление номера «Современника» с «Бежиным лугом», Тургенев 16 февраля 1851 г. писал: «...я был очень занят — и только вчера отделился от „Современника“. Вы в нем увидите мою работу — желаю, чтобы она Вам понравилась — цензура ее сильно ошипала — я Кетчеру посылаю оригинал — и Вы, если хотите, можете спросить его у него» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 92; *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 3. С. 464—466). См. также письмо от 24 февраля 1851 г.

На страницах второго, только что прочитанного Феоктистовым номера «Современника» (в этой книжке — «Бежин луг»), свое мнение о «Провинциалке» высказал А. В. Дружинин. Разбирая январский номер «Отечественных записок», где была напечатана «Провинциалка», он пришел к выводу: «...комедия господина Тургенева, помещенная в начале книжки, не принадлежит к числу лучших вещей даровитого автора, несмотря на прекрасный язык, которым она написана» (Отд. VI. Современные заметки. С. 226). Отзыв Дружинина вольно или невольно вступал в сравнение с высказанной им ранее оценкой «Холостяка»: «...автор представил нам настоящую, живую новую русскую комедию, которая умна, занимательна, свежа, удобна для сцены и произвела бы на ней большой эффект...; если б для нее сыскались старательные актеры и публика, предпочитающая тонкий анализ двусмысленным шуткам, пересыпанным солью... солью вовсе не аттической!» (Современник. 1849. № 10. Отд. Смесь. С. 288). В этом же, втором, номере «Современника», в анонимной статье «Новости петербургских театров» («Провинциалка», поставленная на сцене Александринского театра в бенефис Самойловой 1-ой, также была оценена весьма сдержанно и противопоставлена ранним драматическим опытам писателя: «Новая комедия И. С. Тургенева „Провинциалка“, весьма хорошо разыгранная гг. Самойловой и Мартыновым и Н. В. Самойловой, доказывает давно известную истину — у г. Тургенева больше таланта к рассказу и повести, но он может, если пожелает, не без успеха пробовать свои силы и в драматическом роде. Однако ж „Провинциалка“ показалась нам слабее „Завтрака у Предводителя“ и даже „Холостяка“ того же автора» (Отд. VI. Смесь. Современные заметки. С. 269; позже атрибутирована А. Н. Серову. См.: *Серов А. Н.* Статьи о музыке: В 7 вып. 1847—1853. М., 1984. Вып. 1. С. 9).

После отъезда Тургенева в Петербург (выехал между 2 и 6 февраля 1851 г.) о «Провинциалке» на сцене Малого театра «Московские ведомости» объявляли дважды: первый спектакль должен был идти во вторник 6 февраля (см.: *Московские ведомости*. 1851. 6 февр., № 16), второй — в четверг 15 февраля (утренний). В московской постановке «Провинциалки» (бенефис М. С. Щепкина) Тургеневу не понравилась игра Н. В. Рыкаловой в роли Дарьи Ивановны, но он пришел в восторг от С. В. Шумского, сыгравшего графа Любина (о Шумском см. ниже — 8-е примечание). В день спектакля, 18 января, Тургенев делился с П. Виардо: «Пьеса была довольно хорошо разыграна всеми, за исключением героини, которая была невнятна; зато актер, игравший главную роль, был очарователен. Это молодой актер, по фамилии Шумский; он сегодня сильно выиграл в мнении публики, и я в восторге, что дал ему к тому случай» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 86, 380). О Щепкине в письмах Феоктистов неоднократно отзывался отрицательно. Однако позже в мемуарах он оставил о нем глубоко уважительные строки: «Известно, с каким искренним участием относился Щепкин ко всякому таланту; это была вполне доброжелательная натура, и влияние его на всю труппу было в высшей степени благотворно. Иначе и не могло и быть: умом он неизмеримо превосходил своих товарищей; беседовать

с. ним было истинное наслаждение, во-первых, потому, что воззрения его на искусство, которому он посвятил свою жизнь, отличались замечательной глубиной и оригинальностью, а во-вторых, у него был неисчерпаемый запас рассказов о всем, что приходилось ему видеть и испытать на своем веку, и каждый из них умел он облечь в художественную форму, так что эти рассказы навсегда запечатлевались в памяти» (*Атеней*. С. 87).

⁸ Петербургскую постановку «Провинциалки» на сцене Александринского театра (четвертое представление) Тургенев посмотрел вскоре после возвращения из Москвы — 11 февраля 1851 г. с участием В. В. Самойловой (Дарья Ивановна), ее брата В. В. Самойлова (граф Любин), А. Е. Мартынова (Ступенлев). 16 февраля, опережая вопрос своего адресата (Феоктистов получил письмо Тургенева позже, чем послал свое), он сообщал: «Видел я здесь „Провинциалку“. Самойлова очень мила, но Самойлов гораздо ниже Шумского. У Самойлова игра чисто внешняя и в сущности весьма однообразная. Мартынов хорош — но не знает роли» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 92, 445). В ранней главе воспоминаний Феоктистов оставил краткое жизнеописание и выразительный психологический портрет Сергея Васильевича Шумского (наст. фам. Чесноков; 1820—1878) — ученика Щепкина по Театральному училищу, актера московского Малого театра (см.: *Атеней*. С. 86—87, 95—98). Феоктистов встретился с Шумским у Тургенева, в доме на Остоженке, в разгар работы над «Провинциалкой», и их знакомство перешло в «тесную» многолетнюю дружбу (см.: *Феоктистов*. С. 11).

⁹ 12 февраля 1851 г. А. Ф. Писемский читал сцены из комедии «Ипохондрик» у М. П. Погодина. В печати пьеса появилась в первой книге «Москвитянина» за 1852 год. Попытки продвинуть ее на сцену натолкнулись на запрет цензуры. Первое представление «Ипохондрика», не принеся удовлетворения комедиографу, прошло на петербургской сцене в 1855 г. Из хроники Вольфа: «„Ипохондрик“ Писемского, несмотря на то, что Мартынов взял на себя роль Дурнопечина, не понравился публике» (*Вольф*. Т. 2, ч. 3. С. 9). В Москве пьеса была показана в 1857 г. (*Писемский А. Ф. Пьесы / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. М. Еремина*. М., 1958. С. 435—437). См. также письмо Феоктистова от 14 января 1852 г. и 7-е примечание к нему.

¹⁰ В начале февраля 1851 г. Островский вел переговоры с Погодиным о передаче ему «Москвитянина» (см. письма драматурга от 1, 5—6, 9—12 февраля 1851 г.). Его письмо к Погодину от 8 февраля 1851 г. подтверждает крепнувшую в московских кругах уверенность в победе «молодых» в журнале (А. А. Григорьева, Б. Н. Алмазова, Т. И. Филиппова, Е. Н. Эдельсона и др.), и в то же время письмо передает сложность их отношений с главным редактором: «Прошу Вас по крайней мере не прелягивать тому слуху, что „Москвитянин“ может быть под моим распоряжением. Мне уж теперь, кроме многих ученых статей, обещано 3 повести к 15 февраля да 4-я моя» (*Островский*. Т. 14. С. 20). Салиас, приглашенная к Ростовичной на чтение повести Писемского «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицина. Брак по страсти», которую продвигал в журнал Островский (Москвитянин. 1851. № 4—7), могла укрепить в Феоктистове мысль о возрастающем значении «молодых» в журнале. Однако уже 25 февраля Островский в смятении писал Погодину: «Теперь об нашем деле. Чего я опасался, то и вышло. Когда я сказал кой-кому, на чем мы порешили (т. е. сказал так, как уговорились), то получил вот какие возражения: „Значит, это только на нынешний год! Значит, мы должны отдавать статьи все-таки Погодину! Поднять его журнал! И какую вы роль берете на себя! Он может и сам обратиться ко всем литераторам! Не того мы ждали! Мы думали, что журнал будет ваш, а следовательно и наш; кроме трудов, можно бы решиться на пожертвования, по крайней мере была бы надежда на вознаграждение! А теперь мы и вы должны служить Погодину!“ — Хорошо еще, что я не был ни у кого из значительных деятелей, т. е. ни у Грановского, ни у графини Сальяс, ни у Леонтьева и проч. Каково же мне было с ними разговаривать! Что мне делать, научите меня» (там же. С. 21—22). О «молодых» в «Москвитянине» начала пятидесятых годов см.: *Егоров Б. Ф. А. Н. Островский и «молодая редакция» «Москвитянина» // А. Н. Островский и русская литература*. Кострома, 1974. С. 21—27.

¹¹ *Яздовская Дарья Ивановна* (?—1883) — вдова, проживавшая у А. П. и Н. Н. Тютчевых. Известны два письма Тургенева к Яздовской 1859 и 1862 гг. Тургенев шутливо называл ее Дарией (см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 616, 175, 313 и др. по именному указателю).

24 февраля (8 марта) 1851 г. Москва

Москва. 24 февр. 1851.

Чрез несколько минут после того, как я послал к Вам свое письмо, получил я Ваше,¹ любезнейший Иван Сергеевич. Я был в ужасном раздражении и сплине, когда писал к Вам, и оттого мое послание, я чувствую, вышло как-то уродливо официально и пошло. Теперь постараюсь вознаградить это, подробно описавши Вам, что тут у нас творится нового и замечательного.

Начать с того, что в эти дни тут только и толков (разумеется, в известных кружках), что об Вашем последнем рассказе.² Я уже писал к Вам, что он произвел на меня самое приятное впечатление. Под наитием его, я прихожу на другое утро к Кобра-Капелла.³ Тот уже прочел Ваш рассказ — и облизал, высосал и обнюхал его до совершенства. — Разговор сейчас начался, как и следовало, об этом новом произведении Вашего таланта. Был длинный спор, Кобра-Капелла проникал в самые сокровенные изгибы искусства вообще и Вашего дарования в особенности, и, наконец из всего разговора составилось следующее заключение, принадлежащее Боткину, и с которым я однако не совершенно и далеко не во всем согласен: разумеется, нечего и говорить про то, что содержание Вашего нового рассказа шире, нежели во всех Ваших прочих произведениях. Задача была огромная и превосходная — но, к сожалению, в исполнении видна страшная поспешность. Боткин говорит, что подобное произведение надо было долго «носить во чреве своем» для того, чтобы все вышло кругло и определено, тогда как теперь, напр<имер>, фигуры мальчиков очерчены очень бегло, и с этим я не мог не согласиться. Действительно, кроме Павла и Кости, все прочие мальчики совершенно незаметны. Ваня, мне кажется, Вам не удался, также и Федя. Во всем рассказе бездна удивительных подробностей, — подробностей, которых, смело можно сказать, нет даже у Гоголя, но целостная картина не рисуется, общего впечатления недостает. — А некоторые подробности — я совершенно от них замирал: напр<имер>, этот звук, который среди ночной тиши вдруг несется над рекою, потом местоположение, и бездна других, самые рассказы — все это такая роскошь, что душа насквозь проникается каким-то ужасно поэтическим чувством,* но в целом есть большие недостатки. Мне кажется, надлежало бы, чтобы над всю эту картиную лежал какой-нибудь фантастический характер, — потому что в этом маленьком очерке Вы взяли наш народ со всеми его таинственными поверьями,** суеверьем и т. д., — и этого-то характера нет, да и, вообще сказать, рассказы мальчиков*** очень мало действуют на читателя. Боткин говорит, что это оттого, что

* *Вместо:* ужасно поэтическим чувством — *было:* ужасным, поэтическим чувством

** *Вместо:* таинственными поверьями — *было:* преданиями

*** *Вместо:* рассказы мальчиков — *было:* рассказы эти

во всем рассказе не видно экономии: один рассказ тотчас же прерывается другим и нет отдыха читателю, нет промежутков, которые давали бы опомниться и прочувствовать вполне свое впечатление. Вот краткий перечень того, об чем говорили около 2 часов. *Résumé* тот, что вообще во всем рассказе нет общей нити, и оттого нет этого* сильного, какого-то даже иногда смутного чувства, которое выносите из всякого поэтического произведения, а Ваш рассказ должен был произвести это впечатление, потому что все-таки он принадлежит, по моему мнению, к лучшим Вашим произведениям, и исполнен подробностей высокопоэтических и нигде их столько не заключено разом, сколько в нем.⁴ Вообще же он произвел в Москве огромный эффект на публику, потому что все изложенное мною резонерство принадлежит, по выражению Кобра-Капелла, гастрономам в литературном деле, которые приходят в восторг от кушанья, а, между тем, все-таки хотят анализ править, из чего оно состоит и по всем ли правилам гастрономического искусства оно составлено.

Поговорим теперь о Драшусове. Как я уже Вам писал, он отдал мне 100 р<ублей> сер<серебром>, но дело в том, что он сказал, будто бы не знает, сколько Вам должен. Тогда я отвечал ему, что Вы тоже не помните, но во всяком случае не менее 150 р<ублей> с<серебром>. Он это число принял с радостью, но теперь, когда у Вас нашлась записка, то можно было повести лучше и не отказываться от 190 талеров. Поэтому нельзя ли Вам будет написать ему несколько строк и напомнить ему, сколько он Вам должен, а я уже тогда адресуюсь к нему. Пусть хоть он мне отдаст другие 100 руб<лей>. Пожалуйста, уведоьте меня, как бы тут поступить мне...⁵

Кетчер во фрейлины еще не произведен.⁶ Графиня очень больна теперь; она простудилась и лежит постоянно теперь. Через силу она сделала Вам приписку в моем прошедшем письме. Напишите ей непременно. — Об Аксакове я передал Ваше поручение Грановскому.⁷ — Ах! еще маленький анекдот, — но ради Бога, чтоб он остался между нами. Кобра-Капелла узнал о Вашем рассказе, как Вы провели вечер у отрекомендованной им дамы в маскарade, и он уверяет, что Вы оттого это рассказываете, что Вы не успели в своих исканиях и были ею деликатно выпровождены. Какая Кобра-Капелла! Он говорит, что дама эта очень недурна и будто ей не более 26 или 27 лет, и ссылается в этом на авторитет Кетчера, который тоже уверяет, будто бы она очень презентабельна и даже хороша. Но, пожалуйста, об этом ни слова. Еще успеете тут в Москве отместить Кобре.

Тот же Кобра-Капелла вчера таял от какой-то актрисы под названием Марья Ивановна Иванова. Он говорит, что Вы ее видели, но она Вам не понравилась. Значит, что мне она понравится, потому что с знаменитого нашего посещения Малого театра — показали Вы, что не имеете вкуса, о! Драгоценный Иван Сергеевич! Человек, которому не нравится Ирка,⁸ — что же он такое? О груди

* *Вместо:* и оттого нет этого — *было:* и нет этого

Ирки — поражите презрением этого дерзновенного! Впрочем, я еще надеюсь, что Вы одумаетесь до будущего Вашего приезда в Москву и упадете к Дианиным ногам ее!!!...

Еще забыл. Когда я получил Ваше письмо, у графини был Грановский¹, и мы послали за шампанским Лелегар и Дельбек. Хорошо, а все не Редерер!⁹ Уж Вы преувеличиваете его достоинство!

Прощайте, драгоценный Иван Сергеевич. Будьте веселы, и главное — здоровы! Пожалуйста, напишите мне ответ. Жду его.

Искренне Вас любящий

Е. Феокистов.

¹ Письмо Тургенева из Петербурга, помеченное 16 февраля 1851 г. (см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 91—92).

² О «Бежином луге», см. 5-е примечание к письму Феокистова от 21 февраля 1851 г.

³ Прозвище В. П. Боткина. Произошло от названия очковой змеи *кобра де капелла* («шапочная змея») или просто — *кобра*. Эти же названия употребляются в Африке для обозначения крайне ядовитой змеи — *астиды* («плюющая змея») (см.: *Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*. СПб., 1897. Т. 20, кн. 39. С. 463—464). Из ответного письма Тургенева к Феокистову от 4—13 марта 1851 г.: «Да скажите Кобре-Капелле, что я его щечочу под горлом. Змеи вообще это любят» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 96).

⁴ Тургенев откликнулся на суждения Боткина и Феокистова в письме от 4, 12, 13 марта 1851 г.: «Что касается до Ваших замечаний насчет „Бежина луга“ — то во многом согласен — в ином нет. Напр., я вовсе не желал придать этому рассказу фантастический характер — это не немецкие мальчики сошлись — а русские. Самое верное замечание сделал мне Дудышкин — сказал, что мальчики у меня говорят как взрослые люди» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 95).

⁵ О Драшусове см. письма Феокистова и примечания к ним — от 21 февраля 1851 г. (1-е), 24 февр. 1851 г. (8-е), 1 марта 1851 г. (8-е), 17—18 марта этого же года (9-е).

⁶ Отклик на строки из тургеневского письма от 16 февраля 1851 г.: «Кстати, здесь распространился слух, что Кетчер произведен во фрейлины; но я, однако, сомневаюсь — хотя бы весьма желал видеть шифр на декольтированном его плече» (там же. С. 92). *Кетчер Николай Христоворович* (1806(?)—1886) — врач, переводчик, литератор круга А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. В. Станкевича, В. Г. Белинского, позднее — Грановского, отличался экстравагантностью поведения и внешнего облика, что зачастую делало его неудобным в общении (см.: *оценку Герцена в 4 ч. «Былого и дум», гл. XXXIII; также: Чичерин*. С. 134—139). Шутка Тургенева вызвана, скорее всего, именно этими сторонами натуры в целом симпатичного ему человека. С годами Феокистов стал судить о Кетчере еще более жестко как о характерном представителе, по его мнению, мелкотравчатой среды Грановского. Полемицируя с А. В. Станкевичем (см. изданный им в 1887 г. биографический очерк «Н. Х. Кетчер. Воспоминания А. В. Станкевича»), он создал, по существу, глубоко антипатичный образ Кетчера (см.: *Феокистов*. С. 4, 36, 37).

⁷ Ответ на просьбу Тургенева (касалась К. С. Аксакова): «...Аксаков был в Петербурге — и ко мне заходил — не застал меня дома — и не оставил своего адреса, так что я никак не мог отплатить ему его визит — он так и уехал. Доставьте ему через Грановского мой поклон и мое сожаленье, что не видел его здесь» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 92).

⁸ Шутливые пассажи Феокистова и Тургенева об Ирке (см. письмо Феокистова от 1 марта 1851 г. и тургеневское письмо к нему от 4—13 марта 1851 г.) скорее всего восходят к их совместному посещению московского спектакля с участием снискавшей шумный успех танцовщицы Матиас (Mattias) Ирки (1829—1858). Родилась в Лионе в семье, корни которой связаны с Венгрией. Подростком была увезена в Париж, где стала ученицей первого балетмейстера Королевской Музыкальной Академии — Ж. Мезилье. Дебютировала на сцене театра в Руане. Два года танцевала на сцене Королевского театра в Гааге. В 1847 г. темпераментная и миловидная акт-

риса вошла в труппу императорского московского театра (первое выступление на сцене Большого театра 17 сентября 1847 г.). Исполняла многочисленные танцевальные партии в операх и балетных спектаклях, выразив наметившуюся в балете тягу к яркой характерности («Эсмеральда» А. С. Даргомыжского, «Пахита» Э. Дельдевеза, «Катарина, дочь разбойника» Ц. Пуни, и проч.). 9 января 1851 г. в бенефис М. Д. Львовой-Синецкой выступала вместе с Фанни Эльслер (Бенефис г-жи Львовой-Синецкой // Ведомости московской городской полиции. 1851. 9 янв., № 6. С. 1). Лучшей в репертуаре Матиас стала заглавная роль в «Гитане, или Испанской цыганке» (муз. Д. Обера, И. Шмидта), которая, по свидетельству биографа, исполнялась ею с особенным увлечением и грацией. «Неоднократно восторженный партер осыпал ее цветами в этой роли...» (Драматический альбом с портретами русских актеров и снимками с рукописей / Изд. П. Н. Арапова и Августа Роппльта. М., 1850. С. 231). 30 апреля 1853 г. этим спектаклем завершилось пребывание Матиас в России, откуда она уехала в Париж, а затем на гастроли в Америку. См.: Красовская В. С. Русский балет от возникновения до середины XIX века. Л.; М., 1958. С. 284; Чернова Н. Ирка Матиас в Москве // Советский балет. 1991. № 2. С. 48—50.

⁹ Реакция на строки из письма Тургенева от 16 февраля 1851 г.: «...вчера мы страшно много пили — Зиновьев, Корш, Якушкин, Маслов, Тютчев и я — у Дюссо. Пили новое превосходное шампанское, Лелегар и Дельбек — гораздо лучше Редера» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 92).

3

1(13) марта 1851 г. Москва

Москва. Марта 1. 1851.

Драгоценный Иван Сергеевич, — посылаю это письмо со страхом, что его не примут на почту, потому что графиня прежде еще меня написала Вам около 500 страниц, да если я еще напишу хоть четверть того, — то едва ли Почтамт видал когда-либо* послания такого объема. Пишу к Вам под влиянием самого превосходного впечатления: вчера пел Марио в Благород<ном> Собрании.¹ Я и не подозревал, чтобы мог существовать такой голос. Я слышал Рубини,² когда уже он сходил со сцены, — и он вдвое не произвел на меня такого впечатления, как Марио. Боткин уверял, что во время пения Марио у многих дам указательные персты находились в действии. Этого я не видал, но не ручаюсь, чтобы этого не было по приезде их домой, когда они ложились спать. Марио действительно очень хорош, гораздо лучше Чиабатты,³ который не больше, как статный и дебелый итальянский мужик. Послезавтра — другой концерт.⁴

Но поговорим о другом. В продолжении всего этого времени в литературных кружках только и говорили об Вашем последнем рассказе.⁵ — Действительно, он так хорош, что его можно перечитывать по несколько раз. Тут, как Вам известно, трубят о повести Станкевича,⁶ он читал ее мне. Повесть написана хорошо, но не более, и вообще для русской литературы нельзя ожидать от Станкевича решительно ничего. — Дело в том, что лицо, которое он вывел в этой повести, — это тот же «Ипохондрик» (повесть, которую он напечатал в «Совр<еменнике>»),⁷ — а ипохондрик и главное лицо его новой повести — он сам, Станкевич. Повесть его —

* *Вместо:* когда-либо — *было:* каки<е-либо>

результат всей его жизни, оттого она хороша, оттого в ней много верного анализу, много что идет прямо от сердца — но кроме этого Станкевич едва ли что-нибудь напишет, потому что у него нет решительно никакого знания действительности, она его пугает и оттого из-под его пера не выйдет ничего живого. Не знаю, прав ли я, но это мнение родилось в моей голове в то время, как он читал повесть. Она написана вроде кудрявцевских повестей, которых я терпеть не могу.

Об Драшусове я Вам уже писал. Необходимо, чтобы Вы дали ему знать, сколько он Вам должен.⁸

Очень, очень рад, драгоценный Иван Сергеевич, что Вы нашли себе домино. — Вы пишете, что барыня, скрывающаяся под ним, очень умна, — это хорошо. Ум — великое дело, и ничего не может быть приятнее, как встретиться, наконец, с умною женщиною. Но видите ли что? — умные женщины хороши в гостиных, садах, кабинетах и т. д., но в маскарадах — ум становится вещицей очень маленькою.⁹ Конечно, приятно, если домино — не бессмысленный столб, приятно, если оно остроумно, разговорчиво, любезно, — но все это только аксессуары. А главное — лицо, грудь, ляжки или ляшки — (не знаю, как пишется по грамматике Греча) — в них-то только скрывается «край мучений и ад блаженства». А Вы пишете, что Ваша барыня — некрасива. Нет, — я не сильно завидую Вам, может быть, потому, что до сих пор нахожусь в каком-то состоянии бреда, приятном и вместе тяжелом. Вчера концерт Марио доставил мне все возможные удовольствия. — Стою я и слушаю этот дивный, симпатичный голос, — он кончается, я опускаю глаза и вижу — сидит предо мною Ирка,* — в платье с открытою шеєю. Груды рвутся буквально наружу, она смотрит на Марио и на губах ее какая-то белая оболочка, до того они пересохли от внутреннего жара, в глазах какое-то моление к Марио и предчувствие «рая мучений и ада блаженства». Вся она, всеми своими членами, кажется, говорила, что теперь смеющийся лечь с ней на постель захлебнется от блаженства, что она замучает восторгом. Никогда я не видывал такой физиономии. Это было воплощение чувственности и вызов на наслаждения, в своем роде стоящий вызова Клеопатры!!!!... Вот это женщина! Это жизнь! А Вы, драгоценный Иван Сергеевич, требуете прежде всего ума, — Вам нужно только побаловать душу, а не предаться истинному блаженству.¹⁰ Но уж об этом мы не раз говорили.

Новостей тут решительно нет никаких — ни литературных, ни... ни других, если, кроме литературы, может быть что-нибудь нового. Графине теперь гораздо лучше. Я чувствую, что я не очень еще благодарил Вас за Драшусова. Но зачем слова, — Вы поймете, как я Вам благодарен. Я думаю Вас ужасает получение таких огромных писем, как находящееся сию минуту в Ваших руках. Но ничего, не ленитесь только писать Вы. Пишите ответы, а мы Вас очень любим, и не забудем передавать все, чем богаты.

Любящий Вас Е. Феокистов.

---

* После: предо мною Ирка — слово заретушировано.

¹ *Марио (Mario) Джованни (наст. имя и фам. Джованни Маттео Де Кандиа, De Candia)* (1810—1883) — итальянский певец (тенор). В 1838 г. дебютировал в «Гранд-Опера» в Париже, затем пел в парижском «Театр Итальян», исполняя главные партии в операх Г. Доницетти, Дж. Россини, В. Беллини. Здесь Тургенев слышал его в конце 1847 г. (см. отзыв в письме П. Виардо от 30 декабря 1847 (11 января 1848) г., а позже упоминания как ее партнера в опере Мейербера «Пророк» на сцене лондонского Ковент-Гардена в письме от 11, 12 (23, 24) июля 1849 и музыкального фестиваля в Ливерпуле летом 1849 г. с участием Марио — в письме к Луи Виардо от 11(23) августа 1849 г.). В 1849—1853 гг. Марио вместе с женой Джулией Гризи — на сцене петербургского Большого театра. Они приехали в Россию, когда, по словам Валериана Панаева, имя певца «гремело по всей Европе, и Петербург приходил в неистовый восторг от этого соловья, но, кажется, более от его красоты...» (Воспоминания Валериана Александровича Панаева // Русская старина. 1901. № 10. С. 587). «С приездом Гризи и Марио возвратились блаженные времена Виардо и Рубини, — вспоминал А. И. Вольф о театральном сезоне 1849—1850 гг. — Зала Большого театра снова стала наполняться beaumont'om, снова меломаны, как истинные, так и притворные стремились туда...» (Вольф. Т. 1, ч. 1. С. 139). Ср.: «Оперный сезон 1849—1850 г. был эпохой возрождения лучшего золотого времени итальянской оперы в Петербурге: мы услышали, наконец, *Гризи и Марио*. Говорить о них можно много или ничего, а потому замечу только, что в лице Гризи осуществился идеал Нормы Беллини и что в „Гугенотах“ появление Гризи и Марио составило событие...» (*Яхонтов А. Н.* Петербургская итальянская опера в 1840-х годах // Русская старина. 1886. Т. 52, № 12. С. 746). Анализ гастролей Гризи и Марио см. в статье Боткина «Итальянская опера» (*Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 170—172; впервые: Современник. 1850. № 3). В Москве, открыв концертный сезон 1851 г., Марио дал четыре концерта — 28 февраля, 3, 5 и 6 марта. Первый из них предварялся объявлением: «В зале Благородного Собрания в среду, 28 февраля, г. Марио будет иметь честь дать концерт, в коем будут участвовать г-жа Жерве Нейрейтер и г. Чабатта <Чабатта>...» (Ведомости московской городской полиции. 1851. 27 февр., № 45. С. 2). Со страниц этой же газеты читатели узнали о большом успехе первого концерта гастролеров: «Наши слова оправдались, когда мы несколько дней тому назад сказали, что концертная пора в нынешнем году начинается самым блестящим образом. В среду, 28 февраля, при чрезвычайно многочисленном стечении публики — так, что тесно было в огромном зале Московского Благородного собрания, дан был первый концерт г. Марио» (там же. 1851. 3 марта, № 49). Автор фельетона, подводившего итог гастролям, сообщал о первой встрече певца с москвичами: «Публика на этом концерте была чрезвычайно многочисленна, и 1-й концерт в Москве этого первого тенора Европы увенчался полным успехом. Большая часть слушателей, бывших 28 февраля в Благородном собрании, не имела еще случая прежде слышать Марио: но имя его было уже знакомо ей по его огромной европейской славе; поэтому эта часть публики ожидала от Марио очень многого, отнюдь не менее, если еще не более того, чего ожидали от него уже знакомые с прекрасным голосом этого певца, и г. Марио вполне удовлетворил этим ожиданиям» (там же. 1851. 8 марта, № 53. С. 1. Без подписи). См. ниже 2-е и 4-е примечания.

² Знаменитый итальянский тенор Джованни Баттиста Рубини (Rubini) (1795—1854), один из лучших исполнителей заглавных теноровых партий в операх Дж. Россини, В. Беллини, Г. Доницетти. В Россию приехал в 1843 г. и привез группу певцов из Италии, положив начало постоянной итальянской оперной труппе в Петербурге. Дуэт Рубини с Мишель Полиной Виардо-Гарсиа (1821—1910) стал самым ярким впечатлением русской театральной публики сороковых годов. Прослушав Рубини в опере Доницетти «Ламермурская невеста» весной 1843 г., Никитенко записал в дневнике: «Играл и пел знаменитый Рубини. Музыка оперы прелестна, легка, нежна, грациозна. Рубини — великий мастер. Главное в его исполнении: ясность, непринужденность и страсть» (*Никитенко*. Т. 1. С. 266. Запись от 10 мая 1843 г.; ср. эту оценку с гораздо более сложным отношением М. Глинки к Рубини и так называемой итальянщине, см.: *Глинка М.* Записки. Л., 1953. С. 172, 174). Массовый же слушатель пятидесятых годов отдавал явное предпочтение Марио. Не случайно сопоставление Марио с Рубини — общее место газетных статей. Фельетонист «Ведомостей московской городской полиции» в канун прибытия итальянского певца писал: «В Москву приезжает новый знаменитый

гость, первый европейский тенор, с тех пор, как сошел со сцены Рубини, — г. Марио. / Г. Марио, наследник славы Рубини, которую приобрел еще в молодых летах...» (1851. 27 февр., № 45). Однако, по мнению знатоков, унаследовав репертуар Рубини, обладая голосом и внешностью редкой красоты, Марио уступал ему в технике, выносливости и главное, как отмечалось современниками, — в той мере сценического такта, которая отличала его предшественника. На это противоречие обратил внимание Вольф: «Марио вышел в „Пуританах“ вместе с Фреэццолини и, едва замерли последние звуки его выходной каватины (a te o ca), как поднялся в зале гвалт, какого не было при Виардо и Рубини. После первого акта овация была еще шумнее; мужчины махали шляпами, дамы платками, неистовые Bravo раздавались и в партере и на верхах. Короче сказать, энтузиазм дошел до крайних пределов. И было впрочем от чего! Такого чудного органа, с таким чистым металлическим тембром, нам не приходилось еще слышать между мужскими голосами. К тому же, сколько неподдельного увлечения, какая осмысленная игра, полная огня и страсти, и в довершение — пленительная наружность. По искусству пения, Марио, конечно, был ниже Рубини, не было у него той необычайной отделки малейших оттенков и не умел он так рассчитывать свои силы. После чудно сказанной фразы многие места проходили незаметными от утомления, и от того, конечно, эффект всей сцены не всегда был полный. Такие неровности, вероятно, замечались только немногими, а масса довольствовалась тем, что ей давали, и приходила в неистовый восторг» (Вольф. Т. 1, ч. 1. С. 140). Валериан Панаев воспринимал Марио как поверхностного певца и, не разделяя безудержно восторженного отношения публики, противопоставлял ему Рубини. Ср.: «Когда же я прослушал его <Марио> в трех, четырех операх, то не только не испытал наслаждения, или хоть бы удовлетворения, но, наоборот, испытал несколько раз досадное раздражение нервов. Не подлежит сомнению, что это был сладко-певучий соловей, но в его голосе не было и признака драматизма. Был ли у него драматизм в голосе в прежнее время, — я не знаю; я говорю о Марио, явившемся в Петербург в 1851 г. Он раздражал мои нервы именно тогда, когда ухо требует сильного драматического звука, и вдруг, вместо того, он услышит высокоую, тончайшую фистулу. Самые переходы в эти горловые ноты были у Марио неприятно резки, тогда как Рубини переходил в эти ноты совершенно незаметно. Зная, что Петербург пленяется его красотой, Марио очень любил рисоваться на сцене. И вот он ставит в свой бенефис какую-то несчастную оперу — „Сарданапал“, в которой изображает негу в очень нескромном костюме. После этой оперы мне казалось, что это было как бы некоторое оскорбление великому драматическому искусству, и я решительно перестал ходить слушать Марио...» (Воспоминания Валериана Александровича Панаева // Русская старина. 1901. № 10. С. 587—588). Ср. с фразой из письма Феокистова от 17—18 марта 1851 г.: «Странно, — но Марио в Москве далеко не понравился, многим даже знатокам музыки и пения. На меня он произвел сильное впечатление. Вообще же, хвалят очень его голос, но сильно нападают на манеру и отсутствие выразительности в пении. Я — профан — этого не заметил.

³ О Чиабатте — 1-е и 4-е примечания.

⁴ То есть 3 марта. Третий концерт Марио последовал 5 марта в том же составе в зале Большого театра. О втором концерте, 3 марта, автор фельетона в «Ведомостях московской городской полиции» сообщал: «Ни одного места не было пустого, все было занято, и все-таки огромная зала Большого театра, со всеми ее ложами, креслами и галереями оказалась мала для огромного числа желавших присутствовать при втором концерте Марио: многие не нашли в ней себе места. / Второго концерт Марио увенчался успехом, может быть еще большим, чем первый. Более отдохнувший от дороги, певец был еще более в голосе, чем в первый концерт, и восторг, возбужденный им, был чрезвычайно велик, вызовов было несчетное множество и знаменитому певцу, как дань восторга, было брошено несколько букетов. / Особенно произвело эффект чудное трио Россини из „Вильгельма Телля“, в котором голос Марио заливался дивными, сердечными слезами. / Это трио (исполненное гг. Марио, Чиабатта и Куровым), равно, как и две арии, пропетые в этом концерте г. Марио, были повторены по единодушному желанию публики» (1851. 8 марта, № 53). Об исполнении этого трио вспоминал Бестужев-Рюмин: «В театре я бывал очень редко и потому наперечет помню, что видел: видел „Горе от ума“ с Самариным — Чацким, Верой Самойловой — Софией, видел Фанни Эльслер в „Эсмеральде“, слышал „Elesir d'amore“ с буфом

Росси (в роли Дулькамара), да Марио в концерте, где с ним пел бас Куров. Мы с Лохвицким были в райке; ему пришла в голову забавная мысль вызвать Курова вместе с Марио; его крик подхватили в райке, и Марио вывел Курова за руку» (*Бестужев-Рюмин*. С. 35—36). 6 марта Марио последний раз выступил в Благородном собрании уже в другом составе — со Шмитом и аккомпаниатором Иоганнисом (см.: *Ведомости московской городской полиции*. 1851. 6 марта, № 51. С. 4).

⁵ О «Бежином луге». См. 5-е примечание к письму Феоктистова от 21 февраля 1851 г.

⁶ *Станкевич Александр Владимирович* (1821—1912, по другим данным 1909) — младший брат Н. В. Станкевича, балетрист, мемуарист, биограф Грановского, Кетчера. Портрет Станкевича см.: *Чичерин*. С. 139—140; также: 7-е примечание к публикуемому письму от 30—31 марта 1851 г. Феоктистов имеет в виду повесть Станкевича «Идеалист» в учено-литературном альманахе Николая Щепкина «Комета» (М., 1851. С. 495—609) с посвящением Н. Г. Фролову (о составе альманаха см. 15-е примечание к письму Феоктистова от 17—18 марта 1851 г.). Оценку Феоктистова ср. с отзывами об «Идеалисте» братьев Афанасьевых, письма которых передают и характер споров вокруг этой повести. «Что ты скажешь об альманахе Щепкина „Комета“?», — спрашивал А. Н. Афанасьев. И далее: «В нем напечатана глубокая до неприятности и возвышенная до нелепости в художественном отношении повесть А. В. Станкевича, герой которой только и делает, что спит и рассуждает с бездушными вещами: портретами, переплетами книг etc., — повесть, в которую автор перенес все свои семейные бредни, „Идеалист“». Из ответного письма брата: «Александра Станкевича я не видел, братья его и кузины были весьма поражены, когда я объяснился, что в „Идеалисте“ не вижу ничего великого, и только ясно мне одно желание автора выставить свое я в великолепном свете. <...> Споров было много, даже выходивших из пределов спора, а переходивших в чистую брань <...>. Не можешь представить себе, как я доволен разбором этой повести в „Современнике“» (*Лазушкин С. Г.* К истории создания романа «Тонкий человек» и поэмы «Саша» Н. А. Некрасова // *Вопросы литературы и фольклора*. Воронеж, 1972. С. 22—23, см. также в этой статье анализ идейно-полемических и текстуальных переключек с повестью «Идеалист» произведений Некрасова пятидесятилетия годов).

⁷ «Ипохондрик» появился в 1848 г. в 3-м номере «Современника». Об автобиографически-исповедальническом характере этой повести Станкевича, о типе главного героя и соответствии его героям повестей Кудрявцева, Герцена, Салтыкова-Щедрина, а также Тургенева см.: *Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра*. Л., 1973. С. 275—278, 281—282. Исповедальная форма, характерный психологический облик героя с его разочарованностью и скептицизмом открыли путь к анализу повестей Станкевича в соотнесении с лермонтовской традицией (см.: *Назарова Л. Н.* Станкевич Александр Владимирович // *Лермонтовская энциклопедия* / Гл. ред В. А. Мануйлов. М., 1981. С. 526).

⁸ См. 1-е примечание к письму Феоктистова от 21 февраля и 5-е — к письму от 24 февраля 1851 г.

⁹ На эти строки Тургенев в письме от 4, 12, 13 марта ответил: «А — конечно — Вы правы — ум на маскараде — последнее дело. Лучшим тому доказательством служит то обстоятельство, что вот я не вернулся к моей маске — даром что она умна как бес и даром, что я, по Вашим словам, желаю только баловать свою душу» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 95).

¹⁰ Об Ирке Матнас — см. 8-е примечание к письму Феоктистова от 24 февраля 1851 г. В ответном письме от 4, 12, 13 марта 1851 г. Тургенев пошутил: «Козлоногому сатире, одетому студентом и прикидывающемуся добродетельным человеком, — Евгению Феоктистову мой усердный поклон. Не без удовольствия читал я Ваше добела раскаленное описание Ирки на концерте Марио. „Господи, господи, — думал я, — есть же такие вулканические темпераменты! Господи! — продолжал я, — не дай этой Этанне изныть в тоске одиночества; но пошли ей, чего она жаждет с такой неслышанной энергией!“. Надеюсь, что моя бескорыстная мольба будет услышана» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 94).

17—18 (29—30) марта 1851 г. Москва

Москва. 17 марта. 1851.

«Уж сколько раз твердили миру,
Что...

хитрость вредна, бесполезна¹ и между хорошими приятелями не употребляется, но Иван Сергеевич, несмотря на это, без зазрения совести предлагает прочесть в новом «Современнике» еще его *одно* произведение.² Как будто великолепная статья о Познякове³ могла обмануть кого-нибудь! Как будто достаточно не подписать своего имени, чтобы публика не увидела руки мастера! Вот как было дело: опять в прошедший четверг собрались те же лица, «так называемые умные люди» у Галахова. Опять разговор касался «науки и жизни»⁴ — как вдруг кто-то взял «Современник» и стал читать статью о гениальном Познякове. На 5-ой строке у всех вырвалось восклицание: «это он!» Дальнейшее чтение не обмануло нас. Статья произвела *фурор*. Сам Кудрявцев⁵ подпрыгивал от восторга на своем стуле. Право, никто не ожидал, чтобы можно было по поводу Познякова написать статью с таким тонким остроумием, живостью и, как выразился Кудрявцев, с таким «отличным умом». Но так как в этой же статье говорится неуважительно об гр. Ростопчиной,⁶ то положено было не говорить никому, что статья принадлежит Вам, — об этом знают немногие из кружка. Признаюсь Вам, я подумал, слушая эту статью, что бы Вам написать несколько страниц об школе Островского. Она теперь высказывается мало-помалу в «Москвитян<ине>». Так, например, если Вы читаете его, то могли заметить, что Григорьев при разборе «Пантеона» откровенно признался, что он и К^о не слишком высоко ставят Мольера. Да и мало ли таких черт, разбирать которые было бы истинное наслаждение. Подобная статья, написанная с остроумием статьи о Познякове,⁷ — да ведь это монумент в потомстве!..

Другая Ваша статья о Касьяне — прелесть!⁸ Это, бесспорно, один из лучших Ваших рассказов, — и таково общее здесь мнение. Кроме характера — который вышел очень рельефен и понятен,* самое описание деревни, пустой в жаркий летний день, наконец, описание самого этого дня, — все это как будто сейчас видишь, как будто сам только что выехал из этой деревни. Вообще весь рассказ — истинно превосходен. Очень хороша тоже — девочка. Право, кроме этого восхищения, я не могу Вам передать ничего более, да и едва ли, думаю, и можно что-нибудь критиковать в этом рассказе.

Не знаю, как благодарить Вас, почтеннейший Иван Сергеевич, за Ваше письмо к Драшусову.⁹ Вы так любезны и предупредительны, что мне даже становится совестно. Зная так Ваш характер, можно войти с человеком в такие отношения.

Теперь еще одно поручение к Вам, или назовите, как угодно. Недавно я встретил в театре Шумского. Разумеется, он рассыпался

* После: и понятен — было: подконец

в похвалах Вам и Вашим высоким качествам, а кончил просьбою написать Вам, что, *кажется*, Дирекция намерена дать ему после Святой, то есть в мае или конце апреля, бенефис. В таком случае он спрашивает, не намерены ли Вы написать теперь свою комедию «Шарф»,¹⁰ о которой Вы говорили и нам, и ему. Он говорит, что эта пьеса, данная в его бенефис, значительно поднимет его денежные обстоятельства, в чем, разумеется, нет сомнения. Я передаю Вам его слова, а Вы поступайте как хотите. Не худо бы Вам было написать к нему.

В Москве много нового. Ростопчина, хотя башмаков не носит, но не менее того, пишет постыдные по глупости фельетоны об Эльслер.¹¹ Грановский при истинном восторге публики читает публичные лекции.¹² Странно, — но Марио в Москве далеко не понравился, многим даже знатокам музыки и пения. На меня он произвел сильное впечатление. Вообще же, хвалят очень его голос, но сильно нападают на манеру и отсутствие выразительности в пении. Я — профан — этого не заметил.

Видел я наконец даму Боткина, и Вашу — смею сказать, — ну! урод порядочный. Понимаю, что Вы бежали от нее. Грубые черты, и лицо похоже на подсолнечник. Жалею, что мое описание Ирки не произвело в Вас другого чувства, кроме удивления ко мне,* и что грудь Ваша не согрелась благодатным огнем! Кобра-Капелла все тот же. Недавно только я убедился, что у этого человека нет не только никакого постоянного образа мыслей, но даже и того художественного чутья, о котором, кажется, и Вы говорили. Жалею, что некогда теперь представлять примеры этому.

Напишите ко мне поскорее, драгоценный Иван Сергеевич. Я иду обедать к Грановскому и, если услышу там что-нибудь об Вашем рассказе, прибавлю к этому письму.

От души жму Вам руку.

Е. Феоктистов.

18 марта. Вчера у Грановских видел я Кетчера и передал ему Вашу записку.¹³ Он сам будет отвечать Вам, но мне сказал, что напрасно Вы так беспокоитесь о «Записках <охотника>». В настоящее время их решительно невозможно отдавать в цензуру. Надо будет подождать. — Статья Ваша (?) о Познякове была вчера прочитана 2 раза у гр<афини> и всем ужасно понравилась.¹⁴ Все хотело от души. Мне было очень приятно, что Грановский повторил вчера мою мысль, сказавши, что Вам только предназначено небом написать статью об новой школе Словесности. — Альманах Щепкина¹⁵ непременно выходит к праздникам, а недавно тут вышел сборник Леонтьева: «Пропилеи».¹⁶ Советую Вам записаться им, почтеннейший Иван Сергеевич, — много статей превосходных. — Вчера же вышел тут «Москвитян<нин>», а в нем статья Григорьева об Вашем «Бежином луге».¹⁷ Не нравится! Главное нападение — отсутствие фантастического колорита, — и Бог знает к чему, кажется,

* Так в автографе.

для сравнения, приводится пьеса* Гете — «Лесной царь».¹⁸ Вот свиная голова-то!..

Прощайте, драгоценный Иван Сергеевич. До следующего письма. Будьте здоровы, веселы и пейте поболее шампанского.

Ваш весь Е. Феокистов.

Адрес Вы пишете верно.

¹ Парафраз строк из басни И. А. Крылова «Ворона и лисица»:

«Уж сколько раз твердили миру,
Что лезть гнусна, вредна...»

² Феокистов обыгрывает слова Тургенева: «В № „Современника“, отправленного третьего дня в Москву — есть еще одна моя статейка...» (письмо от 12 марта 1851 г., входит в состав письма от 4, 12, 13 марта указ. года; см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 95). См. следующее примечание.

³ В 3-м № «Современника» за 1851 г. Тургенев поместил рассказ «Касьян с Красивой Мечи» (за подписью «Ив. Тургенев») и рецензию «Поэтические эскизы. Альманах стихотворений, изданный Я. М. Позняковым и А. П. Пономаревым. Москва: В типографии „Ведомостей Московской городской полиции“, 1850» (без подписи). См. о ней: *Измайлов Н. Затерянная критическая статья // Тургенев и круг «Современника»*. С. 453—459; *Назарова*. С. 163; *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 4. С. 653—656.

⁴ С Алексеем Дмитриевичем Галаховым (1807—1892), историком литературы, критиком, писателем, педагогом, автором ряда учебников, Феокистова свел дом Салиас. «В маленькой ее квартире, — вспоминал он, — можно было постоянно встретить Грановского, Кудрявцева, И. С. Тургенева, В. П. Боткина, А. Д. Галахова и многих других» (Феокистов. С. 366). Широкие журнальные связи Галахова определяли характер его «четвергов», собиравших довольно большой круг литераторов, артистов (свод сведений о нем и его связях см.: *Куйко Е. И. Галахов Алексей Дмитриевич // Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь*. М., 1989. Т. 1. С. 513—515; *Бокова В. Воспоминания московского западника // Галахов А. Д. Записки человека*. М., 1999. С. 5—14, о салоне Салиас в этой же книге см. с. 253). Указанный «четверг» в доме Галахова состоялся 15 марта 1851 г. (*Летопись (1818—1858)*. С. 182). Строки письма Феокистова («...опять в прошедший четверг собрался те же лица, „так называемые умные люди“ у Галахова. Опять разговор касался „науки и жизни“...») — парафраз, с буквальными повторениями характерных тургеневских выражений из начальной части рецензии на сборник Познякова, ср.: «Недели две тому назад, любезные читатели, собралось нас несколько так называемых умных людей у одного тоже умного, да еще и ученого человека. Начали мы разговаривать. С самых первых слов разговор наш принял весьма почтенное направление: он вознесся чрезвычайно высоко...» и т. д. (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 4. С. 460). Спрогнозированная Феокистовым на конкретную ситуацию («четверг» Галахова), тургеневская ирония — с легким оттенком пародии — сообщила приведенным строкам письма интонационную неоднозначность.

⁵ *Кудрявцев Петр Николаевич* (1816—1858) — историк, прозаик, критик, сотрудник «Отечественных записок» и «Современника». Ученик Грановского, после двухлетней зарубежной командировки (1845—1847) назначен преподавателем, а через месяц — исправляющим должность адъюнкта по кафедре всеобщей истории Московского университета (Грановский постоянно читал древнюю историю, курсы же истории средних веков и новой чередовал с Кудрявцевым). В 1850 г. защитил диссертацию (см. о ней в примечании к письму Феокистова от 30—31 марта 1851 г.). В апреле 1851 г. утвержден магистром всеобщей истории и исправляющим должность экстраординарного профессора. С декабря 1855 г. — профессор всеобщей истории (*Мостовская Н. Н., Оловат А. Л. Кудрявцев Петр Николаевич // Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь*. М., 1994. Т. 3. С. 199). Феокистов и его университетские товарищи были не только ревностными учениками Кудрявцева (см. сравнитель-

* *Вместо: пьеса — было: статья*

ный анализ лекций Грановского и Кудрявцева в воспоминаниях Бестужева-Рюмина, с. 23—24), но, по свидетельству Салиас, и частыми гостями в доме Кудрявцева. «Кроме профессоров-товарищей, — вспоминала она, — П. Н. ввел в свой семейный круг некоторых студентов, особенно им любимых. Там (в квартире на Кисловке. — Э. Г.) почти всегда можно было встретить Ешевского, Бестужева-Рюмина, Феоктистова, В. Корша, Лохвицкого и других» (*Евг. Тур.* Профессор П. Н. Кудрявцев. Воспоминания // Поляряна звезда. 1881. Март. С. 17). По признанию Феоктистова, в доме Кудрявцева он сблизился с Катковым (*Феоктистов.* С. 84, подробнее: С. 79—84 и по указ.).

⁶ Поставив Ростопчину в ряд с Н. В. Сушковым, Н. В. Бергом, Ф. Б. Миллером, С. П. Соловьевым и пр., Тургенев дал ей уничтожающую характеристику: «...не все стихотворения, заключающиеся в „Поэтических эскизах“, заслуживают такие громкие слова; многие только просто плохи; они плохи потому, что бесцветны и безвкусны, как пресная вода, потому что и претензия-то в них не оригинальная претензия. <...> плохи стихи г-жи Ростопчиной „Ты не люби его“, в которых этот вечный, таинственный и поистине достойный сожаления *он* на пространстве осьминадцати строчек проходит опять несколько раз через все свои падежи...» (*Т. Сочинения* (2-е изд.). Т. 4. С. 461—462; также см. с. 655—656).

⁷ Статья, призванная уравновесить «неумеренные» восторги Ап. Григорьева по поводу пьес Островского, была написана Тургеневым позже, в двадцатых числах февраля 1852 г.: «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“» (см. о ней: *Т. Сочинения* (2-е изд.). Т. 4. С. 663—667). Далее см. примечание к письму Феоктистова от 7 марта 1852 г.

⁸ 12 марта 1851 г. Тургенев, продолжая начатое ранее (4 марта) письмо к Феоктистову, просил сообщить ему впечатление от рассказа «Касьян с Красивой Мечи»: «В № „Современника“, отправленного третьего дня в Москву — есть еще одна моя статейка, о которой также прошу сказать Ваше мнение. В главном характере много *попозволе* недосказанного — хочется мне знать, можно ли понять, в чем дело?» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 95, 447).

⁹ Записка Тургенева к Драшусову, которую Феоктистов называет письмом, неизвестна (*Летопись* (1818—1858). С. 182). Содержание ее отчасти пересказано Тургеневым в письме к Феоктистову от 12 марта 1851 г. (начато 4 марта). См. также 1-е примечание к письму Феоктистова от 21 февраля этого же года.

¹⁰ Ответ Тургенева: «Комедию — „Шарф“ — я не продолжал, да и вряд ли кончу. Сообщите это как-нибудь Щепкину и Шумскому...» (письмо от 2 апреля 1851 г.; см.: *Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 97). «Шарф» — не дошедшая до нас или, скорее всего, неосуществленная комедия Тургенева (см.: *Тургенев и круг Современника*. С. 145—146 — примечание Н. Измайлова; *Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 449 — примечание Назаровой). Далее упоминания о «Шарфе» — в письмах от 30—31 марта 1851 г., от 18 февраля, 7—8 и 24 марта 1852 г.

¹¹ Известная танцовщица и балетмейстер родом из Вены — Фанни Эльслер (Elsler) (1810—1884). Высокая хореографическая культура сочетались в ней с редкой красотой и актерской выразительностью. Первый крупный успех — в Берлине (1830). Затем танцевала в Париже. В России гастролировала в 1848—1851 гг. (см.: *Картины* П. А. Записки. Л., 1929. С. 29—34). В Москве выступала весной 1850 г. и зимой 1850/1851 гг. (о прещании с ней см.: Московские ведомости. 1851. 1 февр., № 4; там же. 22 февр., № 23). Подробнее: *Красовская В. С. Русский балетный театр от возникновения до середины XIX века*. Л.; М., 1958. С. 227—231. Перу Ростопчиной принадлежит фельетон в «Ведомостях московской городской полиции», посвященный прощальному спектаклю Эльслер в Москве (1851. 23 февр., № 42. С. 1—2. Подпись: Графиня Ростопчина). Неумеренная восторженность, с подробным описанием аплодисментов публики, преподнесенных подарков, букетов и слез танцовщицы, сочетается в нем с выспренной патристической риторикой.

¹² В течение января—марта 1851 г. Московский университет проводил платные публичные лекции (курс состоял из 18 лекций) своих профессоров (С. М. Соловьева, С. П. Шевырева, Т. Н. Грановского и др.), доход от которых шел на нужды бедных студентов. «Московские ведомости» оповещали: «Сегодня, 20 января, в 2 1/2 пополудни в зале химической лаборатории открываются публичные лекции в Московском университете и будут продолжаться до 31 марта» (1851. 20 янв., № 9). Чтения должны были проходить по вторникам и субботам от половины третьего до половины четвертого пополудни. Грановскому предстояло прочесть четыре лекции (6, 10, 13, 17 марта) на предложенные им темы (характеристики Тамерлана, Алкс-

сандра Великого (Македонского), Людовика IX и Бэкона Воруламского). Первая лекция, на которой присутствовала высшая администрация города, носила оттенок официального события. Автор анонимного отзыва сообщал: «Аудитория была полна. Профессор был окружен избранным обществом Столицы. Градоначальник Москвы Его Сиятельство Граф А. А. Закревский удостоил также своим посещением эту лекцию» (там же. 15 марта, № 32). В следующем отзыве лекция об Александре Македонском была названа «блистательной» (см.: там же. 17 марта, № 33. Без подписи). В день, когда Феоктистов писал Тургеневу, историк, прочитав лекцию о Бэконе, завершил свой цикл. Общий итог выступления Грановского подвел проф. Соловьев в статье «О публичных лекциях проф. Грановского», высоко оценивший эти события (там же. 29 марта, № 38). Позже А. В. Станкевич, характеризую общий смысл и пафос лекций Грановского, отмечал их актуальный характер: «В марте того же года московское общество в последний раз слышало его публичные чтения. Он прочел четыре исторические характеристики <...>. Грановский начал свои чтения вопросом: какое призвание в истории людей, означенных именем великих? Этот вопрос не был лишен современности. С 1848 года в европейской литературе поднимались голоса, отрицавшие необходимость великих людей в истории, утверждавших, что роль их кончена, что народы сами, без их посредства могут исполнять свое историческое назначение. Все равно сказать бы, говорил Грановский о таких мнениях, что одна из сил, действующих в природе, утратила свое значение, что один из органов человеческого тела теперь стал не нужен. „Народ есть нечто собирательное, — говорил он в своей лекции. — Его собирательная мысль, его собирательная воля должны для обнаружения себя претвориться в мысль и волю одного, одаренного особенно чутким нравственным слухом, особенно зорким умственным взглядом лица. При внимательном созерцании великих личностей, ни являющиеся ли они нам откровениями целого народа и целой эпохи. Для чего бы они ни были призваны на землю, для блага ли, для зла ли, во всяком случае они стоят не отдельно, но тесно и крепко связаны с землею, на которой выросли, и с временем, в котором действуют“. Указание этой тесной связи давало единство беседам профессора о четырех великих исторических деятелях разных и отдаленных одна от другой эпох истории» (Т. Н. Грановский и его переписка: В 2 т. М., 1897. Т. 1. С. 238—239). Прочитанные курсы составили книгу: Публичные лекции о «ординарных» профессоров Геймана, Рулье, Соловьева, Грановского и Шевырева. Читаны в 1851 году в Императорском Московском университете. М., 1852. См. разд. IV. Четыре исторические характеристики. Публичные лекции, читанные ординарным проф. Т. Грановским в 1851 году; то же см: *Грановский Т. Н.* Полн. собр. соч. СПб., 1905. Т. 1. О печатном отклике Феоктистова на лекции Грановского см. 11-е примечание к письму от 14 января 1852 г.

¹³ 12 марта 1851 г. Тургенев просил Феоктистова узнать, почему Кетчер не ответил на его письмо (неизв.) и что он намерен делать с «Записками охотника». По предположению комментатора, в письме «шла речь о первом отдельном издании „Записок охотника“, которое собирался подготовить Кетчер (*Т. Письма (2-е изд.)*, Т. 2. С. 448). С этим замыслом тургеневеды связывают список опечаток и пропусков в журнальных публикациях охотничьих рассказов, который Тургенев приложил к письму Феоктистова для передачи Кетчеру (не сохранился). См.: *Т. Письма (2-е изд.)*, Т. 2. С. 96, 448; *Летопись (1818—1858)*, С. 182.

¹⁴ Из письма Тургенева от 2 апреля 1851 г.: «Я очень рад, что статейка моя о Познякове понравилась в Москве (здесь она прошла незамеченной). Цензура ее сильно изуродовала — а в иных местах опечатки страшные... В одном месте пропущена целая строка и т. д.» (*Т. Письма (2-е изд.)*, Т. 2. С. 96). По мнению Л. Н. Назаровой, текст этой статьи в доцензурном виде не может быть восстановлен, так как автограф не сохранился (там же. С. 449).

¹⁵ Учено-литературный альманах «Комета», изданный Николаем Щепкиным (М., 1851). В нем, за подписью «И. Тургенев»: «Разговор на большой дороге. Сцена. (Посвящено П. М. Садовскому)». Здесь же: *Евгения Тур.* Первое апреля. Сцены из светской жизни; *ее же:* Антонина. Эпизод из романа; *Афанасьев А. Н.* Ведун и ведьма; *Щепкин М. С.* Два отрывка из записок артиста; *Грановский Т. Н.* Песни Эдды о Нибелунгах. (Посвящено гр. Е. В. Сальяс); *Соловьев С. М.* О торговых княжеских отношениях у западных славян; *Островский А. Н.* Неожиданный случай (Драматический этюд); *Забелин И. Е.* Сыскные дела о воровежо и колдуньях при царе Михаиле Федоровиче; *Станкевич А. В.* Идеалист. (Посвящается Николаю Григорьевичу

Фролову). Сообщение о продаже альманаха появилось 3 апреля 1851 г. (см.: Московские ведомости. 1851. 3 апр., № 40).

¹⁶ Речь идет о первом сборнике предпринятой П. М. Леонтьевым серии из пяти книг, посвященной классической древности: Пропилеи. Сб. статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. М.: В университетской типографии, 1851. Кн. I; последняя книга вышла в 1856 г. Цель издания сформулирована в предварающей статье: «Наши „Пропилеи“ должны вводить в храм классической, т. е. греческой и римской древности, в тот изящный и стройный мир, в котором человек впервые начинает жить по-человечески и наслаждаться жизнью, в котором впервые начинало являться миросозерцание собственно-человеческое и являлось со всею обаятельною свежестью первой цветущей молодости. В эту многозначительную и вечно привлекательную область „Пропилеи“ должны вводить по пути широкому и легкому...» (Там же. С. 34). Далее см. 4-е примечание к письму от 30 марта 1851 г.

¹⁷ В мартовском номере «Москвитянина» за 1851 г. в разд. «Критика и библиография», рассматривая второй (февр.) номер «Современника», А. Григорьев писал о помещенных на его страницах рассказах Тургенева: «Сказать, что ожидания наши были совершенно обмануты — было бы слишком сильно, — но зато, должно сознаться, что они были удовлетворены менее, чем вполнину — одним словом, так же мало, как и тогда, когда мы читали „Певцов“ и „Свидание“. Не доверяя первому впечатлению и боясь быть несправедливыми в отношении к такому истинному и блестящему дарованию, каково дарование г. Тургенева, — мы перечли вторично „Бежин луг“ (так называется новый рассказ охотника) и вторично остались также мало удовлетворены. <...> /Такою же живописью — изящною, добросовестною, тонкою — начинается и „Бежин луг“, и между тем — в целом, эта живопись, не давая на себе сосредоточиться взгляду, не представляя ему, так сказать, никаких точек отдохновения, разливаясь в утонченных чертах — утомляет вас. Разберите картину по чертам, по оттенкам, все будет в ней изящно и верно действительности <...>, но странно как-то, что все эти черты сливаются во что-то неопределенно-пестрое, — странно, что, несмотря на всю свою верность природе, живопись поражает вас довольно неприятно изысканностью, отсутствием того непосредственного наития, которое одним взмахом кисти творит целый, полный образ <...> дело в том только, что черты самые верные становятся у него иногда изысканными, что сравнения самые меткие кажутся вычурными. <...> По нашему мнению, два недостатка вредят в особенности новому произведению г. Тургенева: во-первых, — ложное идеализирование характеров, — в особенности характера Павлуши, с его ничем необъясненными скептицизмом и фатализмом, — во-вторых, — разорванность впечатления. Все как будто двоится в „Бежине луге“» (С. 279—283).

¹⁸ А. Григорьев, анализируя природу двойственного («разорванного») впечатления, которое, по его мнению, возбуждает «Бежин луг», писал, в частности, о характере фантастического в этом рассказе: «Иногда как будто кажется, что автору хочется держать нас под обаянием фантастического — но едва лишь он успел сам поддаться этому обаянию и ввести нас в очарованный круг, — неуместное дидактическое толкование тотчас разрушает впечатление — и тщетно усиливается он потом связать им самим порванную нить. Одним словом — искусственное вредит здесь на каждом шагу непосредственному, холодное рассуждение убивает поэзию. /С фантастическим вообще мудрено ладить, но во всяком случае, лучше вовсе не приступаться к нему, нежели приступаться с заднею мыслию — иначе как раз выйдет или сухая аллегория или дидактическое резонерство. В пример истинно художественного такта в обращении с сказочным и с суевериями — мы укажем на „Сон Обломова“ г. Гончарова, который с спокойствием мастера и с любовью артиста развертывает длинную вереницу сказочных преданий, не мудрствуя лукаво, не толкуя их явлениями природы, а придавая им только разумный смысл намеками на их нравственное влияние. Пример другого способа употребления фантастического элемента — в балладе Гете — у которого в „Рыбаке“, в „Лесном царе“ сквозит некоторая ирония, не имеющая в себе ничего сухого и дидактического — ирония, скорее содействующая впечатлению, чем нарушающая его: Mein Sohn, mein Sohn — ich seh' es genau, / Es scheinen die alten Weiden so grau, — говорит отец в успокоенно дрожавшем от страха ребенка, но вы не имеете ни малейшего повода подозревать в этих словах толкование видений мальчика» (Москвитянин. 1851. № 3. С. 283).

30 марта (11 апреля)—31 марта (12 апреля) 1851 г. Москва

Москва. 30 марта. 51.

Время теперь так прекрасно, и я, несмотря на приближение к экзамену, чувствую себя в таком превосходном расположении духа, что намереваюсь еще поговорить с Вами, почтеннейший Иван Сергеевич, об том, как мы здесь живем и что творим. Знаете ли, отчего мне теперь так приятно? У меня всегда как-то лучше становится на душе, когда я прочту умную и дельную статью или книгу, — а я сейчас прочел в каком-то старом № «Отчужденных» Записок» критику на перевод «Фауста» — Вронченко.¹ Говорили мне, что статья эта принадлежит Вам; статья прекрасная. Я все еще не могу надивиться разнообразию Вашего таланта, о чем, впрочем, уже давно и много говорил Белинский. Повести, комедии, критики — все у Вас выходит хорошо. Кстати, поговорим уже теперь об Ваших последних «рассказах охотника». «Касьян» всем понравился, «Бежин луг» тоже, хотя менее «Касьяна», — но сказать ли Вам общий голос об нем в известных московских кружках? Все говорят: «довольно». Рассказы очень хороши, последний всем ужасно понравился, но все находят, что Вы уже слишком часто выпускаете их и что пора бы Вам переменить род. По правде Вам сказать, я сам не очень стою против этого мнения, потому что мне ужасно хочется прочесть какую-нибудь большую повесть, написанную Вами. Мне чувствуется, я уверен, — что, кроме этих отрывочных, хотя и превосходных рассказов, Вы можете сделать что-нибудь прекрасное, цельное,* Вы понимаете, в каком смысле употребляю я последнее слово.² В бытность свою в Москве Вы рассказывали столько отличных планов, идей для романа и для повести, что напрасно Вы держите их так долго в голове. Впрочем, и Вы сами имели, кажется, мысль оставить на время «рассказы».³

Все это время я очень много читал по вечерам, и занимался к экзамену — днем. Прочел я «Пропилеи». Есть там великолепная статья Каткова об греческой философии до Сократа, — есть статья Кудрявцева об Тацитовских женщинах, — которую можно прочесть с великим удовольствием. Станный человек Кудрявцев! — можно ли писать таким варварским языком диссертации тогда, как он владеет им превосходно. Прочтите, например, его статью в «Пропилеях». Кроме мастерского изображения описываемых им женщин (Агриппина и Мессалина) — и отчасти римского общества, — посмотрите на язык. По-моему, язык, как переводный — достоин Тацита. Какая сжатость, какое искусство сказать все, что нужно, не сказав ничего лишнего... Но вместе с этими статьями Вы прочтете ряд убийственных статей Леонтьева об греческом искусстве, из которых можно только выучиться ненавидеть это искусство всеми си-

* После: что-нибудь прекрасное, цельное — было: то есть я думаю, что

лами своей души! Вот гениальная-то бездарность в связи с европейскою ученостью!⁴

Поговорим об Вашем друге и о моем приятеле В. П. Боткине. Известно Вам, что этот господин, кажется, уже с давнего времени отказался от убеждений и прежнего образа мыслей в пользу какого-то мнимого сибаритства и утонченнейших манер французского маркиза XVIII столетия. Я уже давно убедился, что сибаритом он никогда не был, оставалось за ним только утонченное обращение. Недавно он выказал его в полном блеске. У Гран<овского> был вечер. Графиня завела разговор с Соловьевым,⁵ Забелиным⁶ и другими господами, вовсе ей незнакомыми. Говорили об Франции. Передавать Вам разговор было бы слишком долго, да и не в нем дело. Графиня между прочим сказала, что во Фр<анции> она видала все слои общества. Боткин возразил ей, что она не видала некоторые общества и не могла их видеть. Графиня поддерживала свое мнение, тогда Боткин делал ей возражения самым неприличным образом. Графиня говорит наконец: «Mais comment donc, Mr Botkine, vous me donnez un démenti en face?»⁷ Боткин отвечает ей: ну, да, я повторяю Вам, что Вы не видали, потому что не могли видеть, — и тысячу самых грубых возражений в том же роде. Положение графини тем более было неприятно, что она находилась в обществе ей вовсе незнакомом. Разумеется, она с Боткиным теперь очень холодна и почти не говорит. Но Ботк<ин> даже не почел за нужное попросить у нее на другой день извинения. Вот Вам французский маркиз. — Кстати, еще до этого случая я обедал у него, и он мне сказал, что он потому к Вам не пишет, что при отъезде Вы были с ним как-то холодной и переменили обращение. — Но, пожалуйста, чтоб это осталось entre nous.⁶

М. С. Щепкин спрашивал, умерли ли Вы или влюбились, — потому что, по Вашим словам, только это могло бы Вам помешать написать комедию. Я отвечал, что, кажется, влюбились. Ну, а что, поразило Вас известие о приближающемся браке m^{lle} Бодиско с Станкевичем?⁷ — Приезжайте на свадьбу — говорят, Вас будет звать Бодиско к себе шафером.

Нынче у графини вечер по тому случаю, что Щепкин будет читать у нее Вашего «Нахлебника».⁸ Я оставляю письмо здесь, и завтра пропишу Вам, какое действие произвело это чтение на публику.

Утро. Публика была вчера чрезмерно довольна чтением Вашей пиесы. Я в первый раз слышал, как Щепкин читает ее, и признаться Вам откровенно — чтением Щ<епкина> я был недоволен. Эдак и мы прочтем. — Вчера был и Боткин. Вообразите — я проговорился, что пишу к Вам, а он просил, чтобы я дал ему мое письмо для приписки, — письмо, в котором я его так браню. И потому я просил его приписать на другом листке, под каким-то выдуманым предлогом.

⁴ «Как же так, г-н Боткин, Вы меня в лицо уличаете во лжи?» (франц.).

⁶ между нами (франц.).

Более сказать Вам нечего — тем более, что нынче утром графиня встала в таком приятном юморе, что я не знаю, что и делать. Напишите мне, Иван Сергеевич. Я жду Вашего письма. Прощайте, будьте здоровы, веселы и пишите больше. Отчего Вы никогда мне не напишете, когда Вы наконец будете в Москву?

Любящий Вас Е. Феокистов.

¹ Тургенев дважды выступал на страницах «Отечественных записок» по поводу перевода М. Вронченко трагедии Гете «Фауст». Первая его заметка, оповещающая о выходе в свет «Фауста» в переводе Вронченко, появилась в 1845 г. в «Отечественных записках» (№ 1, отд. VI) и носила информационный характер (см.: «Фауст, трагедия, соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко. 1844. В привилегированной типографии Фишера. Санкт-Петербург. <...>»). Н. Л. Бродский, атрибутировавший заметку, пришел к выводу, что она — своего рода план будущей статьи Тургенева о том же переводе Вронченко трагедии Гете (*Т. Сочинения* (2-е изд.). Т. 1. С. 494). Эта статья-рецензия (см.: «Фауст, траг. Соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко. 1844. Санкт-Петербург») также была напечатана в «Отечественных записках» в 1845 г., в отд. V второго номера (без подписи). В составе этого же номера — статья В. Белинского «Русская литература в 1844 году» с отзывом о тургеневском «Андре Колосове»: «...рассказ чрезвычайно замечательный по прекрасной мысли; автор обнаружил в нем много ума и таланта, а вместе с тем и показал, что он не хотел сделать и половины того, что бы мог сделать; оттого и вышел хорошенький рассказ там, где было следовало выйти прекрасной повести» (1845. № 1. Отд. V. С. 37; то же: *Белинский*. Т. 8. С. 483). Интерпретацию статьи Тургенева «Фауст, траг. Соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко. 1844. Санкт-Петербург» и библиографическую справку к ней см.: *Т. Сочинения* (2-е изд.). Т. 1. С. 494—497.

² В ответ на эти суждения Феокистова 2 апреля 1851 г. Тургенев писал: «Всё, что Вы мне говорите, умно, мило, справедливо и лестно — даю Вам честное слово, что „Записки охотника“ прекращены навсегда — я намерен долго ничего не печатать и посвятить себя по возможности большому произведению, которое буду писать соп amore и не торопясь — без всяких цензурных *argüere-pensées* — а там что бог даст!» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 96). По мнению А. Мазона, в этих строках Тургенева — намек на роман «Два поколения» (*Мазон А. Работа И. С. Тургенева над романом «Два поколения» // Из Парижского архива И. С. Тургенева. Кн. 1. Неизвестные произведения И. С. Тургенева. М., 1964. С. 41—42* (Лит. наследство; Т. 73, кн. 1)).

³ Рассказы эти, как видно, восходят к беседам Тургенева и Феокистова на Остоженке (*Феокистов*. С. 12). См. вводную статью к публикации.

⁴ М. Н. Каткову в первой книге «Прописев» принадлежит статья «Очерки древнейшего периода греческой философии» (Отд. I). Продолжение ее — в кн. 3; Кудрявцеву — «Римские женщины по Тациту. Агриппина Старшая и Мессалина» (Отд. I). Последующие его статьи на эту тему — в кн. 2, 3, 5. Язык статьи Кудрявцева сравнивается Феокистовым с его диссертацией «Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. Обзорение Остготого-Лангобардского периода итальянской истории» (защита в Московском университете 21 декабря 1850 г. с участием Грановского, Соловьева, Вернадского, Шевырева; см. о диспуте: *Москвитянин*. 1851. № 1, кн. 1. С. 58—59; отд. изд. диссертационного сочинения: М., 1850; рец.: *Отечественные записки*. 1852. № 2. Отд. 5. С. 85—99). Позже Феокистов вспоминал диссертацию Кудрявцева также с мягким юмором (см. его письмо от 7—8 марта 1852 г.); П. М. Леонтьев поместил в «Прописях» статьи — «О различии стилей в греческом ваянии», «Эгинские мраморы мюнхенской Глиптотеки» (обе — в Отд. 1), «О новой теории греческой архитектуры», «Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря (статья первая)» (обе — в Отд. 2).

⁵ *Соловьев Сергей Михайлович* (1820—1879) — историк. По возвращении из-за границы (1844 г.), где слушал лекции Ф. Гизо и Ж. Мишле, К. Риттера и Л. Ранке, Ф. Шлоссера и др., в июне 1847 г. защитил докторскую диссертацию и в звании профессора (с 1850 г.) продолжал после Погодина чтение курса русской истории в

Московском университете. «Общая надежда тогда обратилась на Соловьева, — вспоминал Бестужев-Рюмин, — <...> я помню, с какою жадностью читал я тогда его диссертацию и каким неожиданным светом обилились для меня события древней русской истории» (*Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики*. С. 261). Гораздо сдержаннее Бестужев-Рюмин оценивал прослушанный им и его однокашниками в 1848—1849 гг. курс начинающего преподавателя: «В наше время лекции его не были те блестящие очерки общего хода, которые слушали последующие поколения <...>; наши лекции состояли из краткого фактического очерка, прототипа его учебной книги, с прибавкою нескольких лекций историографии. После лекций Кавелина тогдашние лекции Соловьева производили мало действия, и уважая его знания, мы, хотя и знакомы были с его диссертациями, мало ценили его талант; блестящие страницы публичных чтений о Петре, даже лекций о развитии власти в России (точного заглавия не помню), читанные в 1851 году, еще были впереди» (*Бестужев-Рюмин*. С. 24). Более полную характеристику Соловьеву как ученому и лектору он дал в лекции, прочитанной 3-го ноября 1879 г. в Санкт-Петербургском университете (см.: *Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики*. С. 255—272). 17 сентября 1851 г. из Выскусы Феоктистов (со слов Грановского) сообщил Тургеневу о выходе в свет первого тома «Истории России с древнейших времен» Соловьева (29 томов, 1851—1879), см. 5-е примечание к этому письму. О реакции Тургенева на первые тома истории Соловьева см. по *Летописи (1818—1858)*.

⁶ *Забелин Иван Егорович (1820—1908)* — историк, археолог. К моменту воспроизведенной в письме ситуации, то есть к весне 1851 г., имея за спиной лишь пять классов сиротского училища, занимал скромное место помощника архивариуса в Московской дворцовой конторе. У себя на дому Грановский читал Забелину и еще нескольким слушателям, курс истории (см.: *Чичерин*. С. 133, там же общая характеристика личности Забелина, с. 133—134) Однако уже в эту пору основанные на уникальных архивных разсылках печатные выступления Забелина о русском быте и истории Москвы (к концу 1840-х годов в возрасте 30 лет он имел около 40 публикаций) принесли ему известность в ученых кругах. С 1851 г. в «Отечественных записках» (в № 1, 2, 3 и 9. Отд. II. Науки и искусства) начинается серия его статей — «Домашний быт русских царей прежнего времени». Продолжение — в 1852 и 1853 гг., в первых номерах этого же журнала. Опубликованные статьи составили книгу: *Домашний быт русских царей в XVI—XVII ст.* (М., 1862—1869. Т. 1—2). Тургенев, как видно, рано обратил внимание на труды Забелина (в первом, январском, номере «Отечественных записок» вместе со статьей Забелина появилась его «Провинциалка», их сочинения одновременно публикуются в альманахе «Комета» (см. 15-е примечание к письму Феоктистова от 17—18 марта 1851 г.). Позже Тургенев предложил Забелину денежную помощь для издания его книги (см.: *Ближневская М. Я.* К истории отношений Тургенева с И. Е. Забелиным // *Тургеневский сборник*. М.; Л., 1964. Вып. 1. С. 278—281; *Назарова Л. Н.* И. Е. Забелин // Там же. С. 379—382; *Летопись (1818—1858)*, по указ.).

⁷ Еще раньше Е. В. Салиас с иронией сообщил Тургеневу новость: «...вчера Станкевич сделал предложение Елене Констан<тиновне> Бодиско касательно брака и предложение его было принято. — Erudimini...» (Прозветите... (лат.); письмо датируется по содержанию второй половиной марта 1851 г.; РО ИРЛИ, № 5850, л. 8 об.). *Бодиско Елена Константиновна* — двоюродная сестра Грановского. О браке ее с А. В. Станкевичем рассказала А. В. Щепкина (урожд. Станкевич) в своих воспоминаниях: «В 1851-м году Т. Н. Грановский оживился вдруг и повеселел, когда в Москву приехали его двоюродные сестры, близкие ему в юности. Постоянно жили они в Черниговской губернии и пожелали провести эту зиму в Москве. / Старшая из них, Анна Евгеньевна Дараган, была вдова с дочерью лет одиннадцати; другая кузина Т. Н., Елена Константиновна Бодиско, и прежде посещала Москву, виделась с Грановскими; вместе с Ан. Евг. Дараган проводила она зиму эту в Москве. С ней был Грановский более близок, встречи с нею всегда радовали Грановских. Когда обе кузины Грановского проводили зиму в Москве несколько лет сряду, для Т. Н. было это истинным утешением. Особенно ценил он Е. К. Бодиско. С ней был он общителен, ей высказывал он все, что его волновало, и находил облегчение в ее сочувствии. В одном из его писем он говорит о своем отношении к ней: „Я люблю тебя последними силами души моей“ <точный текст: „Протыяни мне издали руку и верь, что я люблю тебя последними силами моей души“». См.: Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 297. — Э. Г.». Так близка была она ему. У Грановских встречалась Е. К. Бодиско с братом моим.

Ал. Влад. Станкевичем; в 1852 году состоялось ее замужество с ним. Т. Н. радовало их соединение» (Воспоминания Александры Владимировны Щепкиной. Сергиев Посад, 1915. С. 182—183). О семье Станкевичей см.: *Чичерин*. С. 140—141. В письме к Феоктистову от 2 апреля Тургенев ответил на сообщение о предстоящем браке-сочетании: «Я до того желаю себе зла, что, право, с удовольствием женился бы сам на отвратительной Бодиске» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 97).

⁸ Первая редакция «Нахлебника», написанная в 1848 г., как известно, должна была войти в третий номер «Отечественных записок» 1849 г., но 22 февраля 1849 г. была запрещена решением С.-Петербургского цензурного комитета. Неудачно складывалась и сценическая судьба комедии. Предназначая ее для бенефиса Щепкина (31 января 1849 г.), Тургенев обратился к А. А. Краевскому с просьбой напечатать ее с посвящением актеру. Однако театральная цензура задержала комедию. 10 сентября 1849 г. III Отделение утвердило рапорт театрального цензора о запрещении «Нахлебника» как произведения «равно оскорбляющего и нравственность и дворянское сословие» (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 2. С. 592—593). Комедия, однако, распространялась в списках и читалась М. С. Щепкиным на литературных вечерах (см.: там же).

6

11 (23) июня 1851 г. Выкса

Выкса. 11 июня.

Несмотря на предрекания Ваши, любезнейший мой Иван Сергеевич, я кончил* курс кандидатом.¹ Надо теперь признаться, что в начале экзамена я немного потерялся, бросился в поток, очертя голову, и уж, право, не знаю, как вынес он меня на берег. Но как бы то ни было — дело сделано, и я спокоен.

Я хотел Вам еще написать из Москвы, но экзамены, потом отъезд в деревню решительно не давали мне минуты свободной, а, между прочим,** мне нужно было писать к Вам и очень серьезно. Вот в чем дело: Вы знаете, как я смотрел на историю Боткина с Елис<аветой> Алек<сеевной>.² В моих глазах это было нечто иное, как пустая интрига, или, пожалуй, счастливая удача с его стороны — и не более. Но теперь вся эта история принимает в моих глазах другой характер; она, вероятно, примет его и в Ваших глазах, если Вы захотите взглянуть на дело без предубеждений и пристрастия. Вот в чем дело: Боткин, приехавши в Москву,³ спрашивал меня, не рассказывали ли Вы мне какой-нибудь истории на его счет, и на мой отрицательный ответ сам вызвался рассказать мне эту историю, то есть, как я и ожидал, его отношения к Елис<авете> Алек<сеевне>.⁴ Вот Вам его подробный рассказ: вначале замечу только Вам, что я решительно не верил своим глазам, чтобы Боткин мог быть так чувствителен. У него были слезы на глазах и голос его дрожал при этом рассказе. Это не преувеличение. Он начал с того, что отношения его к Ел<исавете> Ал<ексеевне> были чрезвычайно серьезны, что он любил ее, как только можно любить ему. Познакомился он с нею через Вас и потом часто видался с нею в маскарадах, где однако не мог довольно

* *Вместо:* я кончил — *было:* я вышел

** *После:* между прочим, — *начато:* дело

свободно разговаривать с нею по той причине, что существо, имеющее Анною Яковлевною,⁵ воспыало к нему страстию и решительно не давало ему проходу. Наконец страсть этой почтенной дамы дошла до такой степени, что он просто не знал, куда деваться от нее. — Несколько раз давала она заметить Ел<исавете> Ал<ексеевне>, что она равнодушна к Боткину, и только под конец зимы начала замечать, что Вас<илий> Петр<ович> и не думает обращать на нее внимания, и что он более занят Ел<исаветой> Алексеевною. С этой минуты начались подозрения. Наконец Боткин как-то раз посылает письмо на квартиру Ел<исаветы> Ал<ексеевны>, и вдруг это письмо, доселе неизъяснимым образом, попадает в руки Анны Яков<левны>, и эта подлая тварь распечатывает его. Это бы еще ничего. Тут только вышла наружу холопская кровь, которую не так-то легко победить. Анна Яков<левна> на этом не останавливается. Вы мне сами рассказывали, какво произведение отец Ел<исаветы> Ал<ексеевны>,⁶ — что же? Анна Яков<левна>, сама ли или, кажется, чрез Петра Алекс<еевича> или Николаевича (не знаю хорошенько имени, но умственные способности которого нетрудно было мне постичь и после одного разговора с ним) — Анна Яковлевна дает знать об этой истории ее отцу, отсюда родственникам и т. д.⁷ — По всему предполагать должно, что положение Ел<исаветы Ал<ексеевны> тут было ужасно. Я это заключаю из Ваших же слов об характере барыни Ел<исаветы Ал<ексеевны>. Вероятно, бешеный и почти сумасшедший старик не расцеловал же дочку за подобную историю. Вот как было дело! Что же Вы скажете на это, Иван Сергеевич? Вы мне говорили, что Ел<исавета> Ал<ексеевна> женщина чуть не распутная. На это — есть два возражения: 1-е) Сами Вы с нею не жили много, знаете ее мало, следов<ательно>, об поведении ее Вы мало знаете сами, а, вероятно, слышали от кого-нибудь. От кого же? Кажется, не от кого, кроме тех же благородных лиц, которые распечатывают чужие письма и рассказывают их содержание родным Ел<исаветы> Ал<ексеевны>. Но после такого поступка мне кажется, что этим лицам можно только наплевать в харю, но отношений другого рода с ними иметь нельзя, а тем более верить им в чем-нибудь. 2-е) Возражение такого рода, — положение, что Ел<исавета> Ал<ексеевна> женщина так называемая безнравственная. Но что же это доказывает? Разве это дает кому-нибудь право следить за ее нравственностью, за нравственностью замужней женщины, совершенно независимой ни от кого. — И еще кто же следит-то! Анна Яковлевна! В Москве я Вам говорил только, что редко видывал рожу столько поганую и безнравственную. Теперь мои предположения оправдываются. —

Боткин говорит, что между ним и Ел<исаветой> Ал<ексеевной> все кончено теперь, но ему больно, что она, может быть, терпит за него теперь разного рода неприятности, и вот поэтому-то я пишу к Вам.⁸ Я знаю, что Вы человек отлично* благородный, и поэтому, вероятно, если можете заступиться за нее, заступитесь,

* *Вместо: отлично — было: очень*

узнавши дело в его настоящем виде. Если б я не знал Вашего благородства, я бы и не писал к Вам, но я в нем уверен* теперь, как и всегда, знаю только, что от Вас при рассказе половину дела скрыли и представили его в ложном виде. Следовательно, я не сомневаюсь, что Вы сделаете со своей стороны все, что можете. —

Графиня здорова и весела. Мы только 2 дня на Выксе.⁹ В Москве познакомился с Панаевым. Он добрый и хороший человек. Мне он сделал несколько предложений касательно «Соврем<енника>», которые я надеюсь исполнить по приезду в Москву.¹⁰ У меня тут, на Выксе, столько занятий, что и в городе не было никогда такого количества. Собираем народ на Выксе, на днях должен приехать сюда Кудряв<цев> с женою.¹¹ Вообще, кажется, время будет можно провести весело. Извините, что так дурно пишу. Перо скверное и к тому же должен спешить, потому что нынче почта. Прощайте, крепко жму Вам руку. Что Ваша охота? А я еще здесь не охотился. Пишите ко мне поскорее. Вот адрес мой: *Владимир<ская> губер<ния>, город Муром, на Выксунские заводы г. Шепелевых, на мое имя.* А главное пишите, что Вы делаете, и пишете ли что-нибудь. Прощайте.

Весь Ваш

Е. Феокистов.

Год Феокистовым не указан. На колонтитуле рукой неизвестного лица карандашная запись: 1851. Датировка уточняется по содержанию письма (Феокистов кончил университет в 1851 г.), а также по соответствию письмам В. П. Боткина к Тургеневу с тем же сюжетом (от 15 мая, 6 июня 1851 г., см.: *Боткин и Тургенев.* С. 5—8). На публикуемое письмо Феокистов получил от Тургенева возмущенный ответ (датирован его комментариями второй половиной июня ст. ст. 1851 г.), впервые напечатанный (не полностью, без окончания) в книге воспоминаний Феокистова (см.: *Феокистов.* С. 16; *Т. Письма (2-е изд.).* Т. 2. С. 104).

¹ «Наступила весна, а с нею и последние экзамены, — вспоминал однокурник Феокистова по юридическому факультету. — И в прежние годы мы с Феокистовым не имели всех лекций <...>, и нам пришлось доставать у товарищей. Экзамены сошли благополучно: мы оба вышли кандидатами» (*Бестужев-Рюмин.* С. 33).

² *Хрущева (Хруцова, урожд. Тургенева) Елизавета Алексеевна (1830—1852)* — двоюродная сестра Тургенева, дочь Алексея Николаевича Тургенева, родного брата отца Ивана Сергеевича. По свидетельству Феокистова, «очень молодая и чрезвычайно красивая особа». «От Ивана Сергеевича я узнал ее печальную судьбу, — вспоминал он позже. — Против воли вышла она замуж за человека ничтожного, да еще одержимого тяжкою болезнью, которая довела его до сумасшествия. Жила она с ним не более двух лет, а затем несчастного посадили в дом умалишенных» (*Феокистов.* С. 13—14). Историю отношений Елизаветы Алексеевны с Боткиным в определенной мере проясняет его переписка этой поры. 15 мая 1851 г. Боткин писал Тургеневу: «Да, я люблю ее и смотрю на мои к ней отношения, как на самые важные в моей жизни. Каких бы ты ни был мнений о моей способности любить. — мне до них нет дела, — но вправе ли ты судить эту женщину за то, что она полюбила меня, <...> Повторяю, я люблю ее — и с радостью готов для нее на все жертвования, какие только зависят от меня, — но не в этом теперь дело. — я обращаюсь к тебе, как к человеку — не прибавляя яду в ее положение и без того ужасное, скажи ей хоть одно слово участия, пойми ее состояние. <...> Если бы ты был совершенно посторонним в этом деле, — я уверен, ты кратко и снисходительно судил бы ее, но теперь ты смотришь на нее глазами других — и подобные просе-

* *После:* я в нем уверен — слово зачеркнуто.

dés — как перехватывать адресованные к ней письма, — позорить женщину, обнаруживая ее привязанность, которая без этого оставалась бы тайною, — тебя не возмущает — и тебе ни разу не придет сомнение — что должна быть какая-нибудь скрытая причина такой ожесточенной ненависти?» (*Боткин и Тургенев*. С. 5—7). 25 июля 1852 г., получив известие о смерти Хрущевой, он сообщал Тургеневу: «... меня не было в Москве — я был за 90 верст на одном заводе и провел там недели две. На меня тяжело действовала смерть Елизаветы Алексеевны. Относительно мужа ее разумеется будут стараться сделать не в ущерб ее братьев» (там же. С. 32). Спустя полгода, когда душевная боль поутихла, Боткин посмотрел на разыгравшуюся драму трезвее: «Вот и Елизавета Алексеевна умерла — и знаешь ли, хорошо сделала она, что умерла! Зная ее, — я видел только одно дурное в ее будущности; крайняя легкость ее сделала бы наконец из нее бог знает что. Последние четыре месяца я чувствовал к ней одно дружеское расположение и между нами ничего уже не было и скажу откровенно, утомили и изменили меня наши отношения, так что если б теперь с кем-нибудь из подобных ей встретилась возможность завести такие же, — я убежал бы без оглядки. Вообще, употребляя твое выражение „вздаться“ друг в друга и принимать на себя ответственность за судьбу женщины — помилуй бог! Меня, по крайней мере, мучает это так, что делаюсь решительно несчастнейшим человеком. О причинах болезни ее скажу теперь пока только то, что они помешали мне даже жалеть о смерти ее: их узнал я недели через две после ее смерти от горничной ее. Но до того времени мне было очень тяжело, так тяжело, что я не мог оставаться в Москве и уехал за 90 верст. На днях слышал я, что Хрушов уже окончательно помешался и отправлен в сумасшедший дом.<...> Вот, брат, как печально кончилась судьба этой женщины, такой молодой и такой красивой! Беда была в том, что она и снаружи и внутри была создана гетерой, а ее обстоятельства поставили в семейную и скромную жизнь: в этой борьбе природы с обстоятельствами и погибла она. Как все сильно чувственные женщины, она была крайне безалаберна... Ну да будет об этом...» (там же. С. 33—34). Прочитывая фрагмент из этого письма, Феоктистов завершил «тургеневскую» главу своих мемуаров: «В этих словах вполне выразилась натура Боткина, натура дряблого эгоиста и сластолюбца, который всегда хотел только наслаждаться и с ужасом отгонял от себя мысль о каких-либо нравственных обязательствах» (*Феоктистов*. С. 35). Убежденность Феоктистова в виновности Боткина в разыгравшейся драме крепла и усугубляла резкость оценок, которые он давал Боткину в письмах, например, к Тургеневу от 17 сентября 1851 г. См. также примечание Н. В. Измайлова к письму Тургенева Феоктистову (вторая половина июня ст. ст. 1851 г., у Измайлова дата: *Лето 1851 г.*): *Тургенев и круг Современника*. С. 147—148.

³ Феоктистов пишет о возвращении Боткина из Петербурга. В книге воспоминаний об этой поездке сказано: «Весной он почти одновременно с Тургеневым отправился в Петербург, откуда Иван Сергеевич ранее его прибыл в Москву проездом в свою деревню» (*Феоктистов*. С. 14). Действительно, в письме от 2 апреля 1851 г. Тургенев сообщал Феоктистову, что «...с Боткиным мы, вероятно, разъедемся — я буду в Москве около 15-го...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 96). В середине апреля или в мае 1851 г. Тургенев из Петербурга выехал в Спасское и по дороге заехал в Москву, где остановился в доме на Остоженке, что удостоверяется воспоминаниями К. Леонтьева «Тургенев в Москве. 1851—1861 гг. (Из моих воспоминаний)» (*Летопись (1818—1858)*. С. 185). В эти дни, как видно, произошло объяснение Тургенева с Феоктистовым (см.: *Феоктистов*. С. 14—15).

⁴ Рассказ Боткина об его отношениях с Елизаветой Алексеевной, по возвращении его из Петербурга весной 1851 г., изложен в книге воспоминаний Феоктистова. Однако он несколько отличается от комментируемого письма: в нем нет такого мотива, как влюбленность Анны Яковлевны Шварц в Боткина (ср.: *Феоктистов*. С. 15). Далее см. письмо Феоктистова к Тургеневу от 29 июня 1851 г. и примечания к нему.

⁵ *Тургенева (урожд. Шварц) Анна Яковлевна* (ум. 1872) — рижская немка, жена Николая Сергеевича Тургенева (1816—1879), старшего брата И. С. Тургенева. До замужества, которому противилась Варвара Петровна Тургенева, жила в ее доме и исполняла при ней обязанности камеристки. Осман в примечаниях к тургеневской главе воспоминаний Феоктистова (с. 38) привел строки из письма А. И. Герцена от 3—4 сентября 1858 г. к своему сыну: «Ник<олай> Сер<геевич> Тургенев — человек пустой, а жена его — мерзавка: ее люди хотели убить за злое обращение. Потому их знакомство отклони и всякий раз брани при ней злодеев-помещиков» (*Герцен А. И.* Полн. собр. соч. М., 1962. Т. 26. С. 203).

⁶ Отец Е. А. Хрушевой — Алексей Николаевич Тургенев (1792—?) — дядя Ивана Сергеевича. Алексею Николаевичу принадлежало село Большой Суходол Богородицкого уезда Тульской губернии. О нем и его семье: *Алексина Р. М.* Тургеневские материалы в архиве Тульской области // *Русская литература*. 1972. № 3. С. 99—100. О болезни Алексея Николаевича и его сына см. 5-е примечание к письму Феокистова от 29 июня 1851 г.

В ответном письме Тургенев дал объяснение этому факту: «...письмо, которое было перехвачено, по словам Боткина, „совершенно необъяснимым образом“, было представлено горничною Елисаветы Алексеевны ее родному брату, Михаилу Алексеевичу, что Михаил Алексеевич (мне нечего вам говорить, что я этого не оправдываю) предъявил его, в свою очередь, дяде Петру Николаевичу, как старшему в семействе...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 104). О родном брате Хрушевой, Михаиле Алексеевиче Тургеневе, прототипе Миши Полтева, героя тургеневского рассказа «Отчаянный» (1882 г.), см.: *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 10. С. 404, 406—407, также 5-е примечание к письму Феокистова от 29 июня 1851 г. *Тургенев Петр Николаевич (1804—1865)* — дядя Тургенева, один из братьев его отца (о нем — в указ. публикации Алексиной. С. 99—100).

⁸ Несколько раньше, 15 мая 1851 г., Боткин писал Тургеневу из Петербурга: «...думай обо мне, как хочешь, — это наши личные счета, — но относительно ее — ты обязан быть беспристрастным и добрым человеком, — а не судьей <...>. Да, ты обязан показать к ней только участие — а если не найдешь его в твоём сердце, — оно должно найтись в твоём уме. <...> Подумай, что эта женщина беззащитна, что она одна, что у ней даже нет никого, с кем бы она могла выплакать свое горе. Я тут ничего не могу, вся моя искренняя привязанность к ней не в состоянии несколько облегчить ее положение — и я обращаюсь к тебе...» (*Боткин и Тургенев*. С. 6—7).

⁹ В летнюю пору семья Е. В. Салиас жила на Выксе, в Муромском уезде (недалеко от г. Муром) Владимирской губернии. Отец ее, Василий Александрович Сухово-Кобылин (1784—1873), женатый на Марии Ивановне Шепелевой (1789—1862), дочери Ивана Дмитриевича Шепелева, ввиду своего расстроенного состояния согласился стать одним из опекунов двоюродных братьев своей жены, владельцев Выксунских чугуноплавильных заводов и имения, — Шепелевых Ивана и Николая Дмитриевичей (об истории и местоположении Выксунских заводов, о Шепелевых и нравах в этом семействе см.: *Евгения Тур.* Профессор П. Н. Кудрявцев // *Полярная звезда*. 1881. Март. С. 20—24; *Феокистов*. С. 365, 404; также: *Атеней*. С. 98—110). Старик взял в свои руки управление заводами, к концу сороковых годов обросших громадными долгами, и с редкой энергией стал поднимать упавшее хозяйство. «Вот к этому-то времени и относятся мои летние посещения Выксы», — вспоминал Феокистов (*Атеней*. С. 105).

¹⁰ Как видно, уже во время этой встречи шла речь о статье Феокистова, посвященной Марии Стюарт (см. 3-е примечание к письму Феокистова Тургеневу от 24 декабря 1851 г.).

¹¹ В ранней главе мемуаров Феокистов писал: «Жилось на Выксе очень приятно» (*Атеней*. С. 106). К этому располагало многое: обаятельный сад, запущенный, но со следами былого благополучия, обширный дом, напоминающий дворец, где в праздничные дни по заведенному издавна порядку продолжал «играть хор» к тому времени уже явно обедневших музыкантов, самодельные спектакли, интересное общество дочерей старика Кобылина (Елизаветы Васильевны, художницы Софьи Васильевны (1825—1865) и Евдокии Васильевны (по мужу Петрово-Соловова, ум. в 1893)), художника Егора Мейера, графини Иды Кутайсовой, княжны Ольги Голицыной и др., университетской молодежи (там же. С. 99, 105—107). Описание барского дома на Выксе, общего уклада жизни см. также в указ. выше воспоминаниях Евг. Тур о П. Н. Кудрявцеве (*Полярная звезда*. 1881. Март. С. 20—24). Бестужев-Рюмин, не раз гостивший на Выксе, рассказывал о времяпровождении семейства Салиас и ее гостей: «Жили они весело: устраивали домашний театр, большие прогулки; раз ездили на лесной пожар более, чем за 20 верст; ехали верхом; поехал и я, но своим неумением ездить я возбуждал шутки молодой графини (после г-жа Гурко) и так устал, что, возвращаясь в сопровождении берейтора, заснул на лошади. Вообще месяц прошел весело. Гостила на Выксе тогда и С. В. Сухово-Кобылина, сестра графини, писавшая хорошие ландшафты...» (*Бестужев-Рюмин*. С. 28). В 1851 г., Бестужев, приехав на Выксу, встретил там Кудрявцева: «Кончив экзамены, я поехал к матушке и оттуда, отправляясь к Чичеринным, заехал на несколько

дней на Выксу к графине Сальяс и прожил там месяц. В то время на Выксе гостил Кудрявцев; оба мы, плохие наездники, ездили верхом вдвоем и здесь беседовали. Вообще месяц прошел незаметно» (там же. С. 36). В письме к Бестужеву-Рюмину от 31 августа 1851 г. Салиас из Выксы сообщила: «13 августа Кудрявцев и Евг<сений> М<ихайлович> уехали в Москву» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 30 об. Письмо в копии).

7

29 июня (11 июля) 1851. Выкса

Выкса. 29 июня.

Будьте уверены, что если я берусь за перо теперь, то вовсе не с целью входить в какие-нибудь длинные диспуты об деле уже решенном. — Я Вас любил от души и главное считал за человека очень умного, — увы! во имя дружбы мне, хотя и горько, но приходится Вам сказать, что в своем письме¹ ко мне Вы поступили дурно, — как приятель, — и нелепо, — как умный человек. Скажите, пожалуйста, куда Вы дели логику, когда писали свое письмо? Я сейчас только получил его и не могу еще хорошенко прийти в себя!* Чтобы ничего не пропустить, буду Вам отвечать по пунктам:

1) Вы спрашиваете меня, кто мне дал право ругать Вашу сестру.² — Дурной ее поступок. Когда женщина таскается постоянно за человеком, он отвергает ее, а она за это мстит другой, более счастливой своей сопернице, — то, извините, я не умею** сдерживать своего чувства при подобных рассказах и называю вещи собственными именами. — Далее, *еще в Москве я говорил Вам*, что лицо сестры Вашего брата мне не нравится, что по лицу она должна быть нехорошая женщина. Вы меня разуверили в этом. Случай, казалось, оправдал мои слова, и мое название «*нехорошей женщины*» — я возвел в превосходную степень. Это могло Вам не нравиться, но что же тут нелогичного и нелепого?

2) Вы говорите, что Вы остались совершенно посторонним человеком в деле Ботк<ина> и Е<лисаветы> А<лексеевны>. — Неужели? Воображение столь блестящее хорошо в повестях, но бесполезно в общении. Нет, Вы не остались посторонним человеком, потому что произносили самые строгие приговоры по этому делу и насчет Боткина, а главное насчет Е<лисаветы> А<лексеевны>.³ — Скажите, пожалуйста, отчего же она не показывалась Вам на глаза?⁴ Вы объясняли мне — это потому, что *она Вас боится*. А почему она Вас боится?

3) Вы объясняете далее, каким образом попало письмо Ел<исаветы> Ал<ексеевны>. — Мне до этого дела нет. Знаю только, что, если бы мне представили подобное письмо, я отказался бы узнать его содержание.

* *После*: прийти в себя — *начато*: Буду <Вам отвечать по пунктам:>

** *Вместо*: я не умею — *было*: может я не умею

4) Вы говорите, что отец Ел<исаветы> А<лексеевны> — *больной и несчастный старик*.⁵ — Право? Должно быть Ваш вид револютирует⁶ его, потому что Вы сами рассказывали, что по делу известной Вам девушки,⁷ когда Вы были у него, то не могли говорить об своем предложении выкупить ее, и, когда спросил я Вас, почему Вы прямо не объявили ему свое желание, то Вы сказали: * *помилуй-те, это сумасшедший человек, он бы бросился бить меня*. По московской логике я заключил из этого, что во всяком случае подобный господин *не несчастный, едва живой старик*. Словам Вашим был свидетелем Бестужев, находившийся в моей комнате.

Вот факты, на которых Вы основали свое письмо, я отвечаю на все. Предоставляю Вам заключить теперь, какова была логика, основанная на подобных фактах письмо, подобное Вашему. Да, забыл, — Вы говорите, что я *«всовываю пальцы между деревом и корой»*, — позвольте Вам представить подобный вопрос: женщина** имеет связь с человеком. Связь эта открывается. Близкий к ней господин начинает мне рассказывать, что эта женщина*** самая распутная и безнравственная, что она берет любовников, где они ей не попадают. Случай открывает мне, кажется, противное, — имею ли я право сказать свое мнение, да или нет? Вот что значит, Иван Сергеевич, быть москвичом-то.⁸ Московская логика заставляла меня сделать это; но я еще молод, вероятно, со временем отучусь от подобных умозаключений.

Теперь результат: повторяю, я Вас любил искренно, — когда попадали на Вас, я защищал Вас жарко против всех. Под влиянием подобных чувств, я слышу, что Вы замешаны в дурной проступок. Мне больно слышать это; я пишу Вам письмо, в котором я излагаю все дело, как оно было, может быть, вдаваясь в некоторую крайность в выражениях, но поступок представлялся в таких черных красках, что невозможно было скрыть своего негодования. И что же? Вы не находите достаточно грубостей, чтобы вылить их на меня за то, что я имел дерзость оскорбиться, когда слышал, что Вы замешаны в дурную историю, и за то, что я придал**** несколько собрикетов⁹ людям, по моему мнению, замешавших Вас в эту историю! Что же мне остается делать? Неужели Вы решитесь оправдать мнение тех, которые признают в Вас мелочное самолюбие? Вы доставили им порядочный аргумент. Больно, больно мне, что Вы сыграли подобную шутку, но, что делать, вероятно, человеку нельзя избавиться***** от своего назначения! Более сказать Вам мне нечего. Выгнать меня из дому Вам, вероятно, не придется, потому что от меня лично Вы не услышите оскорблений: *«сестре Вашего брата»*. — Да благоденствует она и Вы вместе с нею! —

Письмо без подписи. Год не указан. На колонтитуле первого листа рукой неизвестного лица карандашная помета: 1851(?). Датировка уточняется по содержанию

* *Вместо:* то Вы сказали — *было:* то Вы сказали, что:

** *Вместо:* женщина — *было:* девушка. Далее <1 сл. нрзб.>

*** *Вместо:* женщина — *было:* девушка

**** *Вместо:* придал — *было:* сказал

***** *Вместо:* вероятно, человеку нельзя избавиться — *было:* вероятно, нельзя избавиться

(история с Хрущевой разыгралась в 1851 г.), а также по соответствию другим письмам Феокистова и близких ему людей (см. датированные письма В. П. Боткина к Тургеневу от 5 мая и 6 июня 1851 г. с тем же сюжетом: *Боткин и Тургенев*. С. 5—8).

¹ Феокистов имеет в виду написанное в ответ на его письмо от 11 июня 1851 г. возмущенное послание Тургенева (автограф не сохранился, датируется второй половиной июня ст. ст. 1851 г., см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 104). Отрывок из этого письма он ввел в свои воспоминания с характеристикой: «...жалкое послание, в каждой строке коего проглядывала попытка выгородить себя, наговорив мне разных неприятных вещей» (*Феокистов*. С. 16). Далее следуют строки, тесно связанные как с предшествующим письмом Феокистова от 11 июня 1851 г., так и с публикуемым: «Вы обвиняете меня в том, — писал я Тургеневу, — что я вмешиваюсь в чужие дела, но разве когда-нибудь обращался я к вам с расспросами об Елисавете Алексеевне? Разве интересовался я хотя малейшим образом ее судьбой? Разве старался я разузнать, что делается в семье вашего брата? Во все это вы сами посвятили меня. Вся моя вина в том, что я слушал вас, когда вы позорили Елисавету Алексеевну, советовали мне отправиться к ней с 50 рублями в кармане, — слушал и Боткина, когда он доказывал мне, что вы клеветаете на нее; еще я виноват в том, что отнесся к этому не равнодушно, а откровенно высказал вам свое мнение, но вину такого рода я охотно принимаю на себя» (*Феокистов*. С. 16—17).

² Имеется в виду А. Я. Тургенева — невестка И. С. Тургенева. См. 5-е примечание к письму от 11 июня 1851 г.

³ Соответствующие слова Тургенева, обращенные к Феокистову: «...я не намерен вдаваться в объяснения по поводу истории Елисаветы Алексеевны с Боткиным — это значило бы только увеличивать снежный ком — тем более, что я оставался совершенно посторонним человеком в этом деле»; «...собственно, я ни во что не вмешивался и вмешиваться не намерен» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 104). Много позже, в 1887 г., Феокистов так передал суть «приговоров» Тургенева (во время его приезда в Москву весной 1851 г. по дороге в Спасское): «— Знаете ли, какая произошла пасквильная история? — сказал он мне при первом же свидании со мной, — Елисавета Алексеевна ни более ни менее как продана Боткину; моя belle-soeur совершенно случайно нашла к ней его письмо, а уж тут кстати открылось и многое другое; возможно ли было предположить, что эта женщина, такая изящная, такая по-видимому порядочная, просто-напросто торговала собой! Разумеется, Анна Яковлевна не могла допустить подобного разврата в своем доме и без всяких церемоний выгнала ее. / Я не верил своим ушам, слушая этот рассказ, но Тургенев находил в каком-то непривычном ему возбужденном состоянии. / — Ах, боже мой, — говорил он, — вы еще очень молоды и ничего в этом не понимаете; повторяю вам, Елисавета Алексеевна — потаскушка; она и продает-то себя дешево, по мелочам. Вот вам средство убедиться в этом: если у вас найдутся лишние пятьдесят рублей, то смело отправляйтесь к ней; не бойтесь, головой ручаюсь, что вы не разыграете глупой роли» (*Феокистов*. С. 14—15). См. также об этом свидании Тургенева и Феокистова в кн.: *Боткин и Тургенев*. С. 344—345.

⁴ Намек на фразу Тургенева, воспроизведенную Феокистовым в мемуарах: «Узнав о моем приезде сюда, <...> она прислала мне письмо, но я, разумеется, ничего не отвечал, а поручил только на словах передать ей, чтобы она не смела показываться мне на глаза» (*Феокистов*. С. 15).

⁵ Алексей Николаевич Тургенев был болен. Герой тургеневского рассказа «Отчаянный» — Миша Полтев, прототипом которого был его сын Михаил Алексеевич Тургенев (родной брат Хрущевой) — тоже поражен болезнью. «Факт болезни отца Миши Полтева <...>, видимо, соответствует действительной болезни Алексея Николаевича, отца Миши Тургенева, — пишет Алексина. — В. П. Тургенева в письме к сыну сообщает о предполагаемом приезде его дяди с детьми в Спасское и выражает беспокойство: „Ах! Алексей с его болезнью, неприятно мне и боюсь... и для Биби... наказанье Божье, что он все жив“» (*Алексина Р. М. Тургеневские материалы в архиве Тульской области // Русская литература*. 1972. № 3. С. 99—100).

⁶ От *révolter* (*франц.*) — возмущать, раздражать.

⁷ В 1851—1853 г. Тургенев переживал роман с дворовой девушкой Феокисткой Петровной (позже приняла фамилию мужа — Волкова). Сведений о ней мало. К воспоминаниям Н. В. Берга, в которых рассказана ее история, Н. М. Гутьяр призвал относиться с осторожностью, но тем не менее за отсутствием других свидетельств вынужден был принять его версию. В частности, Гутьяр цитирует фрагмент из вос-

поминаний Берга, проясняющий истоки этого романа: на вечерах Петра Николаевича Тургенева «...появлялась временами племянница хозяина, той же фамилии, Елизавета Алексеевна Тургенева, очень миловидная блондинка, лет 15—16, также орловская помещица. Будучи сиротой, она самостоятельно управляла своей небольшой деревенькой, которая была для нее все: и средства к жизни, и костюмы на выезды к дядюшке и куда случится, и приданое. Оттуда же получалась зимою всякая провизия: мука, крупа, свиные туши, мерзлые индейки, гуси, утки, куры... а равно и необходимая в доме прислуга. В числе последней находилась и дворовая девушка Феоктиста, которую, по тогдашним обычаям, никто не называл полным именем, начиная с ее барыни и кончая ее родней, даже — некоторыми ближайшими знакомыми: для всех она была Фетиской» (*Гутьяр Н. М. Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев, 1907. С. 136; первоисточник: Исторический вестник. 1883. № 11. С. 372*). Тургенев выкупил Феоктисту. Увез ее сначала с собою в Петербург, потом переехал с нею в Спасское. Роман закончился вместе с ссылкой, хотя, как свидетельствует переписка Тургенева, он и позже продолжал помогать Феоктисте. О творческих трансформациях этого «романического эпизода» см. в указ. книге Гутьяра (С. 138—140).

⁸ Эту фразу (как и последующую — «Московская логика заставляла меня сделать это...») объясняют строки из письма Тургенева к Феоктистову: «...верно, самые порядочные люди не могут избиваться от влияния той среды, в которой они находятся: недаром вы житель Москвы, города, в котором все одержимы желанием совать свой нос в чужие дела. Что это за старушечья, морbidная, чисто московская страсть всовывать свои пальцы „между деревом и корой“...» (*Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 104*).

⁹ От *sobriquet* (*франц.*) — прозвище, кличка.

8

20 июля (1 августа) 1851. Выкса

20 июля 1851.

Любезный Тургенев! В последнем письме своем к Вам я сказал, что между нами все кончено, и думал никогда уже более не писать Вам. Теперь, в минуты хладнокровного размышления, Вы должны сами согласиться, что я имел полное право сказать Вам это. Я уверен, что теперь Вы поняли, что письмо Ваше ко мне было не только жестко, как Вы говорите, но гораздо более этого. — Вы сказали мне в нем все, что только могли сказать оскорбительного для меня. В последнем письме своем к графине¹ Вы говорите, что, сознавая его жесткость, Вы готовы отказатьсь от находящихся там грубых выражений. Это заставляет меня еще раз обратиться к Вам с искренним объяснением.

Объяснение это будет недлинно. Забудем, если можно, всю поднятую* нами историю, тем более, что она держится на каком-то страстном *qui pro quo*.^a В письме своем Вы объясняете** подробно, как произошла вся история, и невозможно не остаться удовлетворенным после этого объяснения. Дело ясно. Я уверен теперь, что Вы были посторонним лицом и не принимали деятельного участия во всей этой истории. Но в этом я был уверен и прежде.*** Я

* *Вместо:* всю поднятую — *было:* всю эту поднятую

^a Путаница, недоразумение (*лат.*).

** *Вместо:* объясняете — *было:* говорите

*** *После:* и прежде. — *начато:* Следов<ательно>

предполагал только, что Вас вернула в эту историю Анна Яковлевна, — и полагал это на основании фактов, переданных мне Боткиным. Ни одного я сам не выдумал, — ошибка моя, может быть, состояла в том, что на основании их я слишком резко выразился об Анне Яковлевне. Как скоро Вы ее уважаете, то я готов отказаться от оскорбительных для нее выражений.

Вы говорите, что берете назад все сказанное мне Вами. В ответ на это я с охотою отказываюсь от всего, что я сказал Вам неприятного или оскорбительного.

В конце письма к графине Вы говорите, что, вероятно, между нами все кончено. Мне этого не хотелось бы. Вы знаете, как я люблю Вас, — я старался это доказать Вам, как мог, и надеюсь, что Вы не сомневались в моей привязанности. Она еще не прошла теперь. Будьте уверены, что когда я брался за перо, чтобы написать к Вам первое письмо, мною руководила только мысль об том, что замешали в эту историю человека искренно мною любимого, и негодование на людей, замешавших Вас в нее. — Жалею, что я ошибся в этих людях, и произнес об них жестокое суждение.

Если хотите, забудем же эту историю. Я знаю, говорят, что трудно возобновляются дружеские отношения между людьми,* сильно когда-нибудь поссорившимися. Со своей стороны могу только уверить Вас, что после Вашего объяснения, я готов забыть все происшедшее и никогда оно не смутит моих будущих к Вам отношений.

Ваш Е. Феоктистов.

¹ В архиве ИРЛИ сохранились два письма Е. В. Салиас Тургеневу (его письма неизвестны), посвященные истории с Е. А. Хрущевой. Первое датируется по штампу отправления: *В Муром. Отправлено Июля 1851 г.* Привожу фрагменты, в которых отразились суждения из тургеневского письма к Салиас: «Я получила письмо Ваше, любезный Тургенев, и признаюсь, была крайне удивлена им, тем более, что за два дня Феоктистов сообщил мне ваше письмо к нему. Чтобы объяснитьсь раз навсегда, я должна довольно подробно отвечать вам. В письме вашем к Феоктистову вы называете его сплетником, а историю Ел<лисаветы> Ал<ексеевны> сплетней. Не входя ни в какие подробности этой истории, которая вовсе до меня не касается, позвольте мне сделать вам один вопрос. Человек любящий вас, приятель ваш, кто бы он ни был, услышав, что вас обвиняют в весьма нечистом поступке, имеет, или не имеет права, обратиться к вам и спросить у вас, в чем дело и как было оно? Но Феоктистов знал уже все дело от вас самих, и услышав его еще с другой стороны, где представлялись в доказательство факты, считал вас совершенно неспособным на дурной поступок, порешил дело по разумению, и обвинил не вас, но лица вас окружающие, что чистосердечно вам и высказал. И это-то вы называете сплетней! Признаюсь, вы выдумали новое название, которое до сих пор я не знала. Феоктис<тов> ждал ответа от вас, и ответ пришел — я не буду говорить о нем, потому что сказать нечего...» (РО ИРЛИ, № 5850, л. 9—9 об). Далее, после отповеди Тургеневу, Салиас снова возвращается к конфликту: «Третьего дня я получаю письмо от вас, в котором вы дружески кланяетесь Феокт<истову>, не отказываясь однако ни *от одного* *вашего* слова, прежде ему написанного. Знаете ли, что я много смеялась такому вашему добродушию, живо напомнившему мне некоторых героев Гоголя. Ваше поведение не объяснить не только тем, что аристократия, удалившаяся в семью, как в последнее убежище (ваши слова), завлекла вас так далеко, что вы стали чем-то странным, оказались на деле совершенно неверны своим понятиям, мнениям, столь часто высказанным мне и многим другим. <...> Согласитесь, что я, с своей стороны, не могу восстанавливать ваших отношений к Феоктистову. Как могу я

* *После:* между людьми, — *начато:* которые <сильно когда-нибудь поссорившись?>

сделать это, когда вы даже не отказываетесь ни от одного своего слова, и однако же хотите остаться приятелем после оскорбительного и оскорбляющего вашего письма к нему. Стало быть, Вы даже не уважаете его, когда оскорбив столько, полагаете возможным не прервать приятельских отношений. <...> Для него — вы, как он знал вас и полюбил, и вы, как вы явились теперь, до того несовместимы в одно лицо, что он потерялся в этом лабиринте вашего сердца, ума и особливо правил» (там же, л. 9 об.— 10 об.). Второе письмо датируется по соответствию предшествующему письму Салиас серединой июля 1851 г.: «Любезный Иван Сергеевич, я сию минуту получила письмо Ваше и спешу ответить на него. Позвольте мне сказать вам, во-первых, что плохо поняли мое письмо — я не говорила ни слова о <б> истории Ел<исаветы> Ал<ексеевны>, которая до меня не касается, и потому вы могли бы и не оправдываться передо мною в своем поведении, как вы это делаете в ныне полученном мною письме. Весь вопрос между вами и мною состоял в том, как вы поступили с Феокт<истовым>, которого я так люблю. Теперь это дело для меня ясно — если вы помирились или помиритесь с Феокт<истовым>, то я не вижу причины, почему бы я стала разрывать с вами — тем более, что это было бы для меня очень больно. Позвольте же мне не принять вашей последней фразы буквально. Вы говорите, что все между нами кончено, а я говорю, что протягиваю вам руку искренно и да будет забыта вся эта неприятная, грустная история — пусть останется размолвка наша между нами только и, если возможно, пусть возобновятся наши прежние отношения. Вы знаете, что я люблю вас, люблю теперь, за что же нам расставаться. Вы знаете меня — я искренна и теперь искренно предлагаю вам мир и забвение прошлому» (там же, л. 13—13 об.). Ср. конец письма Салиас с фразой Феоктистова из комментируемого письма: В конце письма к графине Вы говорите, что, вероятно, между нами все кончено.

9

23 августа (4 сентября) 1851 г. Москва

Москва. 23 августа. 1851.

Вы удивитесь, милый Иван Сергеевич, что я так рано собрался в Москву, — но это только временно: завтра я опять еду на Выксу, где графиня теперь живет одна, и, вероятно, скучает. Я приехал сюда для того, чтобы похлопотать о месте в пансион Эннеса;¹ устроил это дело и теперь отправляюсь опять в деревню, так как класы в пансионе начнутся только с октября. —

Бедная графиня! Судьба решительно не хочет ей дать успокоиться. Жила она тихо, спокойно и, кажется, счастливо, — как вдруг два дня тому назад приехал сюда ее муж² и отправился уже на Выксу. Что имел в виду этот господин, приезжая к женщине, с которой у него все было кончено, и даже не предупредив ни одного своего родственника и приятеля, — решительно непонятно.

Ну что Вы поделяваете? Здесь в Москве очень скучно. Вчера праздновался день коронации. Иллюминация была истинно великолепна и прельстила даже людей, никогда не чувствовавших удовольствия от подобного рода зрелищ.³ — Кроме же этого новостей почти никаких, — разве то, что Остров<ский> и Комп<ания> убедили Садовского, что он отлично может сыграть Лиру, и он объявил его в свой бенефис.⁴ Что это будет, — неизвестно, а любопытно. Но я с нетерпением жду Шумского в роли Хлестакова, — надеюсь, что он исполнит ее превосходно.⁵

Короткое мое пребывание здесь совсем сделало меня горожанином. Нынешнее лето я очень много читал всего, что ни попадалось

под руку, и вообще доволен собою. Ну а Вы? Неужели ничего не писали. Что Ваш роман, а главное, что за несчастливая мысль оставаться в деревне до октября?⁶ Жалею, что охота Ваша была неудачна. Напротив того, нынешний год на Выксе дичи была бездна.

Надеюсь, что Вы пробудете не одну неделю проездом через Москву.⁷ Что Вам спешить в Петербург? Мне нужно было бы о многом с Вами переговорить, и я нетерпеливо жду времени нашего свидания.

Еще здесь одна очень важная новость, но, вероятно, Вы узнаете ее подробно по приезде в Москву.

Если Вы успеете и будете в состоянии сбросить с себя лень, то пишите ко мне опять по старому адресу: *Владим<ирская> губ<ерния>, в г. Муром, на Выксунские зав<оды>*. Завтра утром я туда еду, и Ваше письмо весьма бы меня обрадовало.

Жму Вам руку, нетерпеливо желаю Вас скоро увидеть. Будьте здоровы, веселы, не ленитесь и не забывайте нас.

Ваш Е. Феоктистов.

На обороте письма:

Орловской губ<ернии> в гор. Мценск.

Его Высокоблагородию Ивану Сергеевичу Тургеневу.

На почтовых штемпелях: <Мос>ква Август<т> 25; Мценск 29 Август<т>.

¹ Салиас так объяснила Бестужеву-Рюмину решение Феоктистова устроиться в пансион Эннеса, куда его рекомендовал Грановский: «Мать его лишилась места, он должен содержать ее — я не могу много давать ему денег и пришлось ему взять место Эннеса, который требовал его к август<у>, так что 13 в ночь он покинул нас» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 120 об.; письмо в копии; без авторской даты; датируется по содержанию августом 1851 г.). На рубеже 1840-х—1850-х гг., по свидетельству Н. А. Белоголового, пансион Эннеса был лучшим частным средним учебным заведением в Москве: «Пансион пользовался в Москве отличной репутацией и действительно оправдывал его прекрасной постановкой преподавания, чего достигал Эннес, умело вербуя талантливых учителей среди молодых кандидатов, окончивших курс Московского университета...» (*Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. М., 1898. С. 258). Здесь преподавали А. Н. Афанасьев — впоследствии собиратель древнерусских текстов, фольклорист, библиограф; Ю. К. Давидов — позже профессор математики в Московском университете; И. К. Бабст — один из способнейших учеников Грановского, в будущем известный профессор политической экономии сначала в Казанском, а затем в Московском университетах и др. (см.: там же. С. 259—261). «Благодаря этому обстоятельству, редкий год из его воспитанников не поступало несколько в университет, а из бывших в мое время многие, кроме <С. П.>Боткина, — писал Белоголовый, — сделались впоследствии профессорами, так: Беккер, Колли, Шестов (бывший лейб-медик покойного наследника престола Николая Александровича) и др.; московский профессор Герье там же получил свое среднее образование, только позднее описываемого времени» (там же. С. 258). 31 августа 1851 г. Салиас сообщила Бестужеву-Рюмину, что Феоктистов, не завершив переговоры с администрацией пансиона, вернулся, как он об этом и писал Тургеневу, на Выксу: «...два дня, по приезде моего мужа, Eugène, не выносы в Москве мысли, что я одна и могла быть очень несчастлива, окруженная одной семьей, не зная намерений моего мужа, почти отказался от места и прискакал назад, — на Выксу. Всем жившим здесь он сказал, что Эннес соглашается ждать его до сентября, в чем все и уверены. Одна я, увидя его входящего в дом, поняла истину и, разумеется, была так тронута его ко мне привязанностью, что могу сказать нравственно воскресла и уже не так уничтожена или поражена всем меня окружающим» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 33—33 об.; письмо в копии, без года (рукой неизвестного лица карандашная помета: 1851); год уточнен на основании соответствия письму Феоктистова от 23 августа 1851 г.).

² Много позже Феокистов в мемуарах набросал портрет мужа Елизаветы Васильевны: «...граф Салиас представлял собой самое жалкое ничтожество; пустейший хлыщ, очень кичившийся своим титулом, хотя захудалая его фамилия не пользовалась почетом во Франции; он вступил в брак с Елисаветой Васильевной единственно потому, что имел в виду порядочное приданое...» (Феокистов. С. 365). Столь же остро охарактеризовала его сама Салиас в письме к Бестужеву-Рюмину от 8 октября 1851 г.: «В молодости он был хорош собою, чрезмерно нравился женщинам и повесничал — сколько мог, имея по три любовницы зараз — одну актрису, одну гризетку, одну знатную даму. Такую жизнь вел он долго, потом женился и по-прежнему не упускал случая иметь женщину, если возможно <...>. В этих минутных связях он погубил свое уважение к женщинам...» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 44 об.; письмо в копии).

³ 22 августа 1851 г. — иллюминация по случаю дня коронации Государя Николая Павловича. Накануне «Ведомости московской городской полиции» объявили: «Среда, 22 августа. В Кремлевском саду музыка и великолепная иллюминация» (1851. 21 авг., № 184).

⁴ 22 сентября в «Ведомостях московской городской полиции» появилась заметка «Бенефис г. Садовского», в которой сообщалось: «Замечательные события в мире сценического искусства более или менее обращают на себя внимание всей образованной публики. — Одно из таких событий готовится в настоящую минуту. / Садовский — тот самый Садовский, которого гениальный комический талант так хорошо знаком всем, — и постоянным и не постоянным посетителям театра — Садовский-Осип, Садовский-Подколесин, — играет роль короля Лира...» (1851. 22 сент., № 207. С. 1. Подпись: А. Г.). Театральные завсегдатаи из кругов западной ориентации, в которых вращался и Феокистов, восприняли эту роль П. М. Садовского как неудачу. Галахов вспоминал: «Но как по пословице: „На всякого мудреца довольно простоты“, так и на нашего артиста нашло однажды затмение. Увлекаемый, как ходил слух, внушениями молодой редакции „Москвитянина“, он вздумал попробовать свои силы в трагедии, и для своего бенефиса (если не ошибаюсь) выбрал „Лира“. Конечно, все места в театре были расхвачены, сбор вышел полный, но короля Лира не видели, а видели не то Подхалюзина, не то Русакова. Короче, наш гениальный артист сел не в свои сани» (Литературная кофейня в 1830—1840 гг. Воспоминания А. Д. Галахова // Русская старина. 1886. № 6. С. 701).

⁵ Шумский сыграл Хлестакова в «Ревизоре» на сцене Малого театра осенью 1851 г. Феокистов посмотрел этот спектакль вместе с Тургеневым. В зрительном зале они увидели Гоголя. Однако дата появления Феокистова и Тургенева в театре вызывает разногласия. Соответственно хронике жизни Гоголя первый раз он был на «Ревизоре» 15 октября в обществе Аксаковых (см.: Гоголь. Т. 9. С. 707), после 15 октября он смотрел спектакль вторично, на этот раз с А. О. Смирновой и ее младшим братом Л. И. Арнольди (там же). Вероятно, на втором из этих спектаклей в зале Малого театра Тургенев и Феокистов среди зрителей видели Гоголя. Об этом событии Тургенев вспоминал в связи со своим визитом к Гоголю: «Помню день нашего посещения: 20-го октября 1851 года. <...> За неделю до того дня я его видел в театре, на представлении „Ревизора“; он сидел в ложе бельэтажа, около самой двери — и, выгнув голову, с нервическим беспокойством поглядывал на сцену, через плечи двух дюжих дам, служивших ему защитой от любопытства публики. Мне указал на него сидевший рядом со мною Ф.» (Т. Сочинения (2-е изд.). Т. 11. С. 57). Назарова обратила внимание на строки из воспоминаний Арнольди «Мое знакомство с Гоголем» о нервном состоянии Гоголя в этот день: «Многие в партере заметили Гоголя, и лорнеты стали обращаться на нашу ложу. — Гоголь, видимо, испугался какой-нибудь демонстрации со стороны публики, и, может быть, — вызовов...» и тихо вышел из ложи (там же. С. 357—358). В хронике жизни и творчества Тургенева зафиксирована другая дата этого события: «Около 13 (25) октября. Т в Москве. Присутствует с Е. М. Феокистовым на представлении „Ревизора“ в Малом театре; среди зрителей видит Гоголя...» (Летопись (1818—1858). С. 187).

⁶ Вероятно, вопрос Феокистова касается романа «Два поколения», над которым Тургенев работал в Спасском летом и осенью 1851 г. См.: 2-е примечание к письму Феокистова Тургеневу от 30—31 марта 1851 г.

⁷ Тургенев приехал в Москву около 13 октября. Здесь — вместе с Феокистовым смотрит «Ревизора» в Малом театре (см. выше 5-е примечание); во второй

половине октября — начале ноября бывает у гр. Салиас, в дом которой вводит К. Н. Леонтьева (см. 8-е примечание к письму Феокистова от 24 декабря 1851 г.). 6 ноября выезжает в Петербург по только что открытой железной дороге (*Летопись* (1818—1858). С. 187, 188).

10

17 (29) сентября 1851 г. Выкса

17 сентября. 1851.
Выкса.

Писал я к Вам, милый Иван Сергеевич, из Москвы,¹ но от Вас не получил до сих пор ни строки; думаю, впрочем, что письмо мое едва ли дошло до Вас, потому что поручил я его отдать на почту человеку очень неверному. — Если Вы получили его, то уже из него, а если нет, то из этого письма, Вы можете узнать, что к графине приехал ее муж совершенно неожиданно, тогда как она уже думала, что между ними все кончено. Поводом к приезду было, как он говорит, свидание с детьми, — но открывается теперь, что он имел более обширные намерения. — После нескольких дней пребывания здесь он прямо объявил, что желает взять с собою во Францию детей, если не всех, то хоть кого-нибудь.² Графиня, разумеется, не согласилась. Да и странно этого требовать от нее. Она до того срослась, если можно так выразиться, с детьми, что если отнять у нее одного из них, без преувеличения, едва ли можно ручаться за год* ее жизни. — После этого, как Вы можете себе представить, тысяча семейных сцен, неприятностей, жалоб и т. д. Бедная графиня теперь едва жива от всего этого. — Но роль еще не кончилась. Зная мою дружбу к графине, он возненавидел меня, и дошел до того, что находит неприличным мое дружеское и фамильярное обращение с ее дочерью. На днях он объявил, что неприлично держать около девочки молодого человека,** ибо моя интимность к ней доходит до того, что можно принять меня за влюбленного в нее.³ Теперь он немного успокоился и, кажется, устыдился своих нелепостей. Графиня надеется кончить с ним миролюбиво это дело, — но все-таки не пройти ей тысячи сцен, более или менее неприятных. —

Вот каковы здесь дела, милый Тургенев, и Вы понимаете, что при таких обстоятельствах не может быть и помину о приятном препровождении времени и т. п. Тоска невыносимая, не позволяющая даже рассеять себя каким-нибудь серьезным занятием. Кроме Маколея,⁴ не читаю теперь ничего, — до того тяжела голова моя от всех этих сцен и историй.

Я много делал глупостей в своей жизни, и теперь сознаюсь, что одна из главных, — было мое вмешательство в историю В. П. Боткина и Е<лизаветы> А<лексеевны>. — Мне неприятно говорить об

* *Вместо:* за год — *было:* за день

** *После фразы:* молодого человека — *а. Начато:* но что <моя интимность к ней> *б. Начато:* ибо я у<хаживаю?>

этом, думаю, тоже и Вам, но все-таки не могу не излить своей желчи на эту негодную дрянь, — бывшего Вашего и отчасти моего приятеля. В последнее свое пребывание в Москве я убедился наконец, что это за существо и сколько в нем всякой мерзости. Вот как иногда можно обмануться. Поговорим об этом подробнее при свидании в Москве.

Изредка получаем мы здесь известия из Москвы. Вы, я думаю, уже знаете, что вышел 1-ый том истории Соловьева.⁵ Грановск<ий> пишет, что в первый день разошлись 500 экземпляров! — Но вот еще более радостная новость: Гоголю позволено напечатать 2-й том «Мертвых душ» и новое издание своих сочинений.⁶ Он говорит, что во всем этом издании он сделает много поправок и прибавлений. Думаю, будут хороши!

Ну а Вы? — Неужели ничего не написали. Стыдно будет показаться Вам с пустыми руками. Особенно желал бы я видеть* статью по поводу Гамлета и Дон-Кихота,⁷ о которой мы так долго рассуждали в Москве. Графиня тоже начала теперь роман⁸ и даже, кажется, кончает 2-<ую> часть. В Москве печатается ее «Племянница»⁹ и издание, кажется, будет очень красиво.

Приезжайте, приезжайте скорее в Москву.¹⁰ Мы выезжаем туда отсюда в последние числа сентября. Если захотите написать мне, то уже не адресуйте письма на Выксу, а в Москву по следующему адресу: *В Харитоньевском больиом переулке, в приход 1 Харитонья в огородниках, дом Долбилиной, кварт<ира> гр. Салиас.* — Графиня примет Вас уже на новой своей квартире.

Пожалуйста, напишите заранее, когда Вы приедете в Москву. Более всего желаю я Вас видеть. Нужно мне переговорить с Вами об очень многом, да и графиня беспрестанно об Вас вспоминает.

До свидания же.

Ваш Е. Феокистов.

¹ Письмо от 23 августа 1851 г.

² В письмах к Бестужеву-Рюмину Салиас рассказала, что муж ее хотел вернуть детей (или хотя бы одного увезти во Францию), см. письмо (в копии) от 10 сентября 1851 г. (РО ИРЛИ, № 25164, л. 35—38). Из письма Боткина к Тургеневу от 7 октября 1851 г.: «...к Гр. Сальяс — вдруг неожиданно приехал муж ее — и явился с разными претензиями. Мусье, кажется, профинтился в Париже и хочется ему поправить несколько на основании семейных прав. Поехал он тотчас же на Выксу, где была Графиня — и начал изъяслять свои претензии — и хочу, говорит, наслаждаться семейным счастьем, — и недоволен воспитанием детей и проч. Явно, что ему хочется денег, — но их нет. Графине было очень тяжело и скверно. На днях ждут ее в Москву. Он все грозит, что возьмет с собой дочь» (*Боткин и Тургенев.* С. 9).

³ Факт («приревновал Машу к Eugène!») отражен в письме Салиас к Бестужеву-Рюмину от 10 сентября 1851 г. (см.: РО ИРЛИ, № 25164, л. 38).

⁴ *Маколей (Macaulay) Томас Бабингтон* (1800—1859) — лорд, английский историк и публицист, крупный политический деятель, блестящий оратор, представлявший в парламенте партию вигов. В своих речах и печатных трудах отстаивал принципы не впадающей в анархию и содействующей развитию цивилизации «разумной» гражданской свободы, религиозной терпимости, уважения к частной жизни человека. Его «История Англии от восшествия на престол Иакова II» («History of England from the Accession of James the Second», первые тома выходили с 1849 г., не завер-

* *Вместо: видеть — было: узн<ать>.*

шена) была воспринята современниками как национальная эпопея и читалась с огромным интересом. В 1857 г. Тургенев сообщит П. В. Анненкову: «С тех пор, как я не писал Вам, я был в Англии — и, благодаря двум-трем удачным рекомендательным письмам, сделал множество приятных знакомств, из которых упомяну только Карлейля, Теккерея, Дизраэли, Маколея...» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 3. С. 231; письмо от 27 июня (9 июля)).

⁵ 1 сентября 1851 г. «Московские ведомости» опубликовали «Библиографическую заметку»: «Имя г-на Соловьева известно всякому интересующемуся Русскою историею. Он по праву занимает одно из почетнейших мест у нас между деятелями науки. В короткое время он успел ознаменовать себя столько же обильными, сколько даровитыми и плодотворными трудами. / „Московские ведомости“ имели уже случай говорить о важном и обширном труде, который предпринят г-м Соловьевым. Теперь с особенным удовольствием спешим известить читателей, что наш неутомимый деятельный ученый выпустил уже в свет первый том этого труда: / „История России с древнейших времен“, соч. Сергея Соловьева, профессора Московского университета. Т. I. 1851 г. Москва, в Унив. Тип. / В этом первом томе история доведена до кончины В. Кн. Ярослава» (№ 105. С. 11. Без подписи). В Прибавлении к этому же номеру «Московских ведомостей» появилось объявление о том, что первый том «Истории России...» поступил в продажу. В следующем номере «Московские ведомости» оповестили о продаже книги в лавке Базунова.

⁶ Из хроники жизни Гоголя этой поры: «Лето <1851.> Гоголь пишет цензору В. Н. Лешкову в связи с возникшими затруднениями с получением цензурного разрешения на второе издание его сочинений» (*Гоголь*. Т. 9. С. 705); 23 сентября 1851 г. попечитель Московского учебного округа и председатель цензурного комитета В. И. Назимов посетил Гоголя с известием, что второе издание его сочинений будет им разрешено к печати, для чего «необходимо обычным порядком сдать его в цензуру»; 10 октября 1851 г. получено цензурное разрешение второго издания сочинений Гоголя; в январе следующего года идет работа над корректурами четырех томов собрания; 16 января 1852 г. Боткин сообщает Тургеневу: «Сочинения Гоголя здесь печатаются в 5 томах. Том 5-й будет состоять из *новых вещей*» (*Боткин и Тургенев*. С. 14). 31 января Гоголь «вместе с С. П. Шевыревым занимается корректурами своего собрания сочинений»; 4 февраля вечером посещает Шевырева и сообщает, что «некогда ему теперь заниматься корректурами» (см.: *Гоголь*. Т. 9. С. 710). Смерть оборвала работу Гоголя над изданием. См. далее 5-е примечание к письму Феокистова от 3 марта 1852 г.

⁷ «Благодаря письмам Феокистова к Тургеневу, — писала в 1958 г. Л. Н. Назарова, — впервые становится известным то обстоятельство, что замысел статьи „Гамлет и Дон-Кихот“, опубликованной в „Современнике“ лишь в 1860 году, относится к началу 1850-х годов» (*Назарова*. С. 164). Через полтора года (18 февраля 1853 года) — на этот факт также обратила внимание Назарова — Феокистов снова напомнит Тургеневу об его замысле: «Вы должны превосходно писать статьи серьезного содержания, преимущественно об искусстве, по крайней мере, все статьи Ваши в этом роде я очень ценю. Не знаю, какого Вы будете сами об этом мнения, но я в этом убежден — и ждал с большим интересом предполагаемой Вами статейки: „Дон Кихот и Гамлет“ — но кажется нам ее не дожидаться. — Но вообще из всего предыдущего Вы можете видеть, с каким жадным интересом смотрю я теперь на Вашу деятельность».

⁸ Из письма Салиас к Тургеневу (датируется серединой июля 1851 г.): «Если Вы хотите знать, что я делаю, то скажу только, что работаю мало, хотя и начала новый большой роман, много езжу верхом, особенно ночью и сижу по целым вечерам у огромного озера...» (РО ИРЛИ, № 5850, л. 11). Согласно библиографии Д. Д. Языкова, по завершении романа «Племянница» Салиас издала повести: «Долг» (Современник. 1850. № 11), «Две сестры» (Отечественные записки. 1851. Кн. 3) и приступила к роману «Три поры жизни» (Библиотеки для чтения. 1853. № 2 (отрывок); отд. изд.: М., 1854) (*Языков Д. Д.* Литературная деятельность графини Е. В. Сальяс (Евгении Тур) // Исторический вестник. 1892. № 5. С. 488).

⁹ 22 ноября 1851 г. в заметке «Библиографические известия» «Московские ведомости» оповестили: «Спешим порадовать читателей известием о выходе в свет давно ожидаемого романа г-жи Евгении Тур: *Племянница*. Начало этого сочинения было напечатано в Современнике прошедшего года; эпизод из него под названием Антонина был помещен в альманахе г-на Щепкина: *Комета*. Итак, читатели уже несколько знакомы с этим замечательным явлением нашей изящной литературы...»

(№ 140. С. 9. Без подписи). Здесь же объявление о том, что в университетскую книжную лавку поступила в продажу на днях отпечатанная книга Е. Тур «Племянница» (там же. С. 10). См. также: *Летопись (1818—1858)*. С. 190.

¹⁰ См. 7-е примечание к письму Феокистова от 23 августа 1851 г.

11

24 декабря 1851 (5 января 1852 г.). Москва

24 декаб. 1851.

Милый Тургенев, с самого Вашего отъезда¹ здоровье мое совершенно отказалось служить мне по-прежнему. В день Вашего отъезда я, вероятно, простудился, провожая Вас, и несколько дней выдерживал лихорадку. Только что она оставила меня, я опять простудился в театре, в бенефис Ирки,² и уже занемог очень сильно горячкою, и вот только нынче в первый раз выезжаю и чувствую себя достаточно поправившимся. Как Вы можете представить, со мной во все это время ничего примечательного не случилось — достаточно уже и болезни. Я начал было много заниматься, дельно принялся за статью о М<арии> Стюарт,³ но проклятая болезнь все испортила. Будьте добры, возьмите на себя труд сказать И. И. Панаеву, что статья эта не может поспеть, как я хотел, к февр<альской> книжке «Совр<еменника>». Что делать!

Не я виноват, — человек предполагает, а холодные театральные сени располагают его намерениями. Не забудьте же ему сказать это. Теперь с новыми силами опять начну и прерванные занятия и окончу статью. — Москва живет нынче так тихо и скучно, что и вообразить невозможно. Даже вечные разговоры о<б> Островск<ом> и юной школе совсем замолкли. Повсюду постные лица, мрак и тоска, — можно с ума сойти, если бы не книги. Авось Боткин привезет что-нибудь из Петерб<урга> новенькое, — вот уже 24 число, а об нем не слыхать. Ну, что Ваша пухлая, как Вы говорите, красавица? Забрала ли она Вас уже в руки. В каких отношениях с нею Ваши приятели — все это любопытно. — Был я,* как уже говорил выше, в бенефисе гетеры нашей — Ирки. Вот, между прочим, что в городе говорят по поводу ее. Она сама, говорят, это рассказывает — *à qui veut entendre*.^a Мацнев,⁴ знаменитый воздухоплаватель, содержал ее и в то же время был в связи с m-me Нессельроде.**⁵ Он часто давал им *soupers fins puis il les déshabillait et il se couchait entre elles*^b — не правда ли, как это, Иван Сергеевич, безнравственно? Хорошо, что у нас с Вами уже есть готовая роль в подобных случаях, — протестовать во имя оскорбленной нравственности!...

Графиня занята теперь все своим романом, — который, надо прибавить, идет отлично, так отлично, что некоторые книгопродавцы предлагали ей скупить на чистые деньги остальные экземпляры.

* После: Был я, — начато: недавно <1 сл. нрзб.>

^a имеющий уши, да услышит (*франц.*).

** Так в автографе.

^b изысканные ужины, затем раздевал их и ложился между ними (*франц.*).

На это она не согласилась. — Вчера мы были у Ростопчиной, — которая по случаю рождения своего дала даже прекрасный ужин. Остр<овский> написал, как Вы уже, я думаю, знаете, новую комедию,⁶ которую будет на этой неделе читать у графини. Кстати, еще подобная новость: Эраст Благодеров написал роман в 4 част<ях>.⁷ Он будет помещен в «Москвитяние», и юная партия говорит, что это верх искусства и прелести. Молодой Леонтьев был несколько раз после Вас у графини. Он мне решительно не нравится: знаете ли, ведь это тоже губитель женских сердец, — то есть теперь сердец худосочных русских барышень, а потом провинциальных русских барынь.⁸ Признаюсь Вам, я не вижу даже в нем того ума, который Вы в нем находили. А впрочем,... почему нет! Прощайте, любезный Тургенев, пожалуйста, напишите мне поскорее, у Вас жизнь кипит и занимательного больше. Комиссии Ваши исполнены, книги скоро перешлю. Жду письма.

Ваш Е. Феоктистов.

НВ. Вот еще: один из членов юной редакции ездил в Петерб<ург> и говорит, что итальянская опера у Вас — мерзость!...⁹

¹ Тургенев выехал из Москвы в Петербург 6 ноября 1851 г. (*Летопись (1818—1858)*. С. 188).

² «Ведомости московской городской полиции» в течение 13, 14, 15 декабря 1851 г. помещали объявления о том, что 17 декабря на сцене Большого театра в пользу танцовщицы г-жи Ирки Матиас в первый раз будет дан пантомимный балет «Мраморная красавица» (соч. А. Сен-Леона, муз. Ц. Пуни), в котором она выступит в роли Фатимы (1851. № 271, 272, 273). Второй и третий спектакли состоялись 19 и 21 декабря (там же. № 275, 276, 277, 278). Об Ирке Матиас см. 8-е примечание к письму от 24 февраля 1851 г.

³ В ответном письме от 29 декабря 1851 г. Тургенев сообщал: «Поручение Ваше я передал Панаеву — он велел Вам сказать, что статью о Марии Стюарт Вы можете доставить к марту и даже к апрелю» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 112). Феоктистов замыслил написать очерк жизни Марии Стюарт на основе новейших изданий — сочинений Минье и Дарго. Однако в печати появилась лишь первая статья в июньском номере «Современника» 1852 г. Работа над второй статьей была прервана событиями, последовавшими за появлением в «Московских ведомостях» тургеневской заметки о Гоголе (арест Тургенева, следствие, а затем полицейский надзор за Боткиным и Феоктистовым, отъезд последнего в Крым и служба в Симферополе), см. 1-е примечание к письму Феоктистова от 29 марта 1852 г. Рассмотрев статью о Марии Стюарт как работу, соответствующую задачам современной исторической науки, Л. Майков в посмертной статье о Феоктистове писал: «Можно пожалеть, что эта статья, писанная с очевидным интересом к предмету, осталась не конченною; это случилось по причинам, не зависящим от автора и совершенно для него неожиданным». И далее: «Покинув Москву, Феоктистов принужден был прервать все свои тамошние занятия — поэтому между прочим осталась недописанною его статья о Марии Стюарт...» (*Майков Л.* С. 33, 34).

⁴ *Мащев Иван Михайлович* — воздухоплаватель. Сын участника Отечественной войны 1812 г., в прошлом офицер Кирасирского его императорского высочества наследника Цесаревича полка (позже л.-гв. Кирасирский его величества государыни императрицы Марии Федоровны). В 1851 г. вместе с братьями Годар совершил воздушное путешествие из Парижа в Фосс, вблизи Спа (описание перелета опубликовал в «Revue des deux Mondes»). Однако, согласно рассказу самого Мащева, его полеты вызвали неудовольствие Николая I, посчитавшего их «недопустимым поступком», хотя бы и для отставного гвардейского офицера (см.: *Родных Александр*. Краткая история высшего воздухоплавания на Руси со времен Олега по конец царствования Николая I // *Летуна: Еженедельный иллюстрированный журнал*. 1913. № 1. С. 9). Во

время Крымской войны 1853—1856 гг. по инициативе Мацнева были «...сделаны приготовления для уничтожения приблизившегося к Кронштадту английского флота. Воздухоплаватель предлагал подняться на воздушном шаре и сбросить на корабли неприятеля взрывчатые снаряды. Мацнев даже провел в Петербурге подготовительные полеты...», однако не получил высочайшего повеления на подобную форму ведения военных действий (см.: *Дузь П. Д.* История воздухоплавания и авиации в России. Период до 1914 г. М., 1995. С. 47). По предположению А. Родных, возможно, Мацнев принимал непосредственное участие в тех полетах, которым сами англичане «приписывали успех защиты русскими Севастополя» (Летун. 1913. № 1. С. 13).

⁵ *Нессельроде (урожд. Закревская) Лидия Арсеньевна* (1826 или 1829—1884), графиня — дочь московского генерал-губернатора А. А. Закревского (см. о нем 3-е примечание к письму Феоктистова от 25 февраля 1852 г.) и А. Ф. Закревской (урожд. графини Толстой), жена Д. К. Нессельроде — сына министра иностранных дел и канцлера графа К. В. Нессельроде. «К графу Закревскому ездили на большие балы, но от семейства устранились, — рассказывал Б. Н. Чичерин. — Толстая, известная своими похожими графиня Закревская, с своим наперсником Макевичем, впоследствии сделавшимся литератором, и графиня Нессельроде с толпою поклонников, на которых она была весьма неразборчива, представляли мало привлекательного для людей с несколько тонким вкусом» (*Чичерин*. С. 69, также с. 61, 217). Сходную характеристику этому семейству и их дочери дал А. В. Никитенко в связи с нашумевшей историей отрешения Закревского от должности: «Он сделал вещь невероятную по своей наглости и презрению всех законов. У него есть дочь не хуже Мессалины известная своими похождениями. Она замужем за графом Нессельроде, с которым, разумеется, не жила. Закревский вздумал ее, не разведенную с первым мужем, вторично выдать за князя Друцкого-Соколинского. Ни один священник не хотел их венчать. Наконец Закревский нашел одного, который под угрозою ссылки в Сибирь, согласился, наконец, их перевенчать. Об этом Закревский имел дерзость сам известить государя. Вслед за тем и состоялось его увольнение» (*Никитенко*, 2. С. 84, запись от 19 апреля 1859 г.). По свидетельству современника, Лидию Арсеньевну любил изображать в своем кругу известный актер, рассказчик и писатель И. Ф. Горбунов (см.: *Горбунов И. Ф.* Сочинения. СПб., 1907. Т. 3. С. 287).

⁶ Феоктистов сообщает о комедии «Бедная невеста» (опубликована: Москвитин. 1852. № 4). В письме от 29 декабря 1851 г. Тургенев попросит Феоктистова: «Пожалуйста, напишите мне *тотчас* — какое впечатление произведет на Вас комедия Островского. Мне почему-то кажется, что это должна быть хорошая вещь» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 112). См. далее письма Феоктистова от 14 января и 18 февраля 1852 г. и примечания к ним.

⁷ *Эраст Благоправов* — псевдоним члена «молодой редакции» «Москвитянина» Алмазова Бориса Николаевича (1827—1876), поэта-сатирика и пародиста, критика, переводчика, см.: *Основат А. Л.* Алмазов Борис Николаевич // Русские писатели. Т. 1. С. 49—50; об участии Алмазова в идейно-эстетической жизни см. (по указ.): *Егоров Б. Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982. Тургеневеды, опираясь на биографический очерк Алмазова (в кн.: *Алмазов Б. Н.* Сочинения. М., 1892. Т. 1. С. XX), утверждают, что так и не опубликованный в «Москвитянин» роман был уничтожен им незадолго до смерти (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 457). В начале шестидесятых годов Феоктистов не раз станет объектом острословия Алмазова («Московский поэт и петербургский обыватель» 1861, «Похороны „Русской речи“, скончавшейся после непродолжительной, но тяжелой болезни» 1862, см.: *Феоктистов*. С. XX, 405, 406, 416). В свою очередь, Феоктистов в ранней главе своих мемуаров написал портрет Алмазова в том снисходительно-поучительном тоне, который он усвоил по отношению ко всем соратникам Островского: «Дюбюк выдавался своим талантом; то же следует сказать о Григорьеве, Эдельсоне, Алмазове, — людях образованных и обладавших недюжинными способностями; нечестие их состояло в том, что они прожгли свою жизнь, затопили ее в вышн...» (*Атеней*. С. 89).

⁸ На реплику Феоктистова о Леонтьеве последовал ответ Тургенева в письме от 29 декабря 1851 г.: «Я и прежде Вам сказывал, что Леонтьев неприятный господин — но человек он все-таки замечательный» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 112). *Леонтьев Константин Николаевич* (1831—1891) — писатель, в молодости переживший влияние Тургенева, публицист, философ. Феоктистов познакомился с Леонтьевым в салоне Салиас, куда его ввел Тургенев во время своего очередного приезда в Москву (вторая половина октября — начало ноября 1851 г.; см.: *Леонтьев К.* Тургенев в

Москве // *Русский вестник*. 1888. № 3. С. 266; *Летопись (1818—1858)*. С. 188). Перечисляя посетителей салона (Кудрявцев, Грановский, Катков, П. М. Леонтьев), К. Леонтьев назвал и Феокистова (там же). Анализ психологических истоков отрицательных оценок, которые не только Тургенев, но и Боткин, Дружинин давали молодому Леонтьеву, см.: *Иваск Ю. П.* Константин Леонтьев (1831—1891). Жизнь и творчество // К. Н. Леонтьев: Pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 гг. Антология. СПб., 1995. Кн. 2. С. 280—284). Ср. характеристику, которую Феокистов дал К. Леонтьеву — в пору, когда он появлялся в салоне Салиас, с психологическим эссе Иваска (гл. «Барышни»), посвященном автобиографическому образу Володи Ладнева («Подлипки») и его отношениям с женщинами: «... все это не похоже на тургеневскую первую любовь и уж тем более на толстовское семейное счастье. У Леонтьева — нет серьезности, нет глубины; везде только легкое порхание по садам Эроса, полуневиное рококо фарфоровых петиметров и дам Осьмнадцатого Столетия! Но нет в нем и той грубости, которая иногда скрывалась под блеском Савра и Сакса. Володя фатоват, но вместе с тем мечтателен и нервен, как „Дитя века“ позднего романтика Альфреда де Мюссе, которым он тогда очень увлекался. / Легкомыслие в стиле рококо и некоторая романтическая томность сочелась в Володе с еще одним качеством — с расчетом, с трезвостью. Он отлично знает, что нельзя рано жениться и что не следует соблазнять барышень. Но ему также хочется чего-то большего, чем вся эта милая игра с барышнями. Покупную любовь он отвергает: ему не хочется себя осквернить, загрязнить! И он расчетливо мечтает: хорошо бы немного увлечься и соблазниться, соблазнить, но так, чтобы не было никаких неприятных последствий!» (там же. С. 260).

⁹ Тургенев шутил по поводу известий, исходивших от «юной партии» о романе Алмазова (см. выше 7-е примечание) и о петербургской итальянской опере: «Если член юной московской школы, нашедший, что роман Э. Благонравова — отличная вещь — одно лицо с тем членом, который объявил, что здешняя опера — мерзость — то жаль мне Эраста. Здешнюю оперу дурно ведут — это правда — но средства и голоса — великолепные» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 112). Тургеневскую оценку подтверждает отзыв автора «Заметок о петербургских театрах» в «Современнике» (1852. Март-апрель. Отд. VI. Современные заметки. С. 146—147): «Мы повторяли уже много раз, что нынешний итальянский сезон был чрезвычайно блестящ, что богатство труппы и репертуара было необыкновенное; последнее время оперы еще более утвердило нас в убеждении, что трудно вообразить себе состав итальянской оперы обильнее талантами и репертуар богаче разнообразием, как тот состав и репертуар, которыми Петербург наслаждался в зиму 1851—1852». В этом же разделе «Современника» (с. 54—68) Серов в статье «Итальянская опера в Петербурге. Сезон 1850—1851» (перепеч. в изд.: *Серов А. Н.* Статьи о музыке. М., 1984. Вып. 1. С. 13—26) рассмотрел наиболее замечательные эпизоды из деятельности итальянской оперы в минувшем сезоне (пение молодой певицы Маррай, «Свадьба Фигаро» Моцарта и пр.). См. также появившийся ранее в «Современнике» (1850. № 3. Отд. VI. С. 100—108) анализ петербургской итальянской оперы (в сравнении с немецкой) в статье Боткина «Итальянская опера», а также его отзыв о пении Марио (*Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма / Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1984. С. 164—172).

12

14 (26) января 1852 г. Москва

14 января. 1852.

Очень мне совестно, милый Иван Сергеевич, что я до сих пор не отвечал на Ваше письмо. Если бы Вы знали бездну мелких занятий и дел, которые не давали мне покою в последнее время, то, вероятно, не посетуете на меня. — На днях получен здесь «Современник» и в нем Ваша статья на «Племянницу».¹ По прежнему при-

меру я и теперь скажу Вам свое мнение откровенно об этом произведении Вашего пера. — Нечего и говорить, что вся статья сверху донизу написана ужасно умно и вполне блестящим образом. С некоторого времени уже не приходилось читать в наших журналах таких литературных статей. Но кроме этого достоинства есть еще другая сторона — а именно, — должно взглянуть на эту статью по отношению ее к графине. Здесь нельзя не согласиться, что недостатки ее романа взятые Вами очень верно и ловко и развиты блестящим образом. Но жаль только, что, преимущественно обратившись в эту сторону, Вы не обратили такого же внимания на другую, положительную, то есть — достоинства романа, поэтому на многое было совсем не указано. А характер Мери и многие другие стороны, право, стоили, чтобы взглянуть на них. Есть также несколько выражений, которые выходят достаточно жесткими и желалось бы их несколько смягчить. Вообще же, если сказать свое мнение о статье, то вот Вам *мое*: я прочел ее с увлечением и оставившись только на некоторых фразах, казавшихся мне жесткими, и думаю, что статья должна быть благоприятна для графинина романа, потому что везде говорится о нем с уважением. Но это мнение мое личное, — графиня же крайне недовольна статьею, находит ее весьма неблагоприятною для себя и думает, что она только повредит роману.² Между нашими литераторами мнения также различны. На Вашей стороне преимущественно Грановский и потом Галахов,* и некоторые другие, есть и против Вас. Вот Вам подробное изложение того, какое впечатление произвела статья на меня и на других.

Ну, как Вы поживаете? Тут скука неистовая; теперь уже поневоле, если бы даже и не хотел, приходится заниматься. Боткин приехал сюда из Петербурга что-то мрачным.³ Что это Вы там сделали с ним?

Все идет по-прежнему, — по средам и четверг<ам> собираемся у Кудрявцевых и Галаховых, а по субботам у графини, где всякий раз бывают те же самые лица со включением Каткова и Галахова. Вообще в эти субботы не скучно, но они уже имели несчастье навлечь на себя гнев Кетчера, дурака Пикулина**⁴ и пискаря Щепкина. Отсюда целое восстание против графини⁵ во имя того, что она меняет старых друзей на новых. Разумеется, на все это должно смотреть с презрением и жалостью. Не говорите только, пожалуйста, об этом много в Петерб<урге>, потому что слухи могут дойти до Грановского и неприятно потревожат его.

Островский не читал еще своей комедии, все поправляет, но уже носятся слухи, что это — «Неожиданный случай», в широких размерах.⁶ Комизма ни малейшего, но зато бездна недосыгаемой для толпы психологической тонкости. — Прочел я также «Ипохондрика» в I № «Москвитянина»: неужели Вы хвалили это? Да ведь это ужас, сонный порошок, и что за завязка! По моему мнению, это ниже всякой посредственности.⁷ — Между прочим, скажите

* После: Грановский и потом Галахов, — строка заретуширована. Последующая фраза: и некоторые другие, есть и против Вас. — *вписана*.

** Вместо: дурака Пикулина — *было*: пискаря Пикулина

И. И. Панаеву, что роман его весьма нравится в Москве,⁸ а юная школа хочет, между прочим, жаловаться на «Маскарад» Назимову.⁹ До того они раздражены им. —

Грановский написал отличную речь для университетского акта, и я Вам пришлю ее. Скажите, между прочим, Панаеву, что около 15 числа, то есть чрез два дня, я пришлю ему разбор этой речи,^{*10} так же, как разбор различных публичных лекций, вышедших здесь на днях, который мы пишем вместе с Боткиным.¹¹ —

Ну что Ваша красавица? Я думаю, больно Вам надоела. Пора и Вам развязаться с нею. — Выздоровели ли Вы наконец и неужели вся Ваша деятельность в нынешнем году ограничится только статьею о «Племяннице». Ведь это просто грешно! — Ах! если бы Вы знали, как бы мне хотелось побывать на недельку в Петербурге, — но увы! злостные обстоятельства не позволяют и думать об этой поездке. А тут в Москве начинаешь гнить от скуки, — только и слышно разговоров, что об Островском и К<омпании>. Но ведь уже все это куда как начинает надоедать. Был на днях бенефис Щепкина — и торжественное fiasco всего бенефиса.¹² Как хотите, впрочем, — придет же в голову поставить теперь на сцену старинную комедию гр. Ростопчина и еще глупейшую комедию К. К. Павловой (перевод). — Публика просто стонала от скуки!

Кажется, я Вам не упустил сказать ничего, что у нас еще занимательного. Надеюсь, что Вы оплатите мне за это скорым ответом. Буду ждать от Вас письма с нетерпением, — не ленитесь. Будьте здоровы, счастливы и веселы. Обнимаю Вас.

Е. Феокистов.

¹ Статья-рецензия Тургенева «Племянница. Роман. соч. Евгении Тур. 4 части, Москва, 1851» за подписью «И. Т.» появилась в III Отд. первого номера «Современника» за 1852 г. (ценз. разрешение 31 декабря 1851 г.). В этой статье, как известно, он дал не только оценку конкретному произведению, но изложил свою теорию романа, намечая перспективы романного жанра в России (см.: Назарова. С. 165).

² В письме к Бестужеву-Рюмину (без авторской даты, датируется предположительно: около 15 января 1852 г.) Салиас реагировала на рецензию Тургенева резко отрицательно: «На днях я была очень огорчена и теперь еще не могу без болезненного чувства вспоминать критику Тург<енева> в I № „Современника“. Тон ее не нравится — какое-то глумление и gisapement. Вдобавок есть места странные (сами прочтете — судите), и я считаю, что эта критика много наделает вреда. Если о романе отзывается так дружеский журнал, что же скажут другие — враги. Нехорошо, очень плохо со стороны Тургенева. Лучше было вовсе не писать ничего, чем писать так. Впрочем его критика нашла самых жарких заступников в лице Грановского и Феокист<ова>, что меня еще больше огорчило. Особенно не нравится мне место, где говорится, что одна женщина может решиться писать роман в 4 частях, и многие другие мысли, где речь идет о болтовне и проч. Прочтите внимательнее — вы увидите, что статья умная, но в высшей степени коварная и хитро задевающая. Весь Ив<ан> Серг<еевич> — со своим будто добродушием и ядовитостью из-за добродушия. Это очень меня расстроило» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 85 об. Письмо в копии).

³ Боткин жаловался Тургеневу: «Я по приезде все хвораю — и именно простудой желудка»; «Скучно здесь до смерти» (*Боткин и Тургенев*. С. 11, 12. Письмо от 7 января 1852 г.).

* *Вместо*: этой речи — *было*: этих лекций

⁴ См. резкую оценку Пикулина в воспоминаниях Феоктистова (приведена в 3-ем примечании к письму от 28 января 1852 г.). *Пикулин Павел Лукич* (1822—1885) — принадлежал к кругу московской интеллигенции западнической ориентации, был дружен с Грановским, А. В. Станкевичем, К. Д. Кавелиным, А. И. Герценом и др.; врач-терапевт, адъюнкт-профессор Московского университета, редактор-издатель «Вестника садоводства», с 1854 г. женат на сестре братьев Боткиных — Анне Петровне (см.: *Боткин и Тургенев*. С. 333). Б. Н. Чичерин оставил его портрет, написанный с большой симпатией: «...общий наш приятель добрый Пикулин, некогда отличный доктор, профессор Московского университета, живой, остроумный, страстный садовод, собиравший у себя также литераторов на шумные ужины...» (*Чичерин*. С. 141).

⁵ Статья Тургенева о «Племяннице» обострила разлад в московских кружках. Боткин переживал назревший конфликт как своего рода кризис сложившихся форм бытовой и духовной жизни, тех критериев, которые их определяли: «...впечатление „Разбора“ меня занимает сильно, — писал он Тургеневу 7 января 1852 г. вскоре после своего возвращения из Москвы. — Но между тем слухи до нее дошли жесткие и она заранее робеет. Я говорил об этом с Феоктист<овым> и объяснял ему это дело с его разумной стороны — именно с той, что пора, наконец, говорить с дарованием Гр<афини> откровенно, и что эту откровенность она может выдержать и даже должна, что курители фамиама могут только вредить ей и проч. Что я считаю совершенной правдой. Но он в этом деле может быть не совсем прямо смотрит. Кроме этого здесь произошли разные изменения: представь себе она почти разошлась с обществом, посещающим дом Грановских. < — К этим словам в подстрочнике письма примечание Боткина: Но не Грановскими>. Надобно признаться, что это общество состоит только из Фролова, Мих. Щепкина, Кетчера и Якушкина. Кроме самих Грановских — Гр<афиня> со всеми прочими всегда мало сходилась. Уж и не знаю, что такое было до меня, но когда я воротился в Москву, то застал уже Фролова и Кетчера враждующими против Графини, а Кетчер громко проповедывал ее исключение. Как мне кажется, — тут все дело в самолюбии. Графине скучно было между этими почтенными господами и она искала сближения с Кудрявцевым, Галаховым, Катковым, чтобы составить около себя кружок менее замкнутый и исключительный и более разнообразный. Главный источник отвержения заключался кажется в том, что Графиня осмелилась искать себе другой круг, где ей несравненно свободнее и легче и не так *въедаются* друг в друга, как делают это наши почтенные пророки...» (*Боткин и Тургенев*. С. 10—11). См. также информацию из писем Боткина к Тургеневу от 16 января, а затем 11 февраля: «Феоктистов писал к тебе, след., ты теперь совершенно au courant впечатления, произведенного на Графиню твоей критикой. Дело в том, что это сначала неприятное впечатление подтоплено было Кудрявцевым, — и за ним Катковым и Галаховым. На всех нельзя угодить, но зато большинство, все не принадлежащие к маленькому приходу Графини — решительно восхищаются ею. Жалко тут одного — того, что благое действие твоей статьи будет совершенно ослаблено сентиментальными восхищениями этих господ» (там же. С. 12); «Вчера обедал у Мих. Сем. Представь себе из разговора с Гранов<ским> узнал я, что Графиня все еще продолжает негодовать за разбор. Тут, брат, не помогут никакие объяснения и уверения, авторское самолюбие, разжигаемое хвалами сентиментального педанта (Кудрявцева. — Э. Г.) и не имеющего своего мнения Галахова — совершенно затемнили здравый смысл дамы. Она приписывает все — недоброжелательству. Гранов<ский>, которому статья твоя особенно понравилась — говорит мне вчера: „я убеждал, убеждал ее — и наконец бросил: пусть ее идет своей дорогой!“» (там же. С. 15—16). Отзвук споров вокруг статьи Тургенева о романе Салиас см. в письме Феоктистова от 18 февраля 1852 г.

⁶ Речь идет о комедии «Бедная невеста» Островского, которая в среде Феоктистова сравнивалась с драматическим этюдом «Неожиданный случай» (опубликован в альманахе «Комета», см. его состав и время поступления в продажу в 15-ом примечании к письму от 17—18 марта 1851 г.). Ср. с отзывом Боткина: «В создании этого Мерича и его достойных друзей Милашина и Хорькова явно обнаруживается перо, написавшее „Неожиданный случай“ — известный драматический этюд. Разговоры их, сцены, наполненные ими — пусты и скучны; все они образы без лиц» (*Боткин и Тургенев*. С. 22—23). На последующих страницах письма Боткин анализирует «Бедную невесту» в сравнении с «Неожиданным случаем», вскрывая один и тот же механизм развития обеих пьес.

⁷ Разочарование, вызванное «Ипохондриком», и, как следствие, прохладное отношение к этой пьесе, «Современник» объяснял, в частности, неумеренными восторгами и похвалами, которые предвосхищали ее появление. Панаев писал в февральском номере журнала: «Этой комедии предшествовали довольно громкие похвалы, возбуждающие обыкновенно преувеличенные ожидания, которым удовлетворить всегда трудно. Очень уважая талант г. Писемского, я скажу откровенно и прямо, что причина, почему комедия его принята довольно хладнокровно, заключается столько же в этих преувеличенных ожиданиях, сколько в существенных недостатках нового произведения, в основе которого замечается отсутствие серьезной и строго проведенной мысли. Сам Ипохондрик поражает безличностью: действие не развивается последовательно, не обуславливается ходом событий, но совершается вследствие обстоятельств чисто внешних, которые могут быть и не быть. Все основано на одном произволе автора, и не нужно иметь большой проницательности, чтобы подметить это. Лишенная живого и занимательного действия, из которого вытекала бы какая-нибудь завязка, комедия г. Писемского в частностях имеет однако большие достоинства. В ней есть несколько отдельно прекрасных и истинно комических сцен; в языке встречаются бойкие и меткие выражения, исполненные комизма: несколько надежды... Здесь я говорю *мы*, ибо вполне убежден, что редакция „Современника“ разделяет мой образ мыслей относительно автора „Тюфяка“ и „Комика“» (<Без подписи>. Современные заметки. Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики // Современник. 1852. № 2. Отд. IV. Смес. С. 289).

⁸ Роман Панаева «Львы в провинции», с первой частью которого читатели познакомились (4 главы) на страницах январского номера «Современника» за 1852 г. (Отд. I. Словесность). Ср. с отзывом Боткина в письме к Тургеневу от 5 марта 1852 г.: «Что это, брат, роман-то Панаева — того — опасно заболел, — едва народившись. Если он не прибавит в него жару или сатиры — то он падет сильно. А этого жаль» (*Боткин и Тургенев*. С. 28).

⁹ Феокистов просит передать Панаеву, что недовольство в московских кругах вызвала его статья «Литературный маскарад накануне нового (1852) года», написанная в сотрудничестве с другими авторами и появившаяся (под псевдонимом Новей Поэт) в первом (январском) номере «Современника» за 1852 г. (Отд. VI. С. 153—173). В этом фельетоне под видом участника маскарада выведены литературные герои, обратившие на себя внимание в 1851 г. По предположению Измайлова, одним из авторов фельетона был Тургенев и скорее всего ему принадлежат строки о романе Е. В. Салиас «Племянница» (см.: *Боткин и Тургенев*. С. 286). Предположение опирается на письмо Боткина от 16 января 1852 г.: «Ты не можешь представить себе, какой успех имеет здесь „Маскарад“. Все хохочут и я убежден, что этим хохотом обязаны тебе — я готов указать на каждую строку, на каждое слово, которые принадлежат тебе. Но я молчу об этом, полагая, что может быть тебе неприятно будет, если об этом станут говорить» (там же. С. 12—13). Развитие этой темы см.: *Громов В. А.* К истории статьи Тургенева о романе Евгении Тур «Племянница» // Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3. С. 55.

¹⁰ 12 января 1852 г. на торжественном собрании Московского университета Грановский произнес речь «О современном состоянии и значении всеобщей истории», в которой обосновал необходимость систематического построения истории как науки и сближения ее с методами других, в частности, естественных научных дисциплин (вошла в книгу: Речи и отчет, произнесенные на торжественном собрании Императорского Московского Университета 12 января 1852 года. М., 1852). Вынеся в заголовок своей рецензии название книги, Феокистов посвятил ее только речи Грановского (см.: Современник. 1852. № 2. Отд. IV. Библиография. С. 54—66), сделал акцент на сформулированных в ней задачах современного историка, на вопросах о путях формирования истории как самостоятельной науки, на полемической направленности против убеждения: «...исторические примеры бесплодны не только для массы, но и для частных деятелей, и что история, не претендуя на самобытное значение, должна быть только, если можно так выразиться, вспомогательною или памятною книгою всех прочих наук» (там же. Отд. IV. С. 56). В рецензии подчеркнута главная мысль Грановского: снять эмпиризм современной исторической науки можно лишь на путях осознания ее самостоятельных целей и создания собственного метода на основе союза с «науками опытными», на почве углубленного изучения фактов духовного мира и природы в их взаимодействии (там же. С. 63).

¹¹ О публичных лекциях профессоров Московского университета в пользу бедных студентов, прочитанных в течение января-марта 1851 г. см. 12-е примечание к письму от 17—18 марта 1851 г. Феоктистов имеет в виду книгу: Публичные лекции о<рдинарных> профессоров Геймана, Рудье, Соловьева, Грановского и Шевырева. Читаны в 1851 году в Императорском Московском университете. М., 1852. См. в этом издании: разд. IV. Четыре исторические характеристики. Публичные лекции, читанные ордин<арным> проф. Т. Грановским в 1851 году. Свою рецензию Феоктистов посвятил лишь четвертому разделу книги, в который вошли тексты лекций Грановского о Тамерлане, Александре Македонском, Людовике Св. и Бэконе (см.: Современник. 1852. № 3. Отд. III. Критика. С. 10—16). По словам рецензента, Грановский утверждал личную нравственную ответственность исторического деятеля, а значит, закономерность общественного суда над ним и его поступками. Эта идея обосновывалась им в противовес историкам, рассматривавшим историческую личность как пассивного субъекта, детерминированного объективной исторической логикой, и, следовательно, не подверженного общественному суду. Раскрывая суть подобных концепций, Феоктистов, опираясь на аргументы Грановского, писал: «Отвлеченному закону, движущему человеческие общества, дана такая сила, что пред ним должна была неметь человеческая личность и низойти на ступень простого орудия. <...> Кому из образованных людей незнакомы лекции великого историка нашего времени — Гизо? Возьмите какое угодно произведение его, например: „Cours d'histoire de la civilisation en France“, и следите, с каким огромным талантом, при исследовании деятельности всякой исторической личности, связывает он каждое деяние ее общей нитью, проходящей по эпохе ее времени. Без сомнения, велика в этом случае заслуга науки, показавшей, что каждый факт в истории человечества имеет свое значение, что в ней нет скачков и не совершается переворотов и происшествий по какому-нибудь произволу, без более глубокой причины. Дурная сторона подобного направления лежит в том, что оно породило взгляд, по которому деятельность человека в истории является чем-то пассивным; если ход человеческого развития направляется непреложным законом, если не совершается никакое дело без побудительных причин, вызвавших его исполнение, какое же значение имеет исторический приговор, основанный на нравственном чувстве? Но неужели в подобном случае достаточно ограничиться только одним объяснением факта и нег места строгому приговору, произнесенному не только над самым фактом, но и над вызвавшими его причинами? Неужели лицо, явившееся орудием его совершения, должно быть непричастно суду истории? Какое же значение получает тогда свободная воля лица, и неужели закон, по которому всякий факт не должен совершиться именно в такой-то момент, но в тот или другой промежуток времени. — неужели, повторяем мы, этот самый закон не говорит в обвинение или прославление лица? Великие люди, представители известной эпохи в развитии народа, даже всего человечества, наиболее подлежат этому суду. <...> Они обречены строгой ответственности за свои деяния» (там же. Отд. III. С. 11—12). Общий вывод Феоктистова: «При внимательном чтении этих лекций нельзя упустить особенно двух качеств: глубокого, нравственного чувства и поэтического колорита, лежащих на каждой из них. Достоинства эти ставят предлагаемые лекции на степень художественных произведений» (там же. С. 13).

¹² Бенефис Щепкина состоялся 9 января 1852 г. на сцене Большого театра (см. объявление о спектакле в № 4 «Московских ведомостей» от 8 января). В свою программу актер включил забытую пьесу гр. Ф. В. Ростопчина «Вести, или убитый живой», переведенную с немецкого Каролиной Павловой комедию «Гаррик во Франции» и еще два французских водевиля. За несколько дней до спектакля в заметке «О бенефисе Щепкина» предстоящее зрелище афишировалось «Московскими ведомостями» как многообещающее веселое театральное действо (1852. № 3. С. 3). Однако после спектакля эта же газета отозвалась о нем весьма прохладно: «О театрах сказать особенно нечего: из ряда более обыкновенных явлений выходит бенефис г. Щепкина, о котором, без сомнения, на днях же будет упомянуто в нашей газете подробно <...>, а здесь можно, кажется, безошибочно заметить вообще, что нынешний бенефис любимого всю Россию артиста едва ли не неудачнее прежних его бенефисов... Судите, как хотите, но незавидно, право, положение бенефицианта, когда нужно прибегать ему к библиографической замечательности, к литературному воспоминанию; главная же пьеса г. Щепкина принадлежит к этой категории; остальные — перевод и переделки, и все это остальное не спасается даже именем известной писательницы» (Московские ведомости. 1852. 22 янв., № 10. Без подписи).

28 января (9 февраля) 1852 г. Москва

Москва. 1852. 28 Генв.

Тургенев, что это с Вами делается? Приехавший сюда Языков говорит, что Вы лежите все больны?¹ Ведь если такое положение продолжится,* то Вас поневоле должно будет причислить к разряду старцев. Я написал Вам подробное письмо обо всем, что мы тут делаем и как живем, но не получил еще ответа. Не ленитесь — и пишите почаще, — впрочем, Вас грешно упрекнуть в лени: слышал я, что Вы написали для 2 книж<ки> «Современ<ника>» повесть.² Это похвально — жду ее с нетерпением. — Про нас сказать Вам не имею ничего: право, придется скоро ограничиваться словами «мы, слава Богу, живы и здоровы» — до того все идет скучно и туго. Критика Ваша на «Плем<яницу>» понравилась тут многим** умным людям, — но Москвитянины на нее в ярости и хотят разбирать ее. Это любопытно. Я продолжаю стоять на том мнении, что она очень хороша, несмотря на то, что графиня остается ею недовольна. Я Вам скажу главный ее grief,^a который питает против Вашей критики не она одна, но и другие, одинаково с нею думающие: нападают на несколько *покровительственный* тон, которым будто бы пропитана вся статья. Я этого не заметил и не знаю, в какой степени это справедливо. Но оставим все эти литературные турниры, — да об чем же говорить-то, кроме их? Разве о том, что Ирка теперь у меня на втором уже плане, а место ее заняла русская актриса — некая г-жа Бороздина, совершенство в своем роде, и которую Вы, когда увидите, вероятно, по безвкусию своему найдете уродом. — Берет она за себя баснословные цены, и потому ... одно лишь глазо..ничество*** выпадает на мою унылую долю. — Кроме этой неинтересной новости все по-прежнему — Боткин так же обливается ядом, Галахов так же мил и так же боится жены, Фролов³ так же отвратительно скучен и все в этом роде...

Скучно, скучно жить на этом свете, Тургенев. Я пишу Вам это письмо в каком-то нервном раздражении. Что за судьба моя! Занимаешься, так до сих пор слишком видных результатов от этого нет, да ведь занятия и не могут же отвратить и усмирить всех страстей, которые кипят в крови. От занятий вырвешься, захочешь пожуировать — средств нет, а собственная физиономия не возбуждает бескорыстных пассий... Да к тому же, прибавьте, видишь около себя какого-нибудь осла Истомина, скупца и мерзавца в высшей степени, который е..т Бороздину и, вероятно, голую... Гадко! Безнравственно!

* *Вместо:* положение продолжится — *было:* положение будет продолжаться

** *Вместо:* многим — *было:* очень многим

*** Здесь и далее сокращения в цензурных словах сделаны редактором.

^a упрек (франц.).

Пожалуйста, Тургенев, пишите, что с Вами делается и не пейте на меня за нелепое письмо. Оно хорошо по крайней мере тем, что отвечать на него нечего. Прощайте, жду от Вас письмо.

Весь Ваш Е. Феоктистов.

¹ В ответном письме Феоктистову, 29 декабря 1851 г., Тургенев сообщил о своей болезни. *Языков Михаил Александрович* (1811—1885) — в 1840-х гг. принимал участие в редакционных делах «Современника», в 1850-х гг. служил на Стекольном заводе в Петербурге, с 1862 г. был управляющим питейно-акцизными сборами Тульской, затем Калужской и Новгородской губерний; дружил со многими журналистами и писателями — Гончаровым, Тургеневым, Анненковым, Никитенко и др. См.: *Модзалевский Б. Л.* Из переписки И. А. Гончарова // *Временник Пушкинского Дома* 1914 года. Пг., 1915. С. 9—10; *Громов В. А.* Тургенев, М. А. Языков и М. Г. Бунин // *Тургеневский сборник*. Л., 1968. Вып. 4. С. 293—298.

² Рассказ «Три встречи» был опубликован во втором номере «Современника» за 1852 г.

³ *Фролов Николай Григорьевич* (1812—1855) — воспитанник Пажеского корпуса, с 1830 г. служил в лейб-гвардии Семеновском полку, по выходе из армии в чине поручика посвятил себя научным занятиям (см.: *Феоктистов*. С. 37). Современники воспринимали его как ученого-самородка — географа, переводчика (работал над переводом «Космоса» Гумбольдта), издателя журнала «Магазин земледения и путешествий». А. В. Никитенко видел в нем человека редкого труженичества и самоотвержения: «Между моими близкими знакомыми есть некто <Н. Г.> Фролов, молодой человек с замечательными качествами. Он оставил военную службу и, по моему совету, поехал в Дерпт за систематическим образованием. Ему предстояла ожесточенная борьба с латинским и немецким языками и со многими другими трудностями учебного механизма. Все это он мужественно победил. Я никого не знаю с более благородным сердцем и умом, более способным к высшему развитию» (*Никитенко*, 1. С. 184, запись от 28 мая 1836 г.). В 1838—1840 г. Фролов и Грановский в Берлине общаются с Тургеневым и М. А. Бакуниным (см.: *Гутьяр Н. М.* Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев, 1907. С. 32—33). Напомнив читателю о тургеневском портрете Фролова в «Гамлете Щигровского уезда», Феоктистов в мемуарах дал ему уничтожающую оценку: «Пикулин, Николай Щепкин (сын знаменитого артиста), Фролов, Сатин — все это было полнейшее ничтожество» (*Феоктистов*. С. 4). С Феоктистовым совпадает его университетский товарищ Бестужев-Рюмин. По его словам, Фролов «...считался Катонем в кружке, и советам посылало все следовали. Это был человек мелкий, скучный неимоверно, но вырос до сильного влияния своею видимою серьезностью» (*Бестужев-Рюмин*. С. 34). Противовес этим оценкам составляют отзывы и оценки Грановского. Задумав написать о нем посмертную статью, он в январе 1855 г. посвятил свою двоюродную сестру и жену Фролова, Анну Евгеньевну Дараган, в свой замысел: «...мне хотелось бы восстановить насколько можно, его нравственный образ, показать отношение его деятельности к его внутренней жизни. Присланная тобою статья его не открыла мне ничего нового в его характере или образе мыслей, но тем не менее она послужила мне драгоценным пособием. В этой задушевной и грустной исповеди вполне виден его взгляд на жизнь, мужественный и смиренный в одно время. Покойник не кичился и не хвастался своею силою пред ударами судьбы, но принимал их без малодушия и робости. У него был в высшей степени le courage de la résignation. Выход из собственной скорби, лекарство против нее находил он в общеползной деятельности. Он не ждал, чтобы ему представился случай сделать добро, а искал таких случаев, как другие ищут счастья и других благ жизни. <...> Я положу в это дело все сердце мое. всю глубокую мою любовь к Фролову, все умение данное мне Богом» (Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 214—215).

18 февраля (1 марта) 1852 г. Москва

18 февр. 1852.

Надеюсь, что содержание моего нынешнего письма будет интересно для Вас, любезный Тургенев, тем и потому, что я скажу Вам впечатление, которое произвело на нас вчерашнее чтение Островским его комедии: «Бедная невеста».¹ — Комедия эта одно из отличнейших явлений в нашей литературе, в которой, по моему мнению, никогда еще не было ничего в этом роде. Вы не можете себе представить, какая простота лежит на всем произведении, что не мешает, однако, разрывать вас в нем самой страшной драме. Простота и свежесть обхватывают вас со всех сторон. Лица есть великолепнейшие, хотя, увы! не могу сказать, чтоб это были лица типические. Само лицо бедной невесты возбуждает более всего толков и замечаний; может быть, и так, но на меня она произвела наиболее сильное впечатление. Но зато секретарь Беневоленский, мать и один из женихов* — обрисованы необыкновенно. Чтение имело огромный успех, и вот еще одно замечание — никому и не пришло в голову сравнить «Бедную невесту» с прежнею комедиею, — я не знаю, как-то восхищались ею без всяких сравнений и без всякой критики. Много мест возбуждают непритворный хохот. Не стану Вам рассказывать этих мест, но не могу не передать одного. Сваха рассказывает про одного 70-илетнего купца, что он хочет жениться, потому что сыновья ничего не слушаются — «запрутся, говорит, в главном доме с балконом и там у них всякий карамболь идет во всю ночь. Пьют, пьют, — а потом кто-нибудь из них выскочит на балкон, растопырит руки, закричит диким голосом, да назад. А там, гляди, немного погодя, и другой бежит, — да ведь и что ж, ни на улице, ни на балконе живой души нет, так кричат, из блажи».² — Не скажу Вам о комедии больше ничего, — потому что Вы сами скоро прочтете ее в печати.³ Не буду Вам даже передавать замечаний, что комедия не удовлетворяет многим сценическим условиям, местами растянута, сначала состоит из довольно сбивчивых сцен** и т. д. Прочтите сами и судите. Я поспешил Вам только сказать, что эта комедия Островского стоит его первой.⁴ —

Приехал сюда Катков, — говорил мне, что видел Вас и, между прочим, рассказывает, что Вы очень раздражены Боткиным, и говорите, будто бы он сам читал Вашу критику графине и указывал на жесткие места. — Вы знаете, что я Боткина считаю за порядочную дрянь, но тут не могу не сказать Вам несколько слов за него. Могу Вас уверить, что он статьи графине не читал, и в разговоре с нею об этой статье защищал Вас*** во всем. Мне, правда, он как-то раз говорил, что есть в статье жесткие места и их можно б

* *Вместо:* Беневоленский, мать и один из женихов — *было начато:* Беневоленский и два

** *Вместо:* сцен — *было:* мест

*** *После:* защищал Вас — *начато:* да и не только

было выкинуть, но все-таки это осталось между нами, а пред друзьями он был и *есть* теперь Вашим жарким защитником. Впрочем, Вы знаете, как изменчивы его мнения: когда тут вначале* многие начали защищать Вашу статью, то В<асилий> П<етрович> *roug esprit de contradiction*^a говорил человекам двум или трем, что в ней есть некоторая жесткость, но как только начали на нее нападать, — он явился жарким ее защитником. В отношении же к графине могу Вас уверить — роль его была постоянно одинакова. Поэтому, если Вы на него сердиты, то это совершенно несправедливо. Я рассказал Вам все это потому, что, кроме меня, разумеется, никто не мог лучше знать, что он говорил графине и чего не говорил.⁵ —

Теперь о другом. — Шумский был вчера также на чтении и говорит, что в свой бенефис — в будущем сентябре, — он ставит Ваши две комедийки: «Безденежье» и «Где тонко, там и рвется». Милый Тургенев! Во-первых, «Где тонко, т<ам> и рв<ется>» — здесь не сыграют. Роль Веры отдадут опять Рыкаловой и это будет ужас! Потом «Безденежье» само по себе слишком незначительная сцена, чтоб иметь успех на сцене.⁶ Вследствие всех этих причин, я обещал Шумскому попробовать дело несбыточное и трудное — заставить Вас (другого слова не могу приискать — разве можно Вашу лень об чем-нибудь просить) написать ему маленькую комедию для бенефиса — хоть ту, которая у Вас сложилась в голове под названием «Шарфа».⁷ Я ведь уж знаю Вашу натуру — особенно теперь, когда Остров<ский> издает свою комедию, — Вы начнете сей час восклицать: где уж тут нам братья за комедию и т. п. Оставьте этот вздор — не ленитесь! Скажу Вам сушью правду — кроме зимы — Вашу «Провинциалку» давали три раза на здешнем театре во время Масляницы.⁸ Это бывает только с пьесами, имеющими огромный успех. Отчего ж бы Вам не захотеть поискать еще успеха? —

Вчера М. С. Щепкин говорит — «что Тургенев делает в Петербурге? Отчего бы ему не приехать в Москву?...» Я сам то же думаю, но знаю, что Вы неисправимы и Вас не уговоришь. Неужто Вы сомневаетесь, что не найдете тут хороших приятелей и друзей? Вы знаете, как я к Вам привязан, — люблю Вас, — но если моего общества Вам мало, то Вы найдете тут Боткина, любящего Вас как только может он любить своим дряблым сердцем, Щепкина, Кетчера, Грановского и т. д. (Замечу мимоходом, что Гранов<ский> самый жаркий защитник теперь Вашей критики). — Что ж Вы сидите в Петербурге. Неужели Вам не надоело в этом болоте, где Вы только безжалостно хвораете? О несчастный человек!

Ах, и забыл. Завтра бегу, бегу в театр. Какой-то Келлер⁹ будет, говорят, показывать фигуры чуть не из голых женщин. Алчу и жажду этого зрелища. — Надо только достать вполне совершенный бинокль. —

* *После*: когда тут вначале — *начато*: наши <I нрзб.> напали <?> на статью
^a из духа противоречия (*франц.*).

Больше сказать ничего не могу. Впрочем, Вы, кажется, не можете пожаловаться на мое молчание и малословие.* А от Вас, за годя, по месяцу не дожدهшься ни строчки!

Прощайте, будьте веселы, здоровы и... Хотел было сказать — приезжайте в Москву, но вспомнил, что с этой стороны Вы неисправимы. —

Ваш Е. Феоктистов.

Притиска Е. В. Салиас:

Я слышала от Катк<ова>, что Вам неприятно то впечатление, которое произвела на меня Ваша критика. На это я скажу Вам одно: пора и Вам и мне забыть ее. Ужели мы станем разыгрывать Монтекки и Капулетти (Ваше любимое выражение) из-за журнальной статьи; я тем более не могу сердиться, что роман мой покупается, след<овательно>,** критика не такова, чтобы навредить ему, — а Вы знаете *для меня*, особенно теперь, и деньги, если не лучше, то идут наравне с молвою, то есть тем, что называется известностью.¹⁰ Итак, позвольте мне протянуть Вам руку, — и очень искренно. Что прошло — прошло — и без следа: я не так мелочна, чтобы сердиться на доброго приятеля из пустяков, — и, если Вы мне не верите, то, надеюсь, наше первое свидание будет таково, что убедит Вас. —

¹ См. о «Бедной невесте» примечание к письмам Феоктистова от 24 декабря 1851 (6-е) и от 14 января 1852 г. (6-е).

² Ср.: «*Картины*»: Да что, матушка, дети одолели. Ведь у него дети-то поди-ка какие. Сам-от он в большом доме не живет, знаешь, что с балконом-то. Сыновья-то там запрутса, да и пьют. кранболь у них там всякий идет. Да что ж выдумали: выскочит это который-нибудь на балкон, глаза вытарашит, руки подымет, закричит страшным голосом да назад; потом, погода немного, другой, так и прокуратят. Что хорошего!» (*Островский*. Т. 1. С. 143. Д. 1. Явл. 8).

³ О тургеневской оценке «Бедной невесты» см. 4-е примечание к письму Феоктистова от 7—8 марта 1852 г.

⁴ Отзыв Феоктистова ср. с оценкой Боткина «Бедной невесты» в письме к Тургеневу от 27 февраля 1852 г.: «Посылаю тебе на всякий случай легкий взгляд на новую комедию Островского <...> Здесь мнения о ней разделились — Кудрявцев и за ним разумеется милейший наш Галахов — находят „Бедную невесту“ превосходным произведением, очень трогательным и т. п. Я нынче утром имел уже сильный спор об этом с Галаховым, — который наконец во многом начал соглашаться со мной. <...> Прежде всего должен я сказать, что на всей комедии лежит какой-то холодный и сухой колорит и несмотря на дагеротипную меткость и верность языка постоянно чувствуется бедность фантазии. Эти фразы и лица не имеют никакой перспективы. Для меня — это произведение большого, почтенного труда, а не творчества, — доказательство: в этой комедии нет и тени веселости и ни капли поэзии. Главное лицо, — бедная невеста, — не внушает к себе участия, потому что не веришь ей, от нее пахнет сочинительством, а не живым человеком. Идея комедии — кажется состоит в том, чтоб представить тяжкое положение бедной девушки мелкого чиновничьего круга...» (*Боткин и Тургенев*. С. 21—22).

⁵ О восприятии в московских кругах статьи Тургенева, посвященной роману Салиас «Племянница», см. 2-е и 5-е примечания к письму Феоктистова от 14 января 1852 г.

* После: молчание и — *ничато*: бедно <?>.

** После: след<овательно>, критика — *1 сл. заретушировано; последующая фраза*: не такова, чтобы — *вписана*.

⁶ 6 марта 1852 г. Тургенев обратился к Шумскому с просьбой «...чтобы покорно просить гг. артистов московской труппы не ставить на сцену моих двух пьесок: „Где тонко, там и рвется“ и „Безденежье“ — которые недавно здесь давали». Просьба была обоснована тем, что ни одна из этих пьес не имела успеха на петербургской сцене. «Их дали, можно сказать, против моей воли — и я повторяю, мне было бы весьма неприятно, если б эти две, уже давно мною написанные вещи, повторились на каком бы то ни было театре» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 126). Комедию «Где тонко, там и рвется» Шумский сыграл в свой бенефис в Малом театре 5 ноября 1852 г. (*Летопись (1818—1858)*. С. 217).

⁷ Феокистов неоднократно напоминал Тургеневу о комедии «Шарф», которую ждали от него московские актеры (см. 10-е примечание к его письму от 17—18 марта 1851 г.).

⁸ В «Ведомостях Московской городской полиции» обнаружено лишь одно объявление о постановке «Провинциалки» 5 февраля (вторник) 1852 г. на сцене Малого театра (см.: 1852. 4 февр., № 29).

⁹ Парижская труппа Г. Л. Келлера показала живые картины в Малом театре 19 и 21 февраля (Московские ведомости. 1852. 15 февр., № 37; 16 февр., № 38; 18 февр., № 39). Фельетонист «Ведомостей московской городской полиции» сообщал: «...мы видели в театре сначала живые группы Келлера, собравшие многочисленных зрителей в первое представление, и значительно опустевший — при втором...» (1852. 10 марта, № 57. С. 1).

¹⁰ В мемуарах Феокистов рассказ о материальном положении Салиас: муж ее потерял весь полученный в приданое капитал, состояние родителей к этому времени пришло в расстройство. Львиную долю из того, что уцелело, забрал в свои руки ее брат Александр Васильевич Сухово-Кобылин — см. портрет его и рассказ о тяжелой обстановке в доме Кобылиных в «Главе из воспоминаний Е. М. Феокистова» (*Атлей*. С. 110—114). А. В. Кобылин был в дурных отношениях с Елизаветой Васильевной и не давал ей ни копейки под тем предлогом, что свою часть наследства она получила при вступлении в брак. «Графиня Салиас очутилась в весьма затруднительном положении и, поселившись в небольшом домике на 1-й Мещанской улице, жила на средства, которые уделяла ей сестра Евдокия Васильевна, находившаяся в замужестве с весьма богатым человеком — Петрово-Соловово» (*Феокистов*. С. 366). На свой литературный труд Салиас вынуждена была смотреть еще и как на источник заработка.

15

25 февраля (8 марта) 1852 г. Москва

Тургенев, сейчас получил Ваше письмо,¹ и думаю, что мое еще успеет попасть на почту. Благодарю Вас за письмо Ваше, — давно я не получал ничего милее этого. Но дело не в том — весь интерес теперь в Гоголе. Вчера мы похоронили его.² Вся Москва решительно была на похоронах. Огромная Университетская Церковь не вмещала народу, — кроме Назимова, Закревский³ и пр. были в полных мундирах, — также профессора, которые некоторое время несли гроб и передали его потом студентам и прочему народу. Гроб не дали ставить на колесницу и на руках донесли его до могилы в Даниловом монастыре, верных 6 верст.⁴ Я нес его до могилы и опускал в нее гроб. Пишу Вам эти подробности, потому что в них наиболее выразилось страшное уважение к Гоголю. Когда тело его лежало в Университете, церковь была открыта, и даже ночью приходил народ поклониться ему.⁵ Можно сказать, что вся Москва перебивалась у гроба. Он лежал в лавровом венке, а в руках был букет иммортелей. Я сорвал листок с венка и взял цветок иммортелей — на память.⁶ Теперь

другие подробности.* Как Вы полагаете, слухов об оставшихся сочинениях — бездна. Достоверно то, что он все сжег.⁷ Но вчера единогласно говорили, что у гр. Толстого,⁸ его главного друга, у которого он жил и умер, остался запечатанный пакет, который откроют через 6 недель. Что в нем — неизвестно. Достоверно известно только то что 2 часть «Мертв<ых> душ» сожжена. В последнее время Гоголь занимался огромным сочинением: Толкование на литургию, — не оно ли осталось?⁹ — Чтоб дать Вам понятие об графе Толстом — вот его поступок: он не хотел Гоголя хоронить в Университетской Церкви, и когда его перенесли туда, он отказался взять погребение на свой счет, говоря: «если так, то пусть хоронит, кто хочет» — и его хоронили на счет Университета. Похороны, впрочем, были великолепны. Погодин не был тогда в Москве, а Шевыреву еще и теперь не говорят о смерти Гоголя, ибо он сам болен тифом. Но Аксаковы и Хомяков — великолепны — когда-нибудь и услышите об их похождениях.¹⁰ Много рассказывать! Теперь все спрашивают гоголевского мальчика о подробностях его жизни, но он, кажется, понял свое интересное положение и развивает в себе Хлестакова.¹¹

Писать теперь более не могу — но скоро напишу Вам еще более подробное письмо. Графине не показывал еще Вашей приписки, ибо она спит.

Благодарю, что Вы намерены, если можно, исполнить мою просьбу.

Грановский сказал Боткину, что [Вы сер]диты на него, и он хотел сам [Вам?] писать.** Не знаю, писал ли.

Тысячу раз жму Вам руку. Прощайте — и не забывайте Вашего

Е. Феоктистова.

Шумскому скажу.

На обороте письма:

В Петербург. На углу Малой Морской и Гороховой, дом Гиллерме, квартира под № 9.

Его Высокоблагор<одию> Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Письмо не датировано. На правом поле первого листа неустановленным лицом сделана карандашная помета: 1852. 27 февр., совпадающая с петербургским почтовым штемпелем: Получено 185<2>. Февр. 27. Вечер. Датируется по содержанию письма: (день похорон Гоголя). Дата подтверждается московским почтовым штемпелем отправления: <Мо>сква, <фе>вр. 25. Текст письма (на втором листе) поврежден сургучным почтовым штемпелем.

¹ Письмо Тургенева неизвестно.

² Гоголь умер поутру 21 февраля (4 марта) 1852 г., в четверг, на второй неделе Великого Поста. Похоронен 24 февраля (7 марта), в воскресенье.

³ Назимов Владимир Иванович (1802—1874) — к 1852 г. попечитель Московского учебного округа и председатель Московского цензурного комитета (1849—1855), позже (с 1855) — Виленский военный губернатор, Гродненский, Минский и Ковен-

* После: подробности. — начато: Говорят

** В прямых скобках восстановленный текст, поврежденный сургучными печатями.

ский генерал-губернатор. Послужной список графа *Закревского Арсения Андреевича* (1783—1865) отражает его «отличие» под Аустерлицем и в ряде других сражений в течение 1807—1810 гг. и Отечественной войны (за Бородино — орден Св. Владимира 3 ст., за сражение под Парижем — орден Св. Анны 1 ст.). С 1821 г. — Финляндский генерал-губернатор и командир Финляндского корпуса. 25 декабря 1825 г. награждается орденом Св. Александра Невского, а 1 июня 1826 г. получает высочайшее повеление присутствовать в Верховном суде «для суждения злоумышленников, покушавшихся на ниспровержение Престола и Государственного порядка». С 1828 г. — министр внутренних дел. В 1831 г. увольняется со службы, но с 1848 г. — генерал-адъютант при императоре и военный генерал-губернатор Москвы (до 1859), через полгода — член Государственного Совета. В 1849 г. — пожалован орденом Андрея Первозванного и орденами знаками Белого Орла, в 1851 г. — орденом Св. Владимира (Российский государственный исторический архив, ф. 1162, оп. 6, № 197).

⁴ Картину этого дня восполняет письмо Салиас к М. А. Максимовичу, также написанное по свежим следам пережитых вместе с Феоктистовым событий — на следующий день после похорон Гоголя: «В Субботу, на утренней и вечерней панихиде был весь город и все сословия. <...> В Воскресенье было отпевание тела. Стечение народа было так велико, что стуженные массы стояли до самых почти местных образов. Граф Закревский, в полном мундире (генерал-губернатор Москвы), попечитель Назимов, генерал Шипов, генерал Перфильев присутствовали при отпевании, так же, как и все известные лица города. <...> Из церкви профессора: Анке, Моршхин, Соловьев, Грановский, Кудрявцев вынесли его на руках до улицы, на улице толпа студентов и частных людей взяла гроб из рук профессоров и понесла по улице. За гробом пешком шло несметное число лиц всех сословий; прямо за гробом попечитель и все университетские чины и знаменитости; дамы ехали сзади в экипажах. Нить погребения была так велика, что нельзя было видеть конца поезда. До самого монастыря Данилова несли его на руках» (*Данилов В. В.* Графиня Сальяс и Максимович. Письмо графини Е. В. Сальяс о кончине Н. В. Гоголя // *Русский архив*, 1907. № 11. С. 438).

⁵ Феоктистов, по свидетельству Салиас, принимал участие в переносе тела Гоголя в университетскую церковь: «...в Пятницу вечером, — писала она Максимовичу, — попечитель, профессора, студенты и множество лиц из всех кругов пришли в комнаты покойного и вынесли тело его в Университетскую церковь. Тело было вынесено Островским, Бергом, Феоктистовым, студентами Сатинным, Филипповым, Рудневым, и несено до самой церкви, при просьбах других лиц, добивавшихся чести нести его, хотя несколько шагов. Оно было поставлено на катафалк в Университете...» (*Данилов В. В.* Графиня Сальяс и Максимович. С. 437). «Я рад, что его хоронили в университетской церкви, — писал Тургенев Феоктистову 26 февраля 1852 г., — и действительно нахожу вас счастливыми, что удостоились нести его гроб. Это будет одно из воспоминаний вашей жизни» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 124).

⁶ Ср.: «Гроб был усыпан камелиями, которые принесены были частными лицами, уважавшими покойника. На голове его лежал лавровый венок, в руке огромный букет из цветов immortelles. Когда надо было проститься с ним, то напор всех был так велик, что крышу накрыли силой. Всякий хотел поклониться покойнику, поцеловать руку его, взять на память хотя стебель цветов, покрывавших его изголовье» (*Данилов В. В.* Графиня Сальяс и Максимович. С. 438).

⁷ Свои бумаги Гоголь сжег в ночь с 11 на 12 февраля в присутствии слуги Семена (*Гоголь*. С. 711). В письме к П. Виардо от 21 февраля (4 марта) — 4 (16) марта 1852 г. (в приписке 4 (16) марта) Тургенев назвал этот акт «нравственным самоубийством» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 123, 387). Иначе взглянул на это событие Боткин: «Гоголь положительно сжег все и после него ничего не остается. Mais tout bien considéré — я думаю, что его поприще было покончено. Он уже во 2-м томе „Мертвых душ“ — старался выводить все идеалы — а с 1847 года его внутренняя ясность еще более помрачилась. Разумеется, жаль, — но нового он уже ничего не был в состоянии прибавить к написанному им» (*Боткин и Тургенев*. С. 26—27).

⁸ *Толстой Александр Петрович* (1801—1873) — генерал-лейтенант, губернатор Тверской (1834—1837) и Одесский (1837—1840), позже — обер-прокурор Синода (1856—1862), член Государственного Совета. Адрес дома Толстого, в котором скончался Гоголь: Никитский бульвар. Дом Талызиной (ныне: д. 7 по Суворовскому бульвару).

⁹ В бумагах Гоголя, кроме черновых набросков глав второго тома «Мертвых душ» были найдены рукописи без заглавий (позднее названы С. П. Шевыревым): «Авторская исповедь» (1847 г., впервые опубликована в кн.: Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти. М., 1855) и «Размышления о Божественной Литургии» (не завершена; хронология работы: замысел — зимой 1843—1844 гг., активная работа — в 1845 г., в конце 1840-х гг. написано «Вступление»; впервые изданы П. А. Кулишом с цензурными коррективами: Размышления о божественной литургии Н. В. Гоголя / Издал П. А. Кулиш. СПб., 1857; по подлинным рукописям «Размышления...» впервые напечатаны Н. С. Тихонравовым в 1889 г. в 4-м томе десятого издания сочинений Гоголя) (см.: Воронцов В. А., Виноградов И. А. «Авторская исповедь»; Размышления о Божественной Литургии // Гоголь. Т. 6. С. 475; 528—532, то же: Гоголь Н. В. Духовная проза. М., 1992. С. 508; 511—518).

¹⁰ Из письма Д. Н. Свербеева к Е. А. Свербеевой от 26 февраля 1852 г.: «К стыду и сожалению, наши общие приятели — Хомяков, Кошелев и другие, т. е. Самарин, Аксаковы, вздумали было оспаривать желание университета и настоятельно требовать, чтобы Гоголя отпевали в приходской церкви. По обыкновению, кричали, спорили, шумели, многих рассердили, тех, которые поумнее, насмешили, и не успели ни в чем. Решительно, их раздражение доходит до крайности и, к великому несчастью, вносится в общественную и частную жизнь. <...> Ты не можешь себе представить, какой невыгодный для себя произвели все они говор по городу...» (Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952. С. 747 (Лит. наследство; Т. 58)). См. также письмо Н. Ф. Павлова к А. В. Веневитинову от 1 марта 1852 г. (Н. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях / Сост. В. Гиппиус. М., 1931. С. 457—458).

¹¹ В публикации Л. Р. Ланского приведен фрагмент письма матери Гоголя к С. П. Шевыреву, строки из которого подтверждают характеристику Феоктистова, данную им крепостному мальчику Семену — слуге Гоголя. 30 января 1853 г. М. И. Гоголь писала: «Мальчик <...> сделался так избалован, что я не узнавала его после того, как он служил у моего сына» (Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 744).

16

3 (15) марта 1852 г. Москва

3 марта. 1851.

Милый Тургенев, — завтра утром посылаю Вам по тяжелой почте литографированный здесь портрет Гоголя — во гробу,¹ — очень изрядно сделанный. Продавался он здесь студентами в очень малом количестве. Я чувствую и знаю, как тяжела была для Вас особенно эта наша великая потеря, и потому не считаю лишним доставить Вам все, что дает наималейшее воспоминание об Гоголе. Когда он лежал в гробу, то, как Вам известно, в руках его был букет иммортелей. Во время прощания около гроба сделалась просто драка. Всякий хотел* не только проститься с ним, но и достать себе, хоть ветку из его букета. Я достал одну ветку также, и вместе с портретом получите цветок с этой ветки.

Что сказать Вам? Тяжело и скучно. Очень заинтересовали в Вашем письме слова об тех обстоятельствах, которые Вас подготовили к смерти Гоголя. До сих пор мы тут не имеем и понятия о этих обстоятельствах.² —

Шумскому вчера передал Ваше желание.³ Разумеется, он с радостью не даст Ваших пиес, если Вы ему напишете запрет, но дело

* *Вместо: хотел — было начато: охот<ился>*

вот в чем: другие могут дать. Потому, если это Вам нежелательно, то пришлите ему записку, в которой напишите, что Вы обращаетесь ко всем здешним артистам чрез посредничество г. Шумского с просьбою не давать* Ваших пьес на Москов<ской> сцене. Я передам ему эту записку, и дело будет слажено.

Об Гоголе подробностей более никаких. Все, все сожжено.⁴ Все надежды найти что-нибудь рушились. Скоро выйдут его сочинения новым изданием. Оно будет состоять из 4 томов, слово в слово как прежде. Они хотели прибавить, как говорит Шевырев, 5-й том совсем из новых вещей, неизвестных еще публике, но после его смерти ничего не отыскали, и выйдут только 4 тома.**⁵ —

Ужасно скучно! Право, Тургенев, поверьте мне, — никогда еще не хотелось мне Вас видеть avec une telle rage comme aujourd'hui.^a Когда-то Вы приедете. Если нельзя быть никак ранее 10 апреля,^{***} то, пожалуйста, не откладывайте, хоть к 10 апреля,⁶ а то я знаю Ваши сборы! Все-таки мы тут собрались бы и по душе потолковали бы обо всем. Нетерпеливо жду Вас.

Графиня все нездорова и скучна. Напишите ей что-нибудь.

Стихи Некрасова⁷ очень хороши и Ваша статейка⁸ тоже. Благодарно и прилично. Что же она не печатается.

Забыл совсем: когда я пишу [к]^{****} Вам, около меня^{*****} ле[жит] маска, снятая с мертво[го] [Гогол]я — Рамазановым.⁹ Страшное схо[дство]. Посылать в Петерб<ург> боюсь — расшибется, а к приезду Вашему приобрету для Вас.

Прощайте, милый Иван Сергеевич. Пишите, пожалуйста, а главное не откладывайте своего приезда. Тут найдутся люди, которые сердечно будут Вам рады. Жму Вашу руку.

Е. Феоктистов.

На обороте письма:

В Петербург. На углу Малой Морской и Гороховой, дом Гиллерме, квартира под № 9.

Его Высокоблагородию Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Письмо ошибочно датировано Феоктистовым 1851 годом. На колонтитуле листа рукой неустановленного лица карандашная помета: 1852. День отправления устанавливается по почтовому штемпелю: Москва <Год нрзб.> <Мар>та 3, день получения — по петербургскому штемпелю: Мар<та>. 4. Год написания уточняется по содержанию и по связям с предшествующим письмом от 25 февраля 1852 г. Бумага (второй лист) разорвана сургучной печатью, текст слегка поврежден.

¹ Из письма сотрудника «Московских ведомостей» А. Н. Костылева из Москвы к П. И. Бартневу от 9 марта 1852 года: «Литографированный портрет с подписью „Н. В. Гоголь во гробе“ и fac-simile вышел и продается, кажется, по полтиннику <...> Этот портрет снят, должно быть, младшим Самариним; другой портрет

* *Вместо:* с просьбою не давать — *было:* не давать

** *Вместо:* 4 тома — *было:* 5 томов

^a так бешено, как сегодня (*франц.*).

*** *Вместо:* ранее 10 апреля — *было:* до 10 апреля.

**** Здесь и далее в прямых скобках воспроизведены фрагменты текста, поврежденные сургучными печатями.

***** *Вместо:* около меня — *было:* у меня

делала Павлова» (Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952. С. 752. (Лит. наследство; Т. 58)).

² Строки: «Очень заинтересовали в Вашем письме слова об тех обстоятельствах, которые Вас подготовили к смерти Гоголя. До сих пор мы тут не имеем и понятия о этих обстоятельствах» — реакция на слова Тургенева из его письма Феоктистову от 26 февраля 1852 г.: «... в *этой* смерти *этого* человека кроется более, чем кажется с первого взгляда — и мне хочется проникнуть в эту грозную и горестную тайну. Меня это глубоко поразило — так глубоко, что я не помню подобного впечатления. Притом я был подготовлен другими обстоятельствами, которые вы, вероятно, скоро узнаете — если уже не узнали» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 123—124).

³ См. 6-е примечание к письму от 18 февраля 1852 г.

⁴ 29 февраля 1852 г. Феоктистов писал Бестужеву-Рюмину: «Ты уже знаешь нашу страшную потерю. Гоголь умер, унеся с собою в могилу все наши лучшие надежды и предания. Все сожжено им. Сколько в его, погибших теперь для нас бумагах, должно было заключаться драгоценного! За полтора месяца до его смерти Погодин видел между его тетрадями — комедию: Владимирский крест и Путешествие русского генерала по Риму. И все это безвозвратно погибло. Графиня тебе, кажется, писала подробности его смерти» (РО ИРЛИ, № 25156, л. 13).

⁵ Речь идет о судьбе начатого Гоголем, при содействии С. П. Шевырева, второго, в 5 тт., собрания его сочинений (см. 10-е письмо). Позже оно было закончено Н. П. Трушковским (6 тт., 1855—1856). О его составе: Сочинения Н. В. Гоголя. Изд-е 10. М., 1889. Т. 1. С. XV—XVI.

⁶ Отклик на реплику из письма Тургенева к Феоктистову от 26 февраля 1852 г.: «Но об этом когда-нибудь при личном свидании... А оно будет довольно скоро, если ничего не случится — около 10-го апреля я в Москве — на Фоминой неделе» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 124). К 10 апреля Тургенев в Москву не приехал, 16 апреля последовал его арест (см.: там же. С. 463).

⁷ Имеется в виду написанное на смерть Гоголя по мотивам лирического отступления в «Мертвых душах» (т. 1, гл. VII) стихотворение Некрасова «Блажен незлобивый поэт...». В печати появилось в третьей, мартовской, книжке «Современника» за 1852 г. (с. 147—148), с датой: «25 февраля 1852 года». В издании: «Н. А. Некрасов» (СПб., 1877; серия «Русская библиотека»; Т. 7) под текстом дано: «В день смерти Гоголя 21 февраля 1852». Подробнее: Некрасов. Т. 1. С. 605—606. Далее см. 8-е примечание.

⁸ В письме от 26 февраля 1852 г. Тургенев писал Феоктистову: «Я послал Боткину стихи, внушенные Некрасову вступью о смерти Гоголя; под впечатлением их, написал я несколько слов о ней для „С.-Петербургских ведомостей“, которые посылаю Вам при сем письме, в неизвестности — пропусти ли их и не исказит ли их цензура» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 124). Предназначавшиеся для «Санкт-Петербургских ведомостей» «несколько слов», или, как пишет, Феоктистов, «статейка» о кончине Гоголя были запрещены петербургской цензурой. Мотивы и обстоятельства запрещения статьи Тургенев осветил, в частности, в письме от 3 марта 1852 г. к И. С. Аксакову: «...да будет Вам достаточно знать, что почелить здешнего университета г. Мусин-Пушкин не устыдился назвать Гоголя публично писателем лажейским. Это случилось на днях по поводу нескольких слов, написанных мною для „СПб. ведомостей“ о смерти Гоголя (я их послал Феоктистову в Москву)» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 125). В этот же день Тургенев обратился к Боткину с вопросом, нельзя ли «попробовать напечатать то, что я написал о Гоголе (разумеется, без подписи) в „Московских ведомостях“, как отрывок из письма отсюда?». При этом он осведомился: «Показывал ли Феоктистов мою статейку о нем?» <т. е. о Гоголе> (там же. С. 126. Письмо сохранилось во фрагменте, см. 1-е примечание к письму Феоктистова от 7—8 марта 1852 г.). 5 марта Боткин сообщил: «...хочется сказать, что статейка твоя (прекрасная), — здесь непременно будет напечатана в Моск. Ведомостях, об этом завтра же извещу Феоктистова, чтобы он ее отдал Каткову» (Боткин и Тургенев. С. 26). О дальнейшем развитии событий см. 6-е примечание к письму 7—8 марта 1852 г. В мемуарах Феоктистов замалчивает факт присылки ему статьи о Гоголе (см. об этом во вводной статье к публикации).

⁹ Посмертную маску с Гоголя 21 февраля снял скульптор Николай Александрович Рамазанов (1817—1867). Хранится в музее ИРЛИ. Фотографию с нес см.: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 745. Хроника жизни и творчества Гоголя фиксирует его встречу с Рамазановым 9 января 1852 г. на бенефисе Щепкина в Московском

Большом театре (Гоголь. Т. 9. С. 709). Через два года после смерти Гоголя скульптор создал его мраморный бюст (1854 г.; Третьяковская галерея).

17

7 (19)—8 (20) марта 1852 г. Москва

7 марта. 1852.

Милый Тургенев, — в последнем письме к Боткину! Вы говорите, что будете на другой день писать ко мне. До сих пор письма я не получил, но все-таки, не дождавшись его, хочу поговорить с Вами о многом. Вы знаете, что я человек простой, — не люблю подходить изгибами, — потому приступаю прямо к тому, что наиболее меня интересует: графиня с детьми и со мною едет в начале мая в Крым! Это уже решено. С нею будет Кудрявцев и его жена. Видите ли, общество будет изрядное для вояжа, — но это еще не все: Боткин почти решился ехать также.² Ему уже давно хочется сделать маленькую поездку куда-нибудь из Москвы летом, — за границу не пустят, так в этом случае самое лучшее, по нашему, и, к счастью, по его мнению, — поездка в Крым. Что бы Вам?... Я говорил Боткину, — он отвечал, что это райская мечта, но говорить Вам об ней нечего, ибо Вас разве рычагами можно своротить с места на такую длинную поездку... А уж как бы хорошо-то было! Поехали бы все вместе, — и, признайтесь откровенно, ведь редко можно сделать поездку в Крым в столь приятном обществе. В вояже даже про Кудрявцева можно забыть, что он написал «Судьбы Италии»,³ и с ним будет весело... Представляю Вам все это на разрешение и жду с Боткиным от Вас ответа.

Сбросьте с себя обычную лень, — ей Богу, в Крыму Вам веселее будет провести время, нежели ходить на охоту за чижами в своей деревне. Мы там передем Геллеспонт и отправимся с Вами на охоту за леопардами и тиграми в Малой Азии. — Нанять квартиру Вам* было бы не нужно, ибо в распоряжении графини будет большой дом и всем найдется место. Я говорил о всех этих предположениях графине, и она нашла их превосходными и думает, что сделать вояж в обществе Вашем и Боткина, — верх наслаждения! Решайтесь... —

Что сказать Вам еще? «Современника» еще тут нет, и потому я не знаю еще Вашего отзыва о комед<ии> Островского, — но в ожидании его — досаду** на себя страшно!⁴ Верно, мне суждено не иметь никогда прямого эстетического чутья, — теперь я нахожу комедию далеко не так хорошею, как прежде. Недоделки в ней убивают даже достоинства, и я желал бы, чтобы Вы ее пощелкали.

Шумский ждет от Вас комедию.⁵ — Я с ним часто теперь вижусь — хорошо сошелся. Это чрезвычайно тонкий и умный человек и хороший малый в обществе. Но эгоизм и сухость его сердца —

* *Вместо:* Нанять квартиру Вам — *было:* Наняли бы квартиру всем вмест<е>

** *Вместо:* досаду — *было:* мечусь <?>

необычайны. Мне кажется, что он никогда не может быть ни любовником, ни хорошим другом. Интерес какого бы то ни было роду, но я у него — всегда прежде всего.

Статьеку Вашу отдал Каткову.⁶ Он покажет ее Назимову и напечатает ее, если будет позволение. —

Прощайте, милый Тургенев! Когда же это Вы будете в Москву,⁷ — нельзя ли даже пораньше Фоминой? — Напишите мне, пожалуйста, поскорее насчет Крыма. Что если... Будьте в ожидании этого здоровы и веселы. — Графиня Вам кланяется, а Вы от меня поклонитесь Панаеву.

Преданный Вам всю душою

Е. Феокистов.

8 марта.

Сию минуту получаю письмо Ваше от 5 марта. Шумскому записку завтра же передам. — Уж Вы теперь отступаете: говорили прежде, что приедете к 10, а теперь назначаете срок от 10—15. — К ужасу своему заметил, что Вы уже делаете предположения насчет охоты весною. Какая тут охота! В Крым надобно. *Italiam, Italiam...* И новую собаку возьмем туда.

Прощайте еще раз, мой милый Иван Сергеевич.

На обороте письма:

В Петербург. На углу Малой Морской и Гороховой, дом Гиллерме, квартира под № 9.

Его Высокоблагородию Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Дата петербургского почтового штемпеля: *мар<та> 10*. Бумага повреждена сургучным почтовым штемпелем.

¹ «Последнее письмо», то есть письмо Тургенева к Боткину от 3 марта 1852 г., как известно, было перлюстрировано. Сохранился лишь его «гоголевский» фрагмент. О судьбе этого послания Тургенева см. примечание Н. В. Измайлова при участии Т. Б. Трофимовой (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 464—465). См. 8-е примечание к письму Феокистова от 3 марта 1852 г.

² Чета Кудрявцевых, как и В. П. Боткин, в Крым не поехала.

³ См. 4-е примечание к письму Феокистова от 30—31 марта 1851 г.

⁴ В третьем (мартовском) номере «Современника» Тургенев откликнулся на комедию Островского статьей «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“», дав ей весьма сдержанную оценку (см.: *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 4. С. 663—667). Феокистов устыдился своих восторгов по поводу этой комедии. Ср. с информацией Боткина о восприятии пьесы в московских кругах в письме к Тургеневу от 5 марта 1852 г.: «Сейчас воротился домой, — первый час ночи — и нашел твое письмо, которое меня очень усладило тем, что тебе понравилось то, что я писал о „Невесте“ Островского. Она здесь, разумеется, кроме кружка безусловных обожателей Островского — весьма холодно принята. По крайней мере с высказанным мною мнением согласились все наши приятели — а теперь пристал к нему и Галахов; а потом известно мне, что на чтении у гр. Сологуб — (Самариной) она тоже имела едва-едва succès d'estime. Феокистов, который был сначала полезен на стену, теперь совестится и говорит: „как это я дал такого маху“. Вот тебе и впечатление „Невесты“. Но слышно, что Григорьев „утратил последнюю каплю рассуд-

ка, остававшуюся у него“ — восторгаясь чтением сего произведения, в котором усматривает — целые миры» (*Боткин и Тургенев*. С. 26). См. примечания к письмам Феоктистова от 24 декабря 1851 г. (6-е), 14 января (6-е) и 18 февраля 1852 г. (1-е—4-е).

⁵ Комедию «Шарф». См. письма Феоктистова к Тургеневу от 17—18 марта 1851 г., от 18 февраля, 24 марта 1852 г.

⁶ Феоктистов передал Каткову, редактору «Московских ведомостей», запрещенную в Петербурге статью Тургенева о смерти Гоголя. 13 марта она появилась в «Московских ведомостях» под названием «Письмо из Петербурга» за подписью «Т.....ъ» с пометой: 24 февраля 1852 г. С.-Петербург (1852. № 32). О событиях, предшествующих этому факту, см. 8-е примечание к письму от 3 марта 1852 г.

⁷ Тургенев должен был приехать в Москву к 10 апреля. См. 5-е примечание к письму от 24 марта 1852 г.

18

24 марта (5 апреля) 1852 г. Москва

24 марта. Москва.

Извините меня, милейший Иван Сергеевич, — за то, что я так долго не отвечал на Ваше письмо. Графиня сделалась очень больна, и к тому у нее умерла одна ее родственница и хорошая приятельница, — та самая, у которой в Туле жила ее дочь, — все это так расстроило ее, что она слегла в постель, и мне некогда было думать ни о чем другом...

Не несчастный и не дикий Вы человек? — позвольте мне сделать Вам этот дружеский вопрос. Бог знает зачем сидите столько времени в Петербурге,* когда сами говорите, что он опостылел Вам, и к тому же схватили там болезнь. Чего** Вы ждете, — не понимаю. На Вашем месте я взял бы сей час и бежал и приехал бы в Москву.

Потом, как не стыдно Вам писать такие предисловия к «Записк<ам> Охотн<ика>», как то, которое Вы прислали Боткину.¹ Не Вам вступать в полемику с полоумным Григорьевым за его нелепые и глупейшие критики. Ведь нападение его на Вас по поводу «Трех встреч» только глупо и едва ли оскорбительно.² Не думаю также, чтобы в публике могла*** родиться мысль, подобная той, которая пришла в башку Григорьева, и с этой стороны предисловие Ваше бесполезно.

Теперь расскажу Вам маленькую новость. Третьего дня, — я, Шумский и Садовский пришли ужинать в клуб. Около нас сидели за тем же столом офицер Назимов (брат попечителя), князь Баратов, скот в образе человеческого, — и еще какой-то господин. Баратов начинает говорить комплименты Шумскому и ставит нам бутылку шампанского, мы отвечаем тем же. Я в это время не мог оставаться дольше, уйду, — а у Шумского с кн<язем> Баратовым

* *Вместо:* в Петербурге — *было:* в Туле

** *Было:* Что

*** *Вместо:* Не думаю также, чтобы в публике могла — *было:* Не думаю также, что оно могло

начинается разговор о смерти Гоголя. Вдруг, Баратов говорит, что он живет в имении в 10 верстах от имения Гоголя в Полтавс<кой> губ<ернии> (и М. С. Щепкин подтверждал после это), — хорошо знает его семейство, — что Гоголь был год тому назад целое лето в деревне у сестер, подарил им в рукописи 9 глав 2-ой части «Мертв<ых> душ», и что сестры дали ему, Баратову, списать 3 главы и что эти главы у него в Москве, — и предлагает их дать прочесть Шумскому. Можете себе представить радость сего последнего. Нынче он едет с визитом к Баратову, и я в настоящую минуту не знаю еще ничего положительного — и передаю Вам факт, как он был. Ну, если правда?..

В понед<ельник>, на Фоминой, по истечении 6 недель открывают шкаф Гоголя, запечатанный после его смерти. Надеются, что там, может быть, найдется что-нибудь.

А Вы все сидите в Петербурге?... Шумский поет буквально всякий раз, как заговорят об Вас, и все пристаёт ко мне с вопросами — напишете ли Вы ему комедию — «Шарф».³ Я его ободряю. —

Неужто Вы и на Фоминой не приедете в Москву? — а я, несмотря на Ваши обещания, и, хорошо зная Ваши сборы, — плохо на это надеюсь. Прошу, как только скоро приедете, — во всякое время дня и ночи прислать *тотчас же* за мною.

Позвольте мне Вам напомнить в заключение о той просьбе, которую я Вам делал в письме, присланным с Языковым.⁴ Не забудьте исполнить ее, если она удобоисполнима и возможна.

Прощайте. Надеюсь, что это письмо — последнее, и что скоро буду иметь удовольствие лично обнять Вас.⁵ Дай Бог, чтоб это время пришло скорее!

Ваш Ев. Феоктистов.

На обороте письма:

В Петербург. На углу Малой Морской и Гороховой, дом Гиллерме, квартира под № 9.

Его Высокоблагородию Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Год уточняется по почтовому штемпелю: *Москва. <1>852. Марта 24.* На контитуле первого листа рукой неустановленного лица карандашная помета: 1852.

¹ Письмо Феоктистова стало источником сведения о недошедшем до нас предисловии Тургенева к отдельному изданию «Записок охотника», которое Кетчер готовил к печати в Москве. Комментируя этот факт, Назарова писала: «В печати оно, однако, не появилось; большую роль здесь сыграло то отрицательное отношение к этому предисловию, которое было выражено Феоктистовым в упомянутом нами письме» (Назарова. С. 166). Далее она высказала предположение: «Возможно, что это предисловие было уничтожено В. П. Боткиным, когда он и Феоктистов были привлечены по делу о напечатании в „Московских ведомостях“ статьи Тургенева о смерти Гоголя» (там же).

² Предисловие, если исходить из письма, было написано в состоянии раздражения, которое вызвал у Тургенева остро иронический отзыв Григорьева в «Москвитянине» (1852. № 5, март, кн. 1. Отд. V) о рассказе «Три встречи» (Современник. 1852. № 2). Рассказ назван слабым произведением, так как характеры его действующих лиц не раскрыты (С. 26—29). Однако из письма следует и другое: полемике Тургенева вызвала прежде всего вся совокупность выступлений А. Григорьева о «Записках охотника» на страницах «Москвитянина».

³ О комедии «Шарф» см. письма Феоктистова от 17—18 марта 1851 г., 18 февраля, ⁴ 7—8 марта 1852 г.

⁴ Посланное Феоктистовым с М. А. Языковым письмо Тургеневу неизвестно.

⁵ Ожидаемый Феоктистовым приезд Тургенева в Москву не состоялся. Около 15 апреля Николай I читает доклад шефа жандармов А. Ф. Орлова «О Тургеневе, Боткине и Феоктистове» с изложением обстоятельств появления в московской прессе запрещенной в Петербурге статьи об умершем Гоголе. На следующий день «по высочайшему повелению» Тургенева арестовывают и заключают на съезжей 2-й Адмиралтейской части в Петербурге, а затем высылают в Спасское (см. *Летопись (1818—1858)*. С. 200, 206). Далее см. 1-е примечание к письму Феоктистова от 29 марта 1852 г.

19

29 марта (10 апреля) 1852 г. Москва

29 марта. 1852.

Милый Тургенев, — вовсе не думал я писать к Вам до самого Вашего приезда, который, вероятно, скоро будет, — но одно обстоятельство заставляет меня взяться за перо. В Петербург поехал г. Корнилевский, — тот самый, который приходил к Вам в Москве переписывать бумагу по моей рекомендации и после которого Вы должны были выставлять рамы у окон. Этот г. Корнилевский просил у меня рекомендательного письма к И. И. Панаеву «для занятий литературою». Я не дал этого письма и опасаюсь, что он явится все-таки и назовется *«моим другом»*. Ради Бога, спасите меня от этого нареkania, скажите Панаеву, что я этого господина едва знаю, что он хам беззастенчивости и что между нами вовсе нет отношений Ореста и Пилада.

У меня тут была маленькая неприятность по поводу Вашей статьи о Гоголе, помещенной в «Московских Ведомостях»,¹ но об этом при свидании. Когда же оно будет? Жду с нетерпением.

Ваш Е. Феоктистов.

На обороте письма:

В Петербург. На углу Малой Морской и Гороховой, дом Гиллерме, квартира под номером № 9.

Его Высокоблагородию Ивану Сергеевичу Тургеневу.

¹ Феоктистов имел в виду события, последовавшие за публикацией статьи Тургенева о смерти Гоголя, которые завершились для него и Боткина полицейским надзором (длился до 1856 г.) и приказом для молодого кандидата поступить на государственную службу (см. также 5-е примечание к предшествующему письму от 24 марта). Осенью Феоктистов отправился с семьей в Крым и поступил на службу в Симферополь. Свою версию событий он изложил в мемуарах (*Феоктистов*. С. 17—21). У этой истории был еще один хроникер. Е. В. Салиас в письмах к Бестужеву-Рюмину осторожно, прибегая к намекам и недомолвкам (Феоктистова называет «толстяком», «толстым другом», о других говорит отстраненно), пересказывает только что пережитые события и дает им свою интерпретацию. В письме от 28 апреля 1852 г. (датируется по почтовым штемпелям, первый: *Москва. 1852. Апрель 28*; второй — *Тамбов. Май 1852*; на полях рукой неизвестного лица карандашная

помета: 27—28.IV.<18>52. Москва; письмо в копии) она пишет: «У нас здесь было много нового — но писать не могу, и туда едва не попался как кур во щи* ваш Толстый друг, который еще вам и не пишет. В моем последнем письме я говорила вам, что он занят очень. Теперь меньше занятий — и, вероятно, он напишет. Кстати, новость литературная — здесь в Клубе говорили, будто бы Тургенева за то, что он напечатал статью о Гоголе в „Моск. Вед.“ посадили на два месяца на съезжую — а потом приказали выслать из обеих столиц. Видите ли, говорят, что статья эта была Мусиным-Пуш<иным> запрещена, а Тург<енев> переслал ее своим двум друзьям в Москву, из кот<орых> один — отдал ее в „Ведомости“, а другой хлопотал будто бы, не зная, впрочем, что статья запрещена, — чтобы ее тотчас напечатали. Вероятно, это незнание спасло приятелей — Ф<еоктистова> и Б<откина>. Что же касается до Тур<генева>, то ему велено жить в Орловской деревне. Впрочем, это все слухи — а верного ничего нет, поэтому я и не советую вам писать мне об этом» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 107—108). Вскоре в письме от 4—5 мая 1852 г. (датируется по штемпелям: Москва. 1852. Мая 5—4; второй штампель: Тамбов. 9 мая 1852. Письмо в копии) Салиас снова вернулась к этим событиям: «Здесь все тихо, и становится монотонно — и если бы не хлопоты вашего Толстого друга, то мы бы забыли о делах и деловых людях. Теперь это все кончилось чрезвычайно благополучно — для толстяка конечно, — не предвиделось, чтобы дело кончилось слишком дурно, хотя его и страшали. Я оставляю его в Москве — заплывшего жиром и сбившего усы, отчего он стал крайне дурен. Новостей нет — никаких, ни простых, ни литературных, кроме той, что Тург<енев> сидит в Петерб<урге> в частном доме, и потом будет выслан из обеих столиц на житье в Орловской его деревне. Говорят, это не только за напечатание статьи, сколько за грубость Мусину-Пушкину. Впрочем, ничего разобрать нельзя отсюда — вести, приходящие из Петерб<урга> изменяют колорит, как хамелеоны. Верно то, что он сидит» (там же, л. 110 об.—111). Позже, 21 мая 1852 г. (год не проставлен; письмо (в копии) датируется по содержанию), она говорит более открыто: «Вы меня спрашиваете, что было с Е<вгением> М<ихайловичем>. Ужели вы из последнего письма не поняли. Вся беда за статью о Гоголе обрушилась на него — он прошел, однако, счастливо разные допросы, и наконец — это кончилось благополучно. К нему были милостивы (хотя он и был — без вины виноват) и приказали поступить немедленно в службу. Я боялась для него других последствий — ручаться было нельзя, что и его, как Т<ургенева>, вышлют из обеих столиц. Это значило бы погубить всю его жизнь и карьеру. Слава Богу, этот удар миновал его» (там же, л. 113 об.—114). Библиографию документального изучения вышеизложенной системы фактов см. в 23-й сноске вступительной статьи публикации.

---

* Так в копии.